Руссо Ж.-Ж.

МБ
Р-89

Об общ. договоре или начала полит. права
М., 1906.

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

15
Р 89

Жанъ-Жакъ Руссо.

6 6/15
32 (09)
Р 89

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ДОГОВОРѢ

или

НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКАГО ПРАВА.

ПЕРЕВОДЪ Френкеля.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
А. К. Дживелегова.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. ЕФИМОВА.
1906.

ГПИБ
ФИЛИАЛ

Дозволено цензурою Кіевъ 22 декабря 1905 года

Типографія Вильде, Малая Кисловка собственный домъ

16254-23

Предисловіе.

Небольшая книжка, которую видитъ передъ собою читатель, принадлежитъ къ числу самыхъ вліятельныхъ литературныхъ произведеній. Дать сколько-нибудь исчерпывающую оцѣнку ея въ коротенькой замѣткѣ, задача совершенно невыполнимая. Объ „Общественномъ Договорѣ“ написаны томы, но до сихъ поръ нѣтъ еще исчерпывающаго комментарія къ нему. Споры о немъ не прекратились, и говорить о книгѣ по существу значитъ съ первыхъ же шаговъ вступить въ полемику. Поэтому я ограничусь лишь тѣмъ, что въ самыхъ общихъ чертахъ напомню читателю, каково значеніе „Общественнаго Договора“ въ исторіи человѣческой культуры.

Одно время думали, что идеи общественнаго договора, какъ акта, создающаго общество, принадлежатъ если не Руссо, то англійской политической школѣ, непосредственнымъ его предшественникамъ Гоббзу и Локку. Потомъ ее нашли у публицистовъ эпохи Реформаціи, потомъ въ средніе вѣка, потомъ даже у древнихъ, у софистовъ, у Эпикура. Идея оказалась стара, какъ міръ, и въ

глазахъ теоретиковъ государственной науки, которые интересовались именно самымъ принципомъ, заслуга Руссо стала представляться совсѣмъ не такой огромной, какъ сначала.

Для исторіи болѣе или менѣе безразлично, въ чьей головѣ зародилась мысль о томъ, что общество создается путемъ договора. Она знаетъ одно. Пока не появилась книга Руссо, объ общественномъ договорѣ въ широкихъ кругахъ ничего не знали; быть можетъ, самые образованные люди помнили, что идея попадается у Гоббза или у Локка, но никто не думалъ искать ее въ средніе вѣка или у древнихъ грековъ; а если ихъ нашли потомъ, то исключительно потому, что уже была написана книга Руссо.

Словомъ, только Руссо создалъ популярность идеѣ общественнаго договора и только благодаря его книгѣ эта идея пошла въ массы. Его популярность должна слѣдовательно быть приписана какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ. Раньше ее не замѣчали; теперь она стала властвовать надъ умами. Что же произошло? Очевидно, нужно прежде всего искать этихъ причинъ въ томъ сочетаніи политическихъ идей, въ какомъ принципъ общественнаго договора фигурируетъ у Руссо. Этихъ идей много. Ихъ равнодѣйствующей является ученіе о народномъ суверенитетѣ. У теоретиковъ общественнаго договора, писавшихъ до Руссо различаются два вида договора: договоръ отдѣльныхъ лицъ между собою о созданіи единаго политическаго цѣлаго народа и договоръ между народомъ,

создавшимся такимъ путемъ и правительствомъ объ отчужденіи первымъ въ пользу послѣдняго верховныхъ правъ полностью или отчасти. Такимъ образомъ, общественный договоръ въ теоріяхъ публицистовъ до Руссо могъ приводить и къ образованію какой угодно формы монархіи вплоть до деспотизма. Руссо совершенно отвергъ второй типъ договора и тѣмъ придалъ самому принципу ярко демократическій характеръ. Общественный договоръ, о которомъ вновь напомнили именно въ этой комбинаціи, пріобрѣлъ совершенно особый смыслъ и сразу вошелъ въ умственный обиходъ народа.

Въ чемъ заключается ученіе о народномъ суверенитетѣ? Въ томъ, что полнота политической власти въ какомъ бы то ни было обществѣ принадлежитъ самому народу, который пользуется ею въ силу того первоначальнаго договора, который создалъ данное общественное соединеніе. Всѣ члены этого общества пользуются совершенно одинаковыми правами и несутъ совершенно одинаковыя обязанности; каждый жертвуетъ въ пользу общаго одинаковую часть своего достоянія, своихъ силъ, своихъ изначальныхъ правъ и пріобщается благодаря этой жертвѣ къ благамъ гражданскаго устройства и проникнутаго моральнымъ началомъ существованія. Отсюда—равенство, какъ главный выводъ ученія о договорѣ о народномъ суверенитетѣ и свобода — какъ нѣчто само-собою подразумѣвающееся во всемъ этомъ ходѣ желѣзной логической аргументаціи.

Таково вкратцѣ содержаніе „Общественнаго Договора“. Я не излагаю его подробно, потому что читатель, нужно надѣяться, прочтетъ подлинникъ.

Откуда появились всѣ эти идеи у Руссо? Почему онѣ встрѣтили такой восторженный пріемъ? Для того, чтобы дать правильный отвѣтъ на оба вопроса нужно припомнить, какъ складывались классовыя отношенія въ европейскомъ, въ частности во французскомъ обществѣ средины и конца XVIII вѣка и каково было политическое настроеніе въ послѣдовательные моменты этого періода.

Соціальная эволюція въ то время характеризуется двумя главными признаками: упадкомъ двухъ старыхъ командующихъ феодальныхъ сословій и ростомъ третьяго сословія. Третье сословіе — это все что не есть дворянство и духовенство. Слѣдовательно въ него входятъ и буржуазія, и пролетаріатъ, и крестьянство. Классовые интересы буржуазіи и крестьянства были одинаковы: они требовали уничтоженія феодальныхъ привилегій дворянства и духовенства. Пролетаріатъ былъ еще слабъ, жилъ съ буржуазіей въ патріархальной дружбѣ и въ общественныхъ дѣлахъ шелъ у нея въ хвостѣ.

Классовое сознаніе подсказывало и политическое настроеніе. Всѣ тѣ неудобства, которыя ощущало третье сословіе какъ бы символизировались въ той политической формѣ, которая господствовала тогда во Франціи. Абсолютизмъ покровительствовалъ и привилегіямъ, и неравенствамъ, и всему феодальному строю и нисколько не заботился о томъ, чтобы

былъ созданъ просторъ для хозяйственной дѣятельности третьяго сословія. Наоборотъ, онъ всячески ее стѣснялъ. Кромѣ того онъ былъ опасенъ для третьяго сословія, ибо очень любилъ объявлять государственное банкротство, что опять таки касалось ближайшимъ образомъ третьяго сословія, ибо оно было главнымъ держателемъ государственной ренты.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, объясняютъ ненависть третьяго сословія къ абсолютизму.

Разъ третье сословіе пришло къ сознанію своихъ интересовъ, было вполнѣ естественно, чтобы появилось литературное отраженіе этого факта. Ученіе „Общественнаго Договора“ было прямымъ отвѣтомъ на этотъ запросъ. Оно проповѣдывало равенство, потому что третьему сословію были невыгодны привилегіи, которыми оно не пользовалось. Оно проповѣдывало народный суверенитетъ, потому что третье сословіе было большинствомъ и жаждало власти для того, чтобы лучше устраивать свои дѣла.

Руссо уловилъ эти идеи, смутно носившіяся въ народномъ сознаніи. Дать имъ яркую формулировку помогли ему его женевскія наблюденія. Въ маленькой республикѣ Руссо имѣлъ какъ бы лабораторію, и онъ широко пользовался возможностью близко изучать небольшую, но хорошо налаженную политическую машину. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется многое въ конструктивныхъ достоинствахъ и практическихъ недостаткахъ „Contrat Social“.

Женевскими впечатлѣніями объясняется пови-

димому и основное политическое направленіе трактата—его демократичность *). Вотъ почему, хотя „Общественный Договоръ“ и цѣликомъ отвѣчалъ классовому настроенію третьяго сословія, но онъ не могъ дать ученія, способнаго сдѣлаться такъ сказать его офиціальной доктриной. Для этого онъ былъ черезчуръ рѣзокъ и прямолинеенъ, черезчуръ проникнутъ демократизмомъ. А въ третьемъ сословіи задавала тонъ буржуазія. Поэтому, когда въ обществѣ стала ощущаться потребность такой офиціальной доктрины, то идеи Руссо вошли въ нее лишь въ качествѣ составной части и не со всѣми своими логическими выводами.

Для приложенія на практикѣ въ государствѣ сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ ученіе Руссо соевршенно не годится. У Руссо суверенитетъ не дѣлится и не отчуждается. Слѣдовательно, власть въ государствѣ можетъ быть организована только въ видѣ прямого народоправства и не допускаетъ представительства. А прямое народоправство мыслимо исключительно на очень малыхъ территоріяхъ. Поэтому уже Мабли отвергъ оба эти неудобныя качества, которыми такъ дорожилъ Руссо. Но даже въ этомъ видѣ она не удовлетворяла большинства, и большинство сочетало его съ ученіемъ о конституціонной монархіи.

---

*) Въ Contrat Social не сказываются въ очень замѣтной формѣ тѣ черты міросозерцанія Руссо, которыя позволяютъ считать его до нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени, идеологомъ пролетаріата: нападки на собственность, на богатыхъ и проч. Въ Discours sur l'inegalité это видно яснѣе.

Такъ получилась доктрина демократической монархіи, которая не была ни черезъ-чуръ аристократична, ни черезъ-чуръ демократична и которая вполнѣ удовлетворяла большинство. Она стала самой популярной доктриной предъ революціей и у дѣятелей Учредительнаго собранія. Главный идеологъ третьяго сословія Сіейсъ былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ ея популяризаторовъ.

Это было время, когда революціонная волна стояла еще довольно низко. Позднѣе, когда она поднялась, идеи „Общественнаго Договора“ стали находить примѣненіе и въ болѣе широкомъ видѣ. Если Декларацiи правъ и не списали, какъ раньше думали, изъ Contrat Social, то признаковъ вліянія книги можно найти тѣмъ не менѣе сколько угодно. Онъ въ рукахъ у всѣхъ, студенты зубрятъ его къ экзамену по государственному праву; школьники, когда имъ лѣнь учить уроки, грустно твердятъ: „человѣкъ родился свободнымъ, а между тѣмъ повсюду онъ въ оковахъ“ — первую фразу „Договора“. На прогулкѣ его комментируютъ собравшейся толпѣ. Позже онъ сталъ еще популярнѣе. Конституція 1793 года уже вполнѣ демократична. Жирондисты и монтаньары были одинаково страстными поклонниками „Общественнаго Договора“. Онъ былъ ихъ политическимъ символомъ вѣры, какъ „Савойскій викарій“ — религіознымъ. Якобинская диктатура вся цѣликомъ построена на „Общественномъ Договорѣ“. Ученіе о неотчуждаемости суверенитета пробовали провести въ жизнь, устроивъ организа-

цію каждой общины. Казни и терроръ находили самое легкое оправданіе въ отвлеченныхъ логическихъ максимахъ книги. Маратъ и Робеспьеръ недаромъ не разставались съ нею *).

Когда вспыхивала революція потомъ, всякій разъ „Общественный Договоръ“ усиленно читался. Его популярность въ обществѣ увеличивала то значеніе, которое придавали книгѣ въ исторіи и теоріи политическихъ ученій. Въ концѣ XVIII вѣка существовала цѣлая школа Руссо съ Мабли во главѣ; Кондорсе былъ его ученикомъ, Кантъ отдалъ долгъ его вліянію **). Зато у Руссо было не мало противниковъ, которые возражали ему и на теоретической почвѣ, но въ гораздо большей степени ненавидѣли его за тѣ практическія примѣненія, которыя дѣлались изъ ученія „Общественнаго Договора“. Среди нихъ Блюнчли, Тэнъ, Ренанъ. Но все же общественный договоръ, какъ теоретическая доктрина, сохраняетъ свое значеніе до сихъ поръ. Французскій соціалогъ Фулье въ „Science sociale contempo-

*) Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько толкованіе „Общественнаго Договора“ согласовалось съ настоящими мыслями Руссо. Я не могу здѣсь выходить изъ узкихъ рамокъ случайной замѣтки и вдаваться въ сличеніе „Договора“ съ другими заявленіями Руссо, его ограничивающими. Я пишу о „Договорѣ“, и общая характеристика политическихъ взглядовъ его автора не входитъ въ мои задачи.

**) Когда недавно соціалисты стали искать новыхъ методологическихъ путей у кантіантства, а кантіанцы—искать обновленія въ идеяхъ соціализма, именно тѣ пункты, которыми Кантъ былъ обязанъ Руссо, служили почвою для сближенія.

raine“ (1885), исходитъ изъ того предположенія, что существуютъ только двѣ оригинальныя соціальныя системы: общественный договоръ и общественный организмъ и пытается сдѣлать синтезъ изъ нихъ.

Изъ всего этого видно, что „Общественный Договоръ“ имѣетъ очень большое значеніе и до сихъ поръ. Знать его нужно всякому образованному человѣку. Вотъ почему теперь переводъ его предлагается русской читающей публикѣ.

А. Дживелеговъ.

Foederis acquas
Dicamus leges...
Vergil. Acaneid. XI. 321.

Предисловіе.

Этотъ небольшой трактатъ — извлеченіе изъ болѣе обширной работы. Я началъ ее, не разсчитавъ своихъ силъ и теперь уже давно ее оставилъ. Изъ различныхъ отрывковъ, которые можно было бы извлечь оттуда, предлагаемый ниже — наиболѣе значительный и казался мнѣ болѣе другихъ заслуживающимъ обнародованія. Остальные уже не существуютъ.

Книга первая.

Я хочу изслѣдовать вопросъ, могутъ ли быть въ гражданскомъ строѣ какія нибудь основы для управленія,—если мы будемъ, принимая людей такими, какими они есть, и законы такими, какими они могутъ быть,—законныя и вѣрныя. Я буду стараться всегда соединять въ этомъ изслѣдованіи то, что разрѣшаетъ право,—съ тѣмъ, чего требуетъ выгода, дабы справедливость и польза не оказались разобщенными.

Я приступаю къ дѣлу, не доказывая важности предмета моего изслѣдованія. На вопросъ монархъ ли я или законодатель, чтобы писать о политикѣ, я отвѣчу отрицательно; именно потому я и пишу о политикѣ. Если бы я былъ монархъ или законодатель, я бы не тратилъ времени на разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать: я бы или дѣйствовалъ, или молчалъ.

Рожденный гражданиномъ свободной страны и членомъ суверена—какъ бы ни было слабо вліяніе моего голоса въ дѣлахъ общественныхъ,—я считаю право голосованія, которымъ я пользуюсь, достаточнымъ, чтобы считать обязательнымъ для себя

составить себѣ ясное представленіе о сущности политическихъ отношеній. Всякій разъ, какъ я размышляю о различныхъ формахъ правленія, я счастливъ, находя всегда въ моихъ изслѣдованіяхъ новыя причины любить правленіе моей страны.

ГЛАВА I.

Содержаніе первой книги.

Человѣкъ рожденъ свободнымъ, а между тѣмъ повсюду онъ въ оковахъ. Иной мнитъ себя повелителемъ другихъ, а самъ не перестаетъ быть рабомъ въ еще большей степени, чѣмъ они. Какимъ образомъ произошла эта перемѣна? Я не знаю. Что можетъ сдѣлать ее законномѣрной? Мнѣ кажется, что я могу разрѣшить этотъ вопросъ.

Если бы я разсматривалъ одну только силу и слѣдствіе, ею производимое, я бы сказалъ: „Пока народъ принужденъ повиноваться и пока онъ повинуется — онъ поступаетъ хорошо; какъ только онъ можетъ стряхнуть съ себя иго и стряхиваетъ его - онъ поступаетъ еще лучше; ибо онъ возвращаетъ себѣ свою свободу въ силу же права, въ силу котораго она была у него похищена; и или онъ имѣетъ основаніе ее вернуть, или не имѣли основанія ее отнять у него“. Но общественный строй — право священное, которое служитъ основаніемъ всякому другому праву. Но это право не естественное; оно основано на соглашеніяхъ. Требуется

узнать, какія это соглашенія. Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ прочно установить то, что я только что сказалъ.

ГЛАВА II.

О первоначальныхъ обществахъ.

Самая древняя форма всѣхъ обществъ и единственная естественная — это семья. Дѣти сохраняютъ связь съ отцомъ до тѣхъ поръ, пока нуждаются въ поддержкѣ съ его стороны. Разъ прекращается потребность въ помощи—естественная связь разрывается. Дѣти, избавленныя отъ необходимости повиноваться къ отцу, отецъ, свободный отъ заботъ о дѣтяхъ — одинаково становятся независимыми. Если ихъ еще что нибудь и связываетъ, то это не естественно, а добровольно. И сама семья держится лишь въ силу соглашенія.

Эта общая свобода есть слѣдствіе природы человѣка: его первый законъ—самоохраненіе, его первыя заботы — заботы о себѣ; и какъ только онъ вступаетъ въ сознательный возрастъ, онъ самъ начинаетъ судить о способахъ самосохраненія и становится себѣ господиномъ.

Итакъ, если угодно, семья является первымъ образцомъ политическаго общества: отецъ — прообразъ вождя, дѣти—прообразъ народа; всѣ, рожденные равными и свободными, отрѣшаются отъ свободы только ради своей выгоды. Вся разница въ томъ, что въ семьѣ любовь отца къ дѣтямъ воз-

награждаетъ его за его заботы о нихъ а въ государствѣ отсутствіе любви къ народу со стороны вождя возмѣщается наслажденіемъ власти.

Гроціусъ не признаетъ, что всякая власть человѣческая установлена на благо управляемыхъ; онъ приводитъ въ качествѣ примѣра — рабство. Его постоянный способъ разсужденія заключается въ установленіи права при помощи факта *). Можно было бы разсуждать болѣе послѣдовательно, но не болѣе благопріятно для тирановъ.

По Гроціусу сомнительно, принадлежитъ ли родъ человѣческій какой нибудь сотнѣ людей или эта сотня людей принадлежитъ человѣчеству: на протяженіи всей своей книгѣ онъ повидимому склоняется къ первому мнѣнію. Таково также мнѣніе Гоббза. Такимъ образомъ, родъ человѣческій является раздѣленнымъ на стада, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего вождя; вождь охраняетъ свое стадо, чтобы пожирать его.

Какъ пастухъ по природѣ своей стоитъ выше своего стада, такъ и пастыри, стоящіе во главѣ людей, принадлежатъ къ породѣ высшей, чѣмъ ихъ народъ. Такъ разсуждалъ, по словамъ Филона, императоръ Калигула, дѣлая довольно искусно изъ

---

*) „Ученыя изслѣдованія о государственномъ правѣ часто являются не болѣе, какъ исторіей старыхъ злоупотребленій. И люди проявляютъ очень некстати такую упорную усидчивость, изучая ихъ слишкомъ много“ (Traité des interêts de la France avec les voisins“ маркиза Д'Аржансона). Это именно то, что дѣлалъ Гроціусъ.

такой аналогіи тотъ выводъ, что цари — боги, а народы – скотъ.

Разсужденіе Калигулы похоже на разсужденія Гобза и Гроціуса. Аристотель раньше ихъ всѣхъ сказалъ также, что люди по природѣ своей не равны: одни рождаются для рабства, другіе для владычества.

Аристотель былъ правъ, но онъ принималъ слѣдствіе за причину. Всякій человѣкъ, рожденный въ рабствѣ, рождается для рабства; нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго. Рабы все теряютъ въ своихъ оковахъ, даже желаніе отъ нихъ освободиться; они любятъ свое порабощеніе, какъ сотоварищи Одиссея любили свое скотство *). Итакъ, если существуютъ рабы по природѣ, то это потому, что были рабы вопреки природѣ. Сила создала первыхъ рабовъ, трусость увѣковѣчила рабство.

Я ничего не сказалъ про короля Адама и про императора Ноя, отца трехъ великихъ монарховъ, раздѣлившихъ между собою вселенную, какъ сдѣлали дѣти Сатурна, за которыхъ ихъ считаютъ. Я надѣюсь, что мнѣ будутъ благодарны за эту воздержанность. Ибо, происходя по прямой линіи отъ одного изъ этихъ королей, а можетъ быть, отъ старшей вѣтви, возможно, что по провѣркѣ документовъ, я окажусь законнымъ царемъ рода человѣческаго. Кто знаетъ? Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что Адамъ былъ владыкой міра, какъ

---

*) См. маленькій трактатъ Плутарха, озаглавленный „О разумѣ безсловесныхъ“.

Робинзонъ—своего острова, пока былъ единственнымъ жителемъ; и что было удобно въ этомъ владычествѣ, — это то, что монархъ, крѣпко сидѣлъ на своемъ тронѣ и могъ не бояться ни возстанія, ни войны, ни заговорщиковъ.

ГЛАВА III.

О правѣ сильнаго.

Сильный — никогда не бываетъ достаточно силенъ, чтобы оставаться всегда господиномъ, если онъ не превращаетъ силы въ право, и повиновенія въ долгъ. Отсюда—право сильнаго,—право, понимаемое какъ будто бы иронически, а въ дѣйствительности установленное въ качествѣ принципа. Но объяснятъ ли намъ когда-нибудь это слово? Сила—это могущество физическое; я не вижу, какое нравственное начало можетъ быть результатомъ ея дѣйствій. Уступка силѣ есть слѣдствіе необходимости, а не воли. По большей мѣрѣ это актъ благоразумія. Въ какомъ смыслѣ это можетъ стать долгомъ?

Признаемъ на одну минуту это предполагаемое право. Результатомъ такого допущенія будетъ необъяснимая путаница. Ибо, если сила производитъ право, то слѣдствіе мѣняется съ причиной. Всякая сила, преодолѣвающая первую силу, наслѣдуетъ ея праву. Какъ только окажется возможно безнаказанное ослушаніе, будетъ возможно и ослушаніе законное. И такъ какъ болѣе сильный всегда правъ,

то весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы стать сильнѣе. Но что жъ это за право, которое прекращается вмѣстѣ съ силой? Если нужно повиноваться уступая силѣ, то нѣтъ необходимости повиноваться по обязанности, и если нѣтъ болѣе силы, вынуждающей повиноваться, то нѣтъ уже и никакого обязательства. Выходитъ, такимъ образомъ, что слово „право“ ничего не прибавляетъ къ слову „сила“; оно здѣсь ничего не означаетъ.

Повинуйтесь властямъ. Если это значитъ: уступайте силѣ—правило справедливо, но излишне. Я ручаюсь, что оно никогда не будетъ нарушено. Всякое могущество отъ Бога. Прекрасно, но и сѣ болѣзни отъ Него же. Значитъ ли это, что запрещено обращаться къ врачу? Предположимъ, что разбойникъ нападаетъ на меня въ лѣсу; сила на его сторонѣ, и я долженъ отдать ему кошелекъ; но если я могу его спрятать, долженъ ли я по совѣсти отдать его? Вѣдь пистолетъ, который онъ держитъ—тоже вѣдь источникъ власти.

Итакъ, согласимся, что сила не производитъ право, и повиновеніе обязательно только по отношенію къ законнымъ властямъ. Такимъ образомъ, снова встаетъ мой первоначальный вопросъ.

ГЛАВА IV.

О рабствѣ.

Такъ какъ ни одинъ человѣкъ не имѣетъ естественной власти надъ себѣ подобнымъ и такъ какъ

сила не производитъ никакого права, то основаніемъ для всякой законом'ерной власти между людьми могутъ служить лишь договоры.

Если единичная личность, говоритъ Гроціусъ, можетъ отчудить свою свободу, и стать рабомъ другого, то почему же цѣлый народъ не можетъ отчудить свою свободу и сдѣлаться подвластнымъ царю? Здѣсь встрѣчаются двусмысленности, требующія объясненія, но мы будемъ придерживаться слова „отчудить“. Отчудить значитъ подарить или продать. Но человѣкъ, дѣлающійся рабомъ другого, не даритъ себя: по меньшей мѣрѣ онъ себя продаетъ ради своего существованія. Но чего ради народу продавать себя? Царь не только не даетъ подданнымъ своимъ средствъ существованія, наоборотъ, онъ свое существованіе извлекаетъ изъ нихъ, а Рабле утверждаетъ, царь не можетъ существовать малымъ. Стало быть подданные, отдавая свою свободу,—отдаютъ ее подъ условіемъ, что ее возьмутъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ? Я не понимаю, что же имъ еще остается?

Скажутъ, что деспотъ обезпечиваетъ своимъ подданнымъ спокойствіе гражданское; пусть такъ; но въ чемъ ихъ выгода, если войны, вызванныя его честолюбіемъ, если его ненасытная жадность, притѣсненія его министровъ обездоливаютъ ихъ болѣе, чѣмъ внутренніе раздоры? Въ чемъ выгода, если это спокойствіе является однимъ изъ ихъ бѣдствій? Въ тюрьмахъ тоже живутъ спокойно; достаточно ли этого, чтобы чувствовать себя въ нихъ хорошо?

Греки, запертые въ пещерѣ Циклопа, жили спокойно, ожидая очереди быть пожранными.

Сказать, что человѣкъ лишаетъ себя свободы безвозмездно,—значитъ, сказать нѣчто нелѣпое и непонятное. Такой актъ не законенъ и не дѣйствителенъ, по одному тому, что въ здравомъ смыслѣ сдѣлать это невозможно. Сказать то же самое про цѣлый народъ, значитъ предположить народъ безумцевъ: сумасшествіе не создаетъ права.

Если каждый можетъ отчудить самого себя,—онъ не можетъ этого сдѣлать по отношеніи къ дѣтямъ: они рождаются людьми и свободными. Ихъ свобода принадлежитъ имъ и никто, кромѣ нихъ, не имѣетъ права ею располагать. Пока они не выросли и не научились разсуждать, отецъ можетъ отъ ихъ имени создавать условія для сохраненія ихъ невредимыми, для ихъ благосостоянія, но онъ не можетъ отдавать ихъ безвозвратно и безъ условій: ибо такой даръ противенъ цѣлямъ природы и превышаетъ отцовскія права. Поэтому, для того чтобы правленіе произвола было законно, слѣдовало бы, чтобы каждое поколѣніе народа было бы властно допустить или отвергнуть его: но тогда это не было бы правленіемъ произвола.

Отказаться отъ своей свободы значитъ отказаться отъ человѣческаго достоинства, отъ правъ человѣчества, даже отъ своихъ обязанностей. Ничемъ не возможно вознаградить того, кто отъ всего отказывается. Такое отреченіе несовмѣстно съ природой человѣка; отнять всю свободу у своей воли значитъ отнять всю нравственную основу у

своихъ дѣйствій. Словомъ, требовать съ одной стороны абсолютной власти, а съ другой — безграничнаго повиновенія, значило бы искать соглашенія противорѣчиваго и пустого. Не ясно ли, что я ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ тому, отъ кого имѣю право все требовать. И это единственное условіе, которое остается безъ уравновѣшивающаго его на другой сторонѣ, не указываетъ ли на недѣйствительность акта? Ибо, какое право имѣетъ по отношеніи ко мнѣ мой рабъ, если все то, что онъ имѣетъ, принадлежитъ мнѣ, если его право— мое право, которое при попыткѣ заставить его дѣйствовать противъ меня не будетъ имѣть никакого смысла.

Гроціусъ и другіе писатели ищутъ въ войнѣ другое начало такъ-называемаго права рабства. Побѣдитель имѣетъ, по ихъ мнѣнію право убить побѣжденнаго, и этотъ послѣдній можетъ выкупить свою жизнь цѣною своей свободы; соглашеніе это тѣмъ болѣе законно, что оно выгодно для обѣихъ сторонъ.

Но очевидно, что допускаемое тутъ право убить побѣжденнаго, не обусловлено ни въ какомъ случаѣ состояніемъ войны. По одному тому, что люди, живущіе въ своей изначальной независимости, не имѣютъ между собой достаточно постоянныхъ сношеній, способныхъ породить состояніе мира или войны, они по природѣ своей не склонны къ враждѣ. Войну порождаетъ соотношеніе вещей, а не людей; состояніе войны рождается не отъ простыхъ личныхъ отношеній, но только отъ отноше-

ній, обусловленныхъ владѣніемъ.) Частная война или война человѣка съ человѣкомъ не можетъ существовать ни въ первобытномъ состояніи, гдѣ нѣтъ постоянной собственности, ни въ состояніи общественномъ, гдѣ все подчинено власти законовъ.

Частныя сраженія, дуэли, поединки суть акты, которые не создаютъ длительнаго состоянія. Что же касается частныхъ войнъ, дозволенныхъ установленіями Людовика IX, короля Франціи, и запрещенныхъ учрежденіями Божьяго мира, то это—злоупотребленія (феодальнаго правленія, самой нелѣпой системы, которая когда - нибудь существовала, противной принципамъ естественнаго права и всякому политическому благоустройству)

Война, такимъ образомъ, не есть отношеніе человѣка къ человѣку; это-отношеніе государства къ государству, отношеніе, въ которомъ частныя лица являются врагами лишь случайно, не какъ люди, даже не какъ граждане *), но какъ солдаты, не

---

*) Римляне, которые понимали право войны и больше уважали его, чѣмъ всякая другая нація, простирали щепетильность въ этомъ отношеніи такъ далеко, что гражданамъ не позволялось служить въ волонтерахъ, если они не обозначали въ точности свое желаніе сражаться противъ непріятеля и при томъ противъ опредѣленнаго непріятеля. Одинъ легіонъ, въ которомъ сынъ Катона начиналъ свою военную службу подъ начальствомъ Попилія, былъ преобразованъ, и Катонъ-отецъ писалъ Попилію, что если ему угодно, чтобы его сынъ продолжалъ свою службу подъ его начальствомъ, то ему нужно принести новую присягу, такъ какъ вслѣдствіе недѣйствительности первой, онъ не можетъ болѣе сражаться противъ непріятеля. Сыну же онъ написалъ, чтобы тотъ и не думалъ итти въ бой, не принося второй присяги. Я знаю, что противъ

какъ члены отечества, но какъ его защитники. Наконецъ, каждое государство можетъ имѣть врагами только государства, но не людей, такъ какъ между вещами, по природѣ своей разнородными, нельзя опредѣлить никакого настоящаго соотношенія.

Этотъ принципъ соотвѣтствуетъ и положеніямъ, установленнымъ во всѣ времена, и постоянной практикѣ всѣхъ политически благоустроенныхъ народовъ. Объявленіе войны относится больше къ подданнымъ, чѣмъкъ властямъ. Чужеземцы,—будь то король, частное лицо, или народъ, которые грабятъ, убиваютъ или захватываютъ въ плѣнъ подданныхъ, не объявляя войны королю, не непріятели, а разбойники. Даже въ разгарѣ войны справедливый король, овладѣвая въ странѣ противниковъ всѣмъ, что принадлежитъ государству, уважаетъ личность и имущество частныхъ лицъ. Онъ уважаетъ тѣ права, на которыхъ основаны его собственныя. Такъ какъ цѣлью войны является разрушеніе непріятельскаго государства, то существуетъ право убивать его защитниковъ, пока у нихъ оружіе въ рукахъ; но какъ только они сложили оружіе и сдались, переставая быть врагами или орудіемъ враговъ, они становятся просто людьми и никто не имѣетъ болѣе права на ихъ жизнь. Иногда можно уничто-

---

меня могутъ привести фактъ осады Клузіума и другіе отдѣльные факты. Но я ссылаюсь на законы и обычаи. Римляне рѣже другихъ нарушали свои законы и у нихъ однихъ были такіе прекрасные законы.

жить государство, не убивъ ни одного его члена, ибо война не даетъ никакого права, которое не было бы необходимо для ея цѣли. Эти принципы не Гроціусовскіе, они не основаны на авторитетѣ поэтовъ, но исходятъ изъ природы вещей и основаны на разумѣ.

Что касается права завоеванія, оно не имѣетъ основаніемъ только право сильнаго. Если война не даетъ побѣдителю права перебить побѣжденные народы, то это право,—которымъ оно не обладаетъ,—не можетъ служить основаніемъ для права обращать ихъ въ рабство. Существуетъ право убить врага только въ случаѣ невозможности сдѣлать его рабомъ. Но право обращать его въ рабство не вытекаетъ изъ права убить; слѣдовательно: заставить его купить цѣною свободы жизнь, на которую никто не имѣетъ никакого права—значитъ устроить неправую мѣну. Не ясно ли, что мы попадемъ въ заколдованный кругъ, если будемъ основывать право жизни и смерти на правѣ рабства, и право рабства на правѣ жизни и смерти.

Допуская даже ужасное право все убивать, я утверждаю, что рабъ, пріобрѣтенный войной, или побѣжденный народъ обязанъ по отношенію къ своему господину только повиновеніемъ и притомъ настолько, насколько онъ къ этому принужденъ. Взявъ у него равноцѣнное жизни, побѣдитель этимъ не оказалъ ему никакой милости: вмѣсто того, чтобы убить его безплодно, онъ убилъ его съ выгодой. Онъ вовсе не пріобрѣлъ надъ нимъ какой бы то ни было власти, кромѣ той, которая

обусловлена правомъ сильнаго: состояніе войны существуетъ между ними, какъ и прежде, и ихъ отношенія являются даже слѣдствіемъ ея. Пользованіе правомъ войны не предполагаетъ въ себѣ никакого мирнаго договора. Пусть они устроили соглашеніе, но это соглашеніе не только не разрушаетъ положенія войны, но предполагаетъ ея продолженіе.

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣли на положеніе вещей, право рабства недѣйствительно не только потому, что оно незаконно, но потому, что оно нелѣпо и ничего не означаетъ. Понятіе „рабство и право“ — противорѣчивы и взаимно другъ друга исключаютъ. Нижеслѣдующая рѣчь будетъ ли обращена она человѣкомъ къ человѣку, или человѣкомъ къ цѣлому народу—всегда будетъ одинаково безсмысленной. „Я заключаю съ тобой соглашеніе для тебя всецѣло въ тягость, для меня всецѣло выгодное, которое я буду соблюдать, пока оно мнѣ будетъ угодно, и которое ты будешь соблюдать, пока оно мнѣ будетъ угодно.“

ГЛАВА V.

О томъ, что необходимо всегда восходить къ первичному соглашенію.

Если бы я согласился со всѣмъ, что я опровергъ до сихъ поръ, защитники деспотизма не много бы выиграли. Всегда будетъ существовать большая разница между порабощеніемъ массы и управле-

ніемъ обществомъ. Я не вижу въ послѣдовательномъ порабощеніи однимъ человѣкомъ отдѣльныхъ людей, каково бы ни было ихъ число, народа и его главы,—здѣсь только господинъ и рабы. Это, если угодно, аггрегація, а не ассоціація; въ этомъ нѣтъ ни общественнаго блага, ни корпораціи политической. Если бы даже этотъ человѣкъ поработилъ полъ-міра, онъ всегда остался бы частнымъ лицомъ. Его интересъ, отдѣленный отъ интереса другихъ, остается всегда частнымъ интересомъ. Если бы этотъ самый человѣкъ погибъ, его владѣніе осталось бы разбросаннымъ и было бы лишено связи, подобно тому, какъ дубъ истребленный огнемъ разлагается и обращается въ кучу золы.

Народъ, согласно Гроціусу, можетъ отдаться подъ власть какого нибудь короля. Значитъ Гроціусъ признаетъ его народомъ и до его подчиненія королю. Самое это подчиненіе—актъ гражданскаго характера; онъ предполагаетъ общественное обсужденіе. Прежде чѣмъ разсматривать актъ, по которому народъ избираетъ короля, не мѣшаетъ изслѣдовать актъ, дающій народу имя народа; ибо этотъ актъ, необходимо предшествуя другому, составляетъ дѣйствительное основаніе общества.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было предварительнаго соглашенія, въ чемъ выразилось бы для малаго числа принужденіе покориться выбору большого числа, въ случаѣ не единодушнаго голосованія. И почему сотня, желающая господина, имѣетъ право рѣшить за десятерыхъ, которые его не желаютъ? Дѣло въ томъ, что законъ большин-

ства голосовъ, самъ по себѣ, учрежденіе, возникшее, путемъ соглашенія и предполагаетъ, по крайней мѣрѣ однажды, единогласіе.

ГЛАВА VI.

Объ общественномъ договорѣ.

Предположимъ, что люди достигли той точки развитія, когда препятствія, которыя мѣшаютъ оставаться въ первобытномъ состояніи, оказываются сильнѣе по силѣ сопротивленія, чѣмъ тѣ усилія, которыя можетъ употребить всякій индивидуумъ, чтобы остаться въ этомъ состояніи. Тогда первобытное состояніе не можетъ болѣе держаться, и человѣческій родъ погибъ бы, если бы онъ не перемѣнилъ образа существованія.

Такъ какъ люди не въ состояніи порождать новыя силы, но могутъ только соединять и направлять тѣ, которыя существуютъ, то у нихъ не остается другого способа самосохраненія, какъ образовать путемъ соединенія извѣстную сумму силъ, которая оказалась бы сильнѣе сопротивленія, привести ихъ въ дѣйствіе однимъ импульсомъ и заставить дѣйствовать согласно.

Эта сумма силъ можетъ возникнуть лишь благодаря совмѣстному дѣйствію многихъ; но вѣдь сила и свобода каждаго человѣка суть первыя орудія его самосохраненія; какъ можетъ онъ рискнуть ими безъ вреда для своей личности, и не пренебрегая заботами о себѣ? Это затрудненіе, если

выразить его съ точки зрѣнія моей темы, можетъ быть изложено слѣдующимъ образомъ:

„Найти такую форму ассоціаціи, или общественнаго соединенія, которая защищала и охраняла бы всею общею силой личность и имущество каждаго члена и благодаря которой всякій, соединяясь со всѣми, повиновался бы только себѣ и оставался такъ же свободенъ, какъ и прежде“. Вотъ основная задача, которую разрѣшаетъ общественный договоръ.

Статьи этого договора такимъ образомъ опредѣлены его природою, что малѣйшее видоизмѣненіе сдѣлало бы ихъ пустыми и недѣйствительными; по этому, не будучи никогда, можетъ быть, формально выражены, онѣ вездѣ одинаковы, вездѣ молчаливо допущены и признаны. Такъ продолжается вплоть до момента нарушенія общественнаго договора; тогда всякій вновь вступаетъ въ свои первоначальныя права, и возвращаетъ себѣ вновь свою естественную свободу, утративъ свободу условную, для которой онъ отказался отъ первой.

Эти статьи, конечно, сводятся къ одной единственной, а именно: абсолютное отчужденіе каждаго члена общины со всѣми его правами въ пользу всей общины; ибо, во первыхъ, если всякій отдастъ себя всецѣло, условіе становится для всѣхъ одинаково, а разъ условіе для всѣхъ одинаково, никому нѣтъ выгоды дѣлать его тягостнымъ для другихъ.

Кромѣ того, такъ какъ отчужденіе не допускаетъ оговорокъ, то союзъ настолько полонъ, насколько возможно, и ни одинъ общникъ не можетъ болѣе

ничего требовать для себя; ибо, если бы оставались какія нибудь права за частными лицами, то, при отсутствіи общаго начальника, который могъ бы объявить приговоръ по спору между ними и обществомъ, каждый будучи самъ себѣ, въ нѣкоторыхъ вопроасхъ, судьей, скоро захотѣлъ бы быть имъ во всѣхъ; первобытное состояніе продолжало бы существовать и ассоціація сдѣлалась бы тираническої или тщетної.

Наконецъ, всякій, отдавая себя всѣмъ, не отдастъ себя никому; и такъ какъ нѣтъ ни одного члена общины, въ отношеніи котораго не пріобрѣталось бы то же право, которое уступается ему другими въ отношеніи себя, то всѣми пріобрѣтается равноцѣнное всему тому, что утрачивается, и кромѣ того возрастаетъ сила для сохраненія того, что каждый имѣетъ.

Такимъ образомъ, если устранить въ общественномъ договорѣ то, что не составляетъ его сущность, онъ можетъ быть выраженъ такъ: Всякій изъ насъ ставитъ себя и свое могущество, какъ общее достояніе, подъ высшее управленіе общей воли; и мы, какъ цѣлое, принимаемъ каждаго члена, какъ нераздѣльную часть всего.

Вмѣсто отдѣльной личности каждаго договаривающагося, этотъ актъ ассоціаціи сейчасъ же создаетъ моральное и коллективное цѣлое, составленное изъ столькихъ членовъ, сколько собраніе имѣетъ голосовъ, цѣлое, которое получаетъ путемъ этого самого акта свое единство, общее я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составляенная такимъ обра-

зомъ изъ единенія всѣхъ остальныхъ личностей, получала въ прежнее время названіе *гражданской общины* *), а теперь называется *республикой* или политическимъ цѣлымъ, которое именуется своими членами *государствомъ*, когда оно пассивно, и *сувереномъ*, когда оно активно, *державой* — при сравненіи ея съ ей подобными. Что касается членовъ такого общественнаго соединенія, то коллективно они зовутся *народомъ*, каждый въ отдѣльности *гражданами*, какъ имѣющіе долю во власти суверена, и *подданными*, какъ подчиненные законамъ

---

*) Cité. Истинный смыслъ этого слова въ наше время почти совершенно забытъ. Многіе считаютъ городъ гражданской общиной и горожанина смѣшиваютъ съ гражданиномъ. Они не знаютъ, что городъ составляется изъ домовъ, а гражданскую общину составляютъ граждане Это заблужденіе когда-то дорого обошлось карѳагенянамъ. Мнѣ не приходилось читать, чтобы названіе cives давалось подданному какого-нибудь государя; даже у македонянъ этого не было, а въ наши дни этого не существуетъ и у англичанъ, хотя они и болѣе близки къ свободѣ, чѣмъ всѣ остальные. Только французы довольно развязно называютъ себя гражданами потому, что они совершенно не понимаютъ значенія слова; это видно изъ ихъ словарей. Если бы они, называя себя такъ, понимали смыслъ слова, то узурпируя его, они совершали бы своего рода оскорбленіе величества. Это названіе у нихъ означаетъ не право, а добродѣтель. Когда Бодэнъ хотѣлъ говорить о нашихъ гражданахъ и горожанахъ, онъ совершилъ большой промахъ, принявъ однихъ за другихъ Д'Аламберъ не ошибся и правильно различалъ въ своей статьѣ „Genève“ четыре класса (даже пять, если считать чужестранцевъ) людей, живущихъ въ нашемъ городѣ, изъ которыхъ только два составляютъ республику. Изъ другихъ французскихъ писателей, сколько я знаю, ни одинъ не понялъ истиннаго смысла слова *гражданинъ*.

государства. Но термины эти часто смѣшиваются и принимаются одинъ за другой. Достаточно умѣть ихъ различать, когда они употребляются во всей ихъ точности.

ГЛАВА VII.

О суверенѣ.

Изъ вышеприведенной формулы видно, что актъ ассоціаціи заключаетъ въ себѣ взаимное обязательство общественнаго цѣлаго съ частными лицами и что каждый индивидуумъ, составляя, такъ сказать, условіе съ самимъ собой, налагаетъ на себя двойное обязательство, именно: какъ членъ суверена по отношеніи къ частнымъ лицамъ и какъ членъ государства по отношеніи къ суверену. Но здѣсь не приложено положеніе гражданскаго права, заключающееся въ томъ, что никто не обязанъ подчиняться условію, заключенному съ самимъ собой; ибо большая разница быть обязаннымъ по отношеніи къ себѣ или по отношеніи къ цѣлому, часть котораго составляешь.

Надо замѣтить еще, что рѣшеніе общественное, которое можетъ наложить обязательство на всѣхъ подданныхъ по отношеній къ суверену, благодаря различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ обѣ стороны разсматриваются, не можетъ, по противоположнымъ основаніямъ, наложить обязательство на суверена по отношеніи къ себѣ, и что слѣдовательно противно природѣ политическаго цѣлаго, чтобы су-

веренъ налагалъ на себя законъ, котораго онъ не могъ бы нарушить. Такъ какъ онъ можетъ смотрѣть на себя только съ одной точки зрѣнія, то онъ является частнымъ лицомъ, заключающимъ условіе съ самимъ собой. Отсюда видно, что нѣтъ и не можетъ быть никакого основного закона обязательнаго, для народа цѣлаго, хотя бы то былъ и общественный договоръ. Это не значитъ, чтобы народъ, какъ цѣлое не могъ заключать обязательство съ другими, въ чемъ-нибудь такомъ, что не нарушаетъ этого договора. Ибо въ отношеніи къ чужестранцамъ онъ становится существомъ неколлективнымъ, индивидуумомъ.

Но политическое цѣлое или суверенъ, обязанное своимъ существованіемъ только святости договора, никогда не можетъ, даже по отношеніи къ другому, входить въ какое-нибудь обязательство, могущее нарушить этотъ первоначальный актъ, напримѣръ отчудить часть самого себя или подчиниться другому суверену. Нарушить актъ, по которому онъ существуетъ,—значило бы уничтожить себя; и то, что есть ничто, не производитъ ничего.

Какъ только безпорядочная толпа такимъ образомъ соединилась въ одно цѣлое, нельзя оскорбить одного изъ его членовъ, не нанося оскорбленія цѣлому; и тѣмъ болѣе нельзя оскорбить цѣлое, такъ чтобы этого не почувствовали всѣ члены. Такимъ образомъ, долгъ и выгода обязуютъ одинаково обѣ договаривающіяся стороны оказывать другъ другу взаимную помощь. И тѣ же люди

должны стараться соединить въ обѣихъ этихъ отношеніяхъ всѣ вытекающія отсюда преимущества.

Такъ какъ суверенъ образуется только изъ частныхъ лицъ, его составляющихъ, то онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ; вслѣдствіе этого верховная власть не нуждается въ гарантіяхъ по отношеніи къ подданнымъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло нанести вредъ всѣмъ своимъ членамъ. И мы увидимъ ниже, что оно не можетъ вредить никому въ частности. Суверенъ по тому самому, что онъ существуетъ, представляетъ собою именно то, чѣмъ онъ долженъ быть.

Не таково отношеніе подданныхъ къ суверену: несмотря на общій интересъ, ничто не могло бы быть ему порукой въ ихъ обязательствахъ, если бы онъ не нашелъ средства обезпечить себѣ ихъ вѣрность.

Въ самомъ дѣлѣ: каждый индивидуумъ можетъ, какъ человѣкъ, имѣть частную волю, противную или несходную съ общей волей, руководящей имъ, какъ гражданиномъ. Его личный интересъ можетъ диктовать ему совсѣмъ другое, чѣмъ интересъ общій. Его естественно независимое существованіе можетъ заставить его считать то, что онъ долженъ общему дѣлу, какъ на даровое приношеніе, потеря котораго повредитъ другимъ мало, и выполнить которое самому ему будетъ тягостно; и разсматривая нравственную личность, составляющую государство, какъ существо отвлеченное, потому только, что это не человѣкъ, онъ пользовался бы правами граж-

данина, не выполняя обязанностей подданнаго,— несправедливость, которая могла бы повлечь за собой разрушеніе политическаго цѣлаго.

Но для того, чтобы общественный договоръ не былъ пустою формальностью, онъ заключаетъ въ себѣ обязательство, которое единственно можетъ дать силу другимъ. Оно гласитъ: тотъ, кто откажется повиноваться общей волѣ, будетъ принужденъ къ этому силами всего цѣлаго. Это означаетъ ничто другое, какъ то, что его заставятъ быть свободнымъ; ибо таково условіе, которое, давая отечеству гражданина, охраняетъ послѣдняго отъ всякой личной зависимости; это условіе приводитъ въ движеніе весь механизмъ политическаго строя, и одно дѣлаетъ гражданскія обязательства законномѣрными; безъ него эти обязательства были бы нелѣпы, тираничны и подвержены самымъ ужаснымъ злоупотребленіямъ.

ГЛАВА VIII.

О гражданскомъ состояніи.

Переходъ отъ естественнаго состоянія къ гражданскому производитъ въ человѣкѣ весьма замѣтную перемѣну, замѣняя въ его дѣйствіяхъ инстинктъ— правосудіемъ и сообщая его дѣйствіямъ нравственное начало, котораго имъ прежде не доставало. Только тогда голосъ долга наслѣдуетъ физическому побужденію, право—желанію, и человѣкъ, обращавшій до тѣхъ поръ вниманіе только на самого себя,

оказывается принужденнымъ дѣйствовать согласно другимъ принципамъ и прислушивается къ голосу разума, прежде чѣмъ повиноваться естественнымъ склонностямъ. Хотя онъ и лишаетъ себя въ этомъ состояніи многихъ преимуществъ, дарованныхъ природой, но взамѣнъ ихъ онъ пріобрѣтаетъ много другихъ, гораздо болѣе значительныхъ, его способности упражняются и развиваются, расширяется кругъ его идей, облагораживаются чувства; онъ настолько возвышается душевно, что если бы злоупотребленія этого новаго состоянія часто не низводили его на ступень болѣе низкую, чѣмъ та, изъ которой онъ вышелъ, онъ долженъ былъ бы неустанно благословлять счастливый моментъ, навѣки вырвавшій его оттуда и превратившій его изъ глупаго и ограниченнаго животнаго въ существо разумное, въ человѣка.

Приведемъ всѣ эти соображенія за и противъ къ удобосравнимымъ даннымъ. Благодаря общественному договору, человѣкъ теряетъ естественную свободу и безграничное право на все то, что его привлекаетъ и чего онъ можетъ достигнуть; онъ выигрываетъ свободу гражданскую и собственность на все, чѣмъ онъ обладаетъ. Чтобы не ошибиться въ смыслѣ этого обмѣна, надо умѣть отличать естественную свободу, единственныя границы которой—силы индивидуума, отъ свободы гражданской, которая ограничена волею, и понимать разницу между владѣніемъ, представляющимъ собою результатъ силы, или правомъ перваго захвата—отъ

собственности, которая можетъ быть основана только на положительномъ правомочіи.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что можно было бы прибавить къ пріобрѣтенію гражданскаго состоянія нравственную свободу, единственно дѣлающую человѣка въ настоящемъ смыслѣ себѣ господиномъ: ибо побужденіе одного только желанія есть рабство, а повиновеніе закону, себѣ предписанному, есть свобода. Но я уже достаточно сказалъ на эту тему и выяснять философскій смыслъ слова „свобода“ не входитъ въ рамки моего разсужденія.

ГЛАВА IX.

О владѣніи землею.

Каждый членъ общины отдаетъ себя ей въ тотъ моментъ, когда она складывается и такимъ, какимъ засталъ его этотъ актъ, отдаетъ себя и всѣ свои силы, часть которыхъ составляетъ его имущество. Нельзя сказать, что этимъ актомъ владѣніе измѣняетъ свою природу, мѣняя обладателя, и становится собственностью въ кругу собственности суверена; но подобно тому, какъ силы гражданской общины несравненно болѣе значительны, чѣмъ силы частнаго лица, такъ общественное владѣніе на дѣлѣ болѣе крѣпко и нерушимо, хотя, по крайней мѣрѣ, по отношеніи къ иностранцамъ, и не болѣе законномѣрно. Ибо государство по отношеніи къ своимъ членамъ—является господиномъ всего ихъ имущества согласно общественному договору, который въ го-

сударствѣ служитъ основой всѣмъ правамъ. Но по отношеніи къ другимъ державамъ его право на владѣніе обусловлено только правомъ перваго захвата, переданнымъ ему частными лицами.

Право перваго захвата хотя и болѣе дѣйствительное, чѣмъ право сильнаго, но становится настоящимъ правомъ только послѣ установленія права собственности. Всякій человѣкъ имѣетъ, конечно, право на все, что ему необходимо; но положительный актъ, дѣлающій его собственникомъ какого нибудь имущества, исключаетъ его изъ пользованія всѣмъ остальнымъ. Получивъ свою часть, онъ долженъ ограничиться ею и не имѣетъ болѣе никакого права на общественное имущество. Вотъ почему право перваго захвата, столь слабое въ естественномъ состояніи, уважается всякимъ въ состояніи гражданскомъ. Въ этомъ правѣ уважаютъ не столько принадлежащее другому, сколько то, что не принадлежитъ себѣ. Вообще, чтобы было дѣйствительно на какомъ нибудь участкѣ земли право перваго захвата, необходимы слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы этотъ участокъ не былъ никѣмъ обитаемъ; во вторыхъ, чтобы занято было только количество земли, необходимое для существованія, и въ третьихъ, чтобы основаніемъ для завладѣнія ею были не пустыя формы, а трудъ и обработка — единственные признаки собственности, которые при отсутствіи юридическихъ актовъ должны уважаться другими.

Въ самомъ дѣлѣ, признавъ потребность и трудъ основами права перваго захвата, не распространяемъ ли мы это право настолько широко, на-

сколько возможно? Возможно ли не ставить предѣла ему? Достаточно ли ступить ногою на общинную землю, чтобы возомнить себя немедленно ея господиномъ? Достаточно ли имѣть силы настолько, чтобы отстранить отъ нея на нѣкоторое время другихъ людей для того, чтобы отнять у нихъ навсегда право къ ней вернуться? Какимъ образомъ человѣкъ или цѣлый народъ можетъ овладѣть громадной территоріей и лишить этой территоріи весь родъ человѣческій иначе, какъ посредствомъ подлежащей карѣ узурпаціи? Вѣдь эта узурпація отнимаетъ у другихъ людей пріютъ и средства къ существованію, которыя даны природой въ пользованіе людямъ сообща. Когда Нуньесъ Бальбоа, стоя на берегу, вступилъ во владѣніе южнымъ океаномъ и всей южной Америкой именемъ короны Кастильской — достаточно ли было этого, чтобы лишить владѣнія всѣхъ жителей и преградить доступъ туда всѣмъ государямъ міра? При этихъ условіяхъ такія церемоніи повторялись безъ всякаго смысла, и католическій король могъ, сидя у себя въ кабинетѣ, вступить во владѣніе сразу всей вселенной съ тѣмъ, чтобы потомъ исключить изъ своихъ владѣній то, что принадлежало раньше другимъ владѣтелямъ. Понятно, какимъ образомъ земли частныхъ лицъ, соединенныя и смежныя, становятся общественной территоріей и какимъ образомъ право суверенитета, распространяясь съ подданныхъ на территорію, ими занимаемую, дѣлается одновременно земельнымъ и личнымъ. Это ставитъ владѣльцевъ въ бо́льшую зависимость и дѣлаетъ изъ самой ихъ силы гарантію ихъ

вѣрности,—преимущество, котораго повидимому не цѣнили какъ слѣдуетъ древніе монархи, называвшіе себя только царями Персовъ, Скиѳовъ, Македонянъ, и чувствовавшіе себя скорѣе начальниками людей, чѣмъ господами страны. Современные монархи называются болѣе удачно царями Франціи, Испаніи, Англіи и проч.;—владѣя такимъ образомъ территоріей, они увѣрены, что будутъ владѣть и жителями ея.

Особенно любопытно въ этомъ отчужденіи то, что община, принимая имущества частныхъ владѣтелей, не только не лишаетъ ихъ этихъ имуществъ, но утверждаетъ за ними законное владѣніе, превращаетъ узурпаціи въ настоящее право и пользованіе въ собственность. Тогда владѣльцы землею, на которыхъ смотрятъ какъ на хранителей общественнаго имущества, права которыхъ уважаются всѣми членами государства и защищаются всѣми силами противъ посторонней власти, уступкою, выгодною для общества, а еще болѣе имъ самимъ, такъ сказать, пріобрѣтаютъ, все, что отдали.—Парадоксъ, этотъ легко объясняется различіемъ правъ суверена и собственника на одну и ту же землю, какъ увидимъ это ниже.

Можетъ также случиться, что люди начинаютъ устраивать соединеніе ранѣе, чѣмъ они владѣютъ чѣмъ нибудь и что, овладѣвъ достаточной для всѣхъ территоріей, они пользуются ею сообща или дѣлятъ между собой поровну, или, въ размѣрахъ установленныхъ сувереномъ. Какъ бы ни было сдѣлано это пріобрѣтеніе, право каждаго отдѣльнаго

лица на свой участокъ подчинено праву общины на всѣ участки; безъ этого не было бы ни прочности въ соціальныхъ узахъ, ни дѣйствительной силы въ осуществленіи суверенитета.

Я окончу эту главу и эту книгу замѣчаніемъ, которое должно служить основаніемъ для всей соціальной системы. Именно, основной договоръ вовсе не уничтожаетъ природное равенство; наоборотъ, онъ замѣняетъ моральнымъ и закономѣрнымъ равенствомъ физическое неравенство людей, созданное природой; будучи неравны по силѣ и уму, они становятся равными по договору и по праву *).

---

*) При плохихъ правленіяхъ это равенство только видимое и призрачное; оно служитъ лишь для того, чтобы удержать бѣднаго въ его нищетѣ, а богатому обезпечить плоды его захвата. На дѣлѣ законы всегда полезны владѣющимъ и вредны тѣмъ, у кого ничего нѣтъ. Изъ этого вытекаетъ, что общественный порядокъ выгоденъ людямъ лишь постольку, поскольку у всѣхъ у нихъ есть что-нибудь и ни у кого нѣтъ ничего въ чрезмѣрномъ изобиліи.

Книга вторая.

ГЛАВА I.

О неотчуждаемости суверенства.

Первое и самое важное слѣдствіе только что установленныхъ принциповъ это то, что только общая воля можетъ руководить силами государства, согласно цѣли его учрежденія, которая заключается въ общемъ благѣ; ибо если противоположность частныхъ интересовъ сдѣлала необходимымъ учрежденіе обществъ, то согласіе этихъ же интересовъ сдѣлало его возможнымъ. Соціальную связь создаетъ то, что есть общаго въ различныхъ интересахъ, и если бы не было во всѣхъ интересахъ нѣкоторой точки соприкосновенія, никакое общество не могло бы существовать. И управленіе обществомъ должно быть исключительно основано на этомъ общемъ интересѣ.

Итакъ, я говорю, что суверенитетъ, будучи только осуществленіемъ общей воли, никогда не можетъ отчуждаться, и что суверенъ, представляющій собою лишь существо собирательное, можетъ быть представленъ только самимъ собою. Передаваться можетъ власть, но никакъ не воля.

Въ самомъ дѣлѣ, если не невозможно, чтобы частная воля въ нѣкоторыхъ пунктахъ согласовалась съ общей волею, то невозможно, по крайней мѣрѣ, чтобы это согласіе было продолжительно и постоянно; ибо частная воля, по природѣ своей, стремится къ преимуществамъ, а общая воля—къ равенству. Еще болѣе невозможно найти гарантію такого согласія, даже если бы оно должно было постоянно существовать. Это было бы результатомъ не сознательнаго дѣйствія, а случая. Суверенъ можетъ сказать: „Въ настоящій моментъ я желаю того, чего желаетъ такой то человѣкъ, или по крайней мѣрѣ того, что онъ говоритъ, что желаетъ“, но не можетъ сказать, „чего пожелаетъ завтра такой то человѣкъ, я также буду желать“, такъ какъ нелѣпо, чтобы воля налагала на себя цѣпи на будущее время и такъ какъ ни отъ какой воли не зависитъ соглашаться съ чѣмъ-нибудь противнымъ благу субъекта воли. Если, такимъ образомъ, народъ просто даетъ обѣщаніе повиноваться, онъ благодаря этому акту распадается, теряетъ свое свойство народа; какъ только есть господинъ, нѣтъ болѣе суверена, и съ той минуты политическое цѣлое разрушено.

Это не значитъ, чтобы приказанія начальниковъ не могли считаться за общія воли, пока суверенъ, свободный противиться имъ, не дѣлаетъ этого. Въ подобномъ случаѣ, всеобщее молчаніе есть знакъ согласія народа. Это будетъ объяснено подробнѣе.

ГЛАВА II.

О недѣлимости суверенитета.

По той же причинѣ, по которой верховная власть неотчуждаема, она и не дѣлима *); ибо воля общая или не общая; или она исходитъ отъ всего народа, или отъ одной части его. Въ первомъ случаѣ, если она выражена, она является актомъ верховной власти и составляетъ законъ; во второмъ это не болѣе, какъ воля частная, или актъ должностнаго лица самое большее это—декретъ.

Но наши политики, не будучи въ состояніи раздѣлить верховную власть въ ея началахъ, дѣлятъ ее въ ея проявленіи; они дѣлятъ ее на силу и волю; на власть законодательную и власть исполнительную; на право налагать подати, право правосудія и войны; на администрацію внутреннюю и на право сношеній съ иностранцами. Они то смѣшиваютъ, то разъединяютъ всѣ эти части; изъ суверена дѣлаютъ существо фантастическое и составленное изъ частей, кое-какъ слаженныхъ, но это то же, что составить человѣка изъ нѣсколькихъ тѣлъ, изъ которыхъ у одного были бы глаза, у другого руки, у третьяго ноги — и ничего болѣе.

---

*) Для того, чтобы воля была общая, не всегда необходимо, чтобы она составилась изъ единогласнаго рѣшенія. Необходимо только, чтобы всѣ голоса принимались въ расчетъ. Всякое формальное исключеніе нарушаетъ общность.

Говорятъ, японскіе фокусники на глазахъ зрителей, разрубаютъ ребенка на части, бросаютъ всѣ его члены, одинъ за другимъ на воздухъ, и—дитя падаетъ обратно живымъ и цѣлымъ. Таковы приблизительно пріемы и нашихъ политиковъ: они также расчленяютъ соціальное цѣлое и какъ ярмарочные фигляры, нивѣсть какъ, собираютъ потомъ его части.

Заблужденіе это является вслѣдствіе отсутствія точнаго понятія о верховной власти, а также и потому, что за составныя части власти принимали то, что было лишь ея проявленіемъ. Такъ, напримѣръ, смотрѣли на объявленіе войны или заключеніе мира, какъ на акты верховной власти, тогда какъ каждый изъ этихъ актовъ не есть законъ, а лишь примѣненіе закона, актъ особый, который опредѣляетъ его приложеніе къ частичному случаю; это станетъ ясно, какъ только будетъ опредѣлена идея, соединяемая со словомъ *законъ*.

Разсматривая другія подраздѣленія, мы находимъ, что, предполагая власть раздѣленною, мы каждый разъ впадаемъ въ ошибку; что права, принимаемыя за части верховной власти, всѣ подчинены ей, всегда подразумѣваютъ высшую волю и служатъ лишь ея исполненіемъ.

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ этотъ недостатокъ точности затемнилъ разсужденія писателей, трактующихъ политическое право, когда они, на установленныхъ ими началахъ, брались судить о взаимныхъ правахъ королей и народа. Въ 3 и 4 главѣ первой книги Гроціуса, самъ этотъ ученый

и его переводчикъ Барбейракъ, какъ можетъ видѣть всякій, путаются и теряются въ софизмахъ, боясь сказать слишкомъ много или не сказать достаточно съ точки зрѣнія ихъ цѣлей и не привести въ столкновеніе интересы, которые имъ нужно примирить. Гроціусъ, бѣжавшій во Францію, недовольный своею родиною и заискивающій у Людовика XIII, которому посвящена его книга, не щадитъ ничего, чтобы отнять у народовъ всѣ ихъ права и надѣлить ими королей со всѣмъ возможнымъ искусствомъ. То же стремленіе и у Барбейрака, посвятившаго свой переводъ королю Англіи, Георгу I Но, къ несчастію, изгнаніе Якова II, которое онъ называетъ отреченіемъ отъ престола, заставляло его быть сдержаннымъ, вывертываться и вилять, чтобы не назвать Вильгельма узурпаторомъ. Если бы эти оба писателя усвоили вѣрные принципы, всѣ трудности были бы устранены, они были бы всегда послѣдовательны, но имъ пришлось бы сказать горькую правду, польстивъ только народу. Но правда не приноситъ богатства, и народъ не даритъ ни посольствами, ни каѳедрами, ни пенсіями.

ГЛАВА III.

Можетъ ли заблуждаться общественная воля.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что общественная воля всегда справедлива и клонится къ общественному благу, но изъ этого не слѣдуетъ, что

рѣшенія народа всегда одинаково правильны. Всегда хотятъ собственнаго блага, но не всегда его ясно видятъ. Подкупить народъ нельзя, но его можно обмануть, да и то только тогда, когда можно думать, что онъ хочетъ недобраго.

Общая воля и воля всѣхъ часто значительно расходятся: одна заботится только объ общей выгодѣ, а другая имѣетъ въ виду лишь частную—и представляетъ сумму частныхъ воль. Но отнимите у этихъ самыхъ частныхъ воль плюсы и минусы, которые другъ друга уничтожаютъ *) и получится воля общая.

Если бы въ то время, когда народъ достаточно освѣдомленный обсуждаетъ свое рѣшеніе, граждане не имѣли бы никакого общенія другъ съ другомъ, изъ многочисленныхъ маленькихъ разногласій всегда получалась бы общая воля и рѣшеніе было бы всегда хорошо. Но когда граждане затѣваютъ козни, устраиваютъ частныя соединенія въ ущербъ большому, воля каждой изъ этихъ ассоціацій является общей по отношеніи къ ея членамъ и частной по отношеніи къ государству. Тогда можно

---

*) „Всякій интересъ,—говоритъ маркизъ Д'А(ржансонъ),—покоится на различныхъ принципахъ. Согласіе двухъ частныхъ интересовъ образуется путемъ борьбы съ интересомъ третьяго лица". Онъ могъ бы прибавить, что согласованіе всѣхъ интересовъ достигается посредствомъ борьбы съ интересами каждаго въ отдѣльности. Если бы не было различныхъ интересовъ, едва ощущался бы интересъ общій, ибо онъ никогда не встрѣчалъ бы противодѣйствія. Все бы шло само собою и политика перестала быть искусствомъ.

сказать, что голосующихъ не столько, сколько людей, но столько, сколько ассоціацій. Различія становятся не такъ многочисленны и результатъ получается менѣе общій. Наконецъ, если одна изъ этихъ ассоціацій такъ велика, что преобладаетъ надъ всѣми другими, результатомъ является не сумма маленькихъ различій, а одно единственное различіе; тогда нѣтъ болѣе общей воли, и мнѣніе, которое беретъ верхъ, есть только мнѣніе частное.

Итакъ, чтобы имѣть хорошо выраженную общую волю, важно чтобъ не было частныхъ обществъ въ государствѣ и чтобы каждый гражданинъ подавалъ мнѣніе по собственному разумѣнію *). Таковъ былъ единственный въ своемъ родѣ и высокій государственный строй всякаго Ликурга. И если есть частныя общества, то надо увеличить ихъ число и предупредить ихъ неравенство, какъ поступали Солонъ, Нума, Сервій. Таковы единственныя пригодныя предосторожности для того, чтобы общая воля всегда была просвѣщенной и чтобы народъ не ошибался.

---

*) Vera cosa è,—говоритъ Макіавелли,—che alcuni divisioni nuocono alle Republiche, e alcune giovano; quelle nuocono, che sono dalle sette e da partigiani accompagnate; quelle giovano, che senza sette, senza partigiani si mantengano. Non potendo adunque provedere un fondatore d'una Republica, che non siano nimicizie in quella, ha da proveder almeno che non vi siano sette (Hist. Fiorent. lib. VII).

ГЛАВА IV.

Границы верховной власти.

Если государство или гражданская община есть ничто иное, какъ нравственная личность, жизнь которой состоитъ въ единеніи ея членовъ, и если главнѣйшая ея забота — самосохраненіе, ей нужна общая и побудительная сила, чтобы двигать и располагать каждою частью наиболѣе удобнымъ для цѣлаго образомъ. Какъ природа даетъ каждому человѣку неограниченную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ неограниченную власть политическому организму надъ всѣми его членами; это и есть та самая власть, которая управляемая общею волею и носитъ, какъ я сказалъ, названіе „верховная власть“.

Но кромѣ государственной личности, мы должны брать въ расчетъ и отдѣльныя лица, которыя ее составляютъ и жизнь и свобода которыхъ, конечно, не зависимы отъ нея. Надо, слѣдовательно, хорошенько различать взаимныя права гражданъ и суверена *), и обязанности, которыя граждане должны исполнять въ качествѣ подданныхъ, отъ естественнаго права, которымъ они должны пользоваться въ качествѣ людей.

---

*) Внимательные читатели, не торопитесь, прошу васъ, обвинять меня здѣсь въ противорѣчіи. Я не могъ избѣжать его въ терминологіи вслѣдствіи бѣдности нашего языка. Но подождите.

Нужно согласиться, что все, что, въ силу общественнаго договора каждый отчуждаетъ отъ своей власти, своего имущества, своей свободы, является только частью всего этого, которая необходима общинѣ; но надо также согласиться, что одинъ суверенъ можетъ судить о томъ, что ей необходимо.

Всѣ услуги, которыя гражданинъ долженъ оказывать государству, онъ долженъ оказывать по первому требованію суверена, но суверенъ, съ своей стороны, не можетъ налагать на подданнаго никакой цѣпи, безполезной для общины, не можетъ даже желать ее, потому что, согласно законамъ разума, такъ же, какъ и по законамъ природы, ничто не происходитъ безъ причины.

Обязательства, связывающія насъ съ общественнымъ цѣлымъ имѣютъ принудительную силу лишь потому, что они взаимны, и природа ихъ такова, что, исполняя ихъ, нельзя работать для другихъ, не работая въ то же время и для себя. Почему общая воля всегда справедлива и почему всѣ постоянно хотятъ счастья каждаго изъ своей среды если не потому, что нѣтъ никого, кто бы не соединялъ бы съ собою понятіе о *каждомъ* и который бы не думалъ бы о себѣ, подавая голосъ за всѣхъ. Это доказываетъ, что равенство правъ и понятіе о справедливости, вытекающее изъ него, обусловлены предпочтеніемъ, которое каждый оказываетъ самому себѣ, а слѣдовательно изъ природы человѣка; что общая воля, чтобы быть дѣйствительно таковою, должна быть общей въ своемъ проявленіи такъ же, какъ въ своей сущности, что она

должна исходить изъ всѣхъ, чтобы примѣняться ко всѣмъ, что она теряетъ свою естественную правоту, когда стремится къ чему-нибудь обособленному и опредѣленному, потому что тогда, судя о томъ, что намъ чуждо, мы утрачиваемъ всякое истинное начало правды, которое нами управляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только дѣло идетъ о частномъ фактѣ или частномъ правѣ, оно становится спорнымъ въ пунктѣ, который не былъ установленъ общимъ и предшествовавшимъ договоромъ. Это процессъ, въ которомъ на одной сторонѣ стоятъ заинтересованныя частныя лица, на другой—общество, но гдѣ я не вижу ни закона, которому нужно слѣдовать, ни судьи, который долженъ произнести рѣшеніе. Было бы смѣшно ссылаться въ этомъ случаѣ на опредѣленное рѣшеніе общей воли, ибо это лишь рѣшеніе одной изъ сторонъ для другой, это рѣшеніе есть не что иное, какъ воля чуждая, частная, склонная въ этомъ случаѣ къ несправедливости и способная заблуждаться. Такъ же, какъ частная воля не можетъ представлять волю общую, такъ съ своей стороны и общая воля, имѣющая частную цѣль измѣняется въ своей природѣ и не можетъ выносить рѣшеніе ни о человѣкѣ, ни о фактѣ въ качествѣ общей. Когда народъ аѳинскій, напримѣръ, назначалъ или отрѣшалъ своихъ вождей, присуждалъ почести одному, налагалъ наказанія на другого и многочисленными частными декретами выполнялъ безъ различія всѣ дѣйствія правительства, народъ, строго говоря, тогда не имѣлъ болѣе общей воли; онъ

дѣйствовалъ уже не какъ суверенъ, но какъ магистратъ. Это покажется несогласнымъ съ общимъ мнѣніемъ, но вѣдь нужно дать мнѣ время изложить мое.

Изъ этого слѣдуетъ усвоить, что не столько число голосовъ, сколько общая выгода, ихъ объединяющая, дѣлаетъ волю общей, ибо въ этомъ учрежденіи каждый необходимо подчиняется условіямъ, которыя онъ налагаетъ на другихъ. Удивительная гармонія между выгодой и правосудіемъ, которая придаетъ общимъ рѣшеніямъ характеръ справедливости, исчезающій въ спорахъ о частныхъ дѣлахъ, за отсутствіемъ общаго интереса, который бы соединялъ и отожествлялъ взглядъ на законъ судьи и сторонъ!

Съ какой бы стороны мы ни восходили къ принципу, мы придемъ къ тому же самому заключенію, что общественный договоръ водворяетъ такое равенство между гражданами, что они всѣ принимаютъ на себя обязательства при одинаковыхъ условіяхъ и всѣ должны пользоваться одинаковыми правами. Такъ, по природѣ договора, всякій актъ верховной власти, т.-е. всякій подлинный актъ общественной воли налагаетъ обязательства или беретъ подъ покровительство всѣхъ гражданъ одинаково, такъ что суверенъ знаетъ только совокупность націи и не различаетъ ни одного изъ тѣхъ, кто ее составляетъ. Что же такое, въ точномъ смыслѣ, актъ верховной власти?

Это не соглашеніе высшаго съ низшимъ, но соглашеніе цѣлаго съ каждымъ изъ его членовъ

соглашеніе законное ибо оно основано на общественномъ договорѣ, справедливое, потому что оно общее для всѣхъ; полезное, потому что оно не можетъ имѣть иной цѣли кромѣ общаго блага и прочное, потому что оно гарантировано силою общественной и высшею властью. Пока подданные подчинены только такимъ соглашеніямъ, они не повинуются никому, кромѣ своей собственной воли, и спрашивать какъ далеко простираются взаимныя права верховной власти и гражданъ, будетъ то же, что спрашивать до какихъ предѣловъ граждане могутъ обязываться другъ предъ другомъ каждый предъ всѣмъ и всѣ предъ каждымъ.

Изъ этого видно, что какъ ни абсолютна, какъ ни священна и неприкосновенна верховная власть, она не выходитъ и не можетъ выйти изъ границъ обоихъ соглашеній и что всякій можетъ вполнѣ располагать тою долею имущества и свободы, которыя оставлены ему этими соглашеніями, такъ что суверенъ никогда не имѣетъ права обременять одного подданнаго больше, чѣмъ другого, потому что тогда дѣло становится частнымъ и власть его болѣе недѣйствительна.

Допустивъ эти разграниченія, мы должны признать ложнымъ то, будто въ общественномъ договорѣ со стороны отдѣльныхъ личностей заключается какое-нибудь дѣйствительное отреченіе, наоборотъ: положеніе ихъ улучшилось въ сравненіи съ прежнимъ, они совершили не отчужденіе, а лишь выгодную мѣну; вмѣсто невѣрнаго и непрочнаго способа существованія они получили

лучшій и болѣе надежный; естественную независимость они вымѣняли на свободу; власть вредить другимъ—на свою собственную безопасность, силу, которую другіе могли бы одолѣть, на право, которое общественное единеніе дѣлаетъ непобѣдимымъ. Даже жизнь, которую отдѣльныя личности отдаютъ государству, постоянно охраняется имъ, и когда они рискуютъ жизнью для защиты государства, они, въ сущности, отдаютъ ему лишь то, что отъ него получили. Этимъ они не дѣлаютъ ничего такого, чего не дѣлали бы въ естественномъ состояніи, но еще чаще и съ большей опасностью, когда вступая въ неизбѣжную борьбу, они должны были защищать съ опасностью жизни то, что имъ служитъ для поддержанія жизни. Всѣ должны въ случаѣ нужды бороться за отечество; это правда; за то никому не нужно бороться за себя. Не выгоднѣе ли подвергаться за то, что составляетъ нашу безопасность, части того риска, которому мы подвергались бы, если бы были лишены этой безопасности?

ГЛАВА V.

О правѣ на жизнь и смерть.

Спрашивается, какимъ образомъ частные люди, не имѣя права располагать своею жизнью, могутъ въ то же время это самое право, которымъ они не владѣютъ, передавать суверену.

Этотъ вопросъ кажется трудно разрѣшимымъ толь-

ко потому, что онъ плохо поставленъ. Всякій вправѣ рисковать своей жизнью для ея сохраненія. Кто скажетъ, что человѣкъ, бросающійся въ окно, чтобы спастись отъ пожара — виновенъ въ самоубійствѣ, или кто припишетъ это преступленіе тому, кто погибъ во время бури, которой онъ не предвидѣлъ, пускаясь въ путь.

Цѣль соціальнаго договора — сохраненіе договаривающихся. Кто хочетъ достичь цѣли, соглашается и на средства ея достиженія, а средства эти неизбѣжно связаны съ нѣкоторымъ рискомъ и даже съ нѣкоторыми потерями. Кто хочетъ сохранить свою жизнь на счетъ другихъ, долженъ отдавать и свою за другихъ, когда это нужно. Гражданинъ не можетъ быть судьей въ опасности, которой законъ его подвергаетъ, и когда суверенъ ему говоритъ: „государству нужно, чтобы ты умеръ“, онъ долженъ умереть, потому что только подъ этимъ условіемъ онъ пользовался до тѣхъ поръ безопасностью, и потому что жизнь его не только благодѣяніе природы, но и условный даръ государства.

Смертную казнь, налагаемую на преступника, можно разсматривать приблизительно съ той же точки зрѣнія; чтобы не стать жертвою убійцы, человѣкъ, самъ сдѣлавшійся убійцею, соглашается умереть. Въ этомъ послѣднемъ договорѣ заботятся лишь о сохраненіи жизни; а не о томъ, чтобы распоряжаться ею, и нельзя предположить, чтобы кто-либо изъ заключающихъ договоръ, думалъ заранѣе дать себя повѣсить.

Впрочемъ всякій злодѣй, покушающійся на об-

щественное право, становится вслѣдствіе своего преступленія, бунтовщикомъ и измѣнникомъ отечества; нарушая его законы, онъ перестаетъ быть его членомъ. Онъ даже объявляетъ ему войну. Тогда цѣлость государства не совмѣстима съ сохраненіемъ его въ живыхъ; одному изъ двухъ надо погибнуть, и, когда казнятъ преступника, не имѣютъ въ виду гражданина, а врага. Процессъ судебнаго разбирательства и приговоръ суть не болѣе, какъ доказательство и провозглашеніе того факта, что онъ нарушилъ общественный договоръ и что онъ, слѣдовательно, болѣе не членъ государства. А такъ какъ онъ призналъ себя таковымъ, по крайней мѣрѣ своимъ пребываніемъ въ государствѣ, то онъ долженъ быть исключенъ изъ него путемъ изгнанія, какъ нарушитель договора, или казненъ, какъ врагъ общественный; ибо такой врагъ не есть личность моральная,—это человѣкъ: и въ этомъ случаѣ право войны позволяетъ убивать побѣжденнаго.

Но, скажутъ мнѣ, осужденіе преступника есть актъ частный. Согласенъ, это осужденіе также не принадлежитъ суверену; это право, которое онъ можетъ жаловать, но самъ онъ не можетъ пользоваться имъ. Всѣ мои идеи связаны одна съ другой, но изложить ихъ всѣ разомъ я бы не сумѣлъ.

Впрочемъ, частое повтореніе казней всегда признакъ слабости или нерадивости правительства. Нѣтъ злодѣевъ, которыхъ нельзя было бы сдѣлать на что нибудь годными. Даже для примѣра имѣютъ право казнить только того, кого опасно оставить въ живыхъ.

Что касается права помилованія или освобожденія виновнаго отъ наказанія, наложеннаго закономъ и объявленнаго судьей, то оно принадлежитъ тому, кто выше судьи и закона, т. е. суверену; его право на это не совсѣмъ выяснено и случаи пользованія имъ весьма рѣдки. Въ хорошо управляемомъ государствѣ мало наказаній, не потому, чтобы были часты помилованія, а потому, что рѣдки преступники. Когда государство клонится къ упадку, самая многочисленность преступленій обезпечиваетъ ихъ безнаказанность. Въ римской республикѣ ни сенатъ, ни консулы никогда не пытались миловать, не дѣлалъ этого и народъ, хотя иногда самъ отмѣнялъ свои собственные пригсворы. Частыя помилованія показываютъ, что скоро злодѣяніе будетъ обходиться безъ нихъ и всякому ясно, куда это ведетъ. Но я чувствую, какъ сердце ропщетъ и удерживаетъ мое перо; предоставимъ говорить объ этихъ вопросахъ человѣку болѣе справедливому, который не впадалъ въ заблужденіе и никогда не нуждался въ помилованіи.

ГЛАВА VI.

О законѣ.

Общественный договоръ далъ политическому организму существованіе и жизнь, теперь законодательство должно дать ему движеніе и волю, ибо первоначальный актъ, помощью котораго этотъ организмъ образуется и соединяется, еще не опре-

дѣляетъ, что онъ долженъ дѣлать, чтобы сохраниться.

То, что есть благо и что сообразно съ порядкомъ, таково уже по самой природѣ вещей, и независимо отъ человѣческихъ соглашеній. Всякая справедливость исходитъ отъ Бога. Онъ одинъ источникъ ея, но если бы умѣли воспринимать ее свыше, намъ бы не нужно было ни правительства, ни законовъ. Безъ сомнѣнія, существуетъ универсальная справедливость, истекающая изъ одного разума; но эта справедливость, чтобы водвориться между нами, должна быть обоюдна. Если разсматривать вещи съ человѣческой точки зрѣнія, то окажется, что за неимѣніемъ естественной санкціи, законы справедливости безмолвствуютъ между людьми; они лишь создаютъ благо для дурного и приносятъ несчастіе справедливому, когда послѣдній соблюдаетъ ихъ по отношенію ко всѣмъ и никто не соблюдаетъ ихъ по отношенію къ нему. Итакъ, значитъ нужны договоры и законы, чтобы соединить права и обязанности и вновь привести справедливость къ ея задачѣ. Въ естественномъ состояніи, гдѣ все общее, я ничего не долженъ тому кому я ничего не обѣщалъ, я считаю принадлежащимъ другому лишь то, что мнѣ безполезно. Не то въ гражданскомъ строѣ, гдѣ всѣ права опредѣлены закономъ.

Но что же такое наконецъ законъ? Пока мы будемъ удовольствоваться тѣмъ, что будемъ связывать съ этимъ словомъ лишь метафизическія идеи, то будемъ разсуждать, не понимая другъ друга;

и, если мы объяснимъ, что такое естественный законъ, то этимъ мы еще не узнаемъ, что такое законъ государства.

Я уже сказалъ, что не бываетъ общей воли надъ отдѣльнымъ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣльный предметъ существуетъ въ государствѣ или внѣ его. Если онъ внѣ государства, чуждая для него воля не есть общая воля по отношенію къ нему, а если предметъ въ государствѣ, то онъ составляетъ часть его: тогда устанавливается отношеніе между цѣлымъ и частью, которое дѣлаетъ изъ нихъ два раздѣльныхъ существа: одно — это часть, а другое—цѣлое, минусъ взятая часть. Но цѣлое безъ части уже не цѣлое и до тѣхъ поръ, пока это отношеніе существуетъ, нѣтъ уже цѣлаго, а есть двѣ неравныхъ части, отчего слѣдуетъ, что воля одной также не общая по отношенію къ другой.

Но когда весь народъ издаетъ постановленія, распространяющіяся на весь народъ, онъ имѣетъ въ виду только себя, и отношеніе, которое тогда складывается, есть отношеніе цѣлаго предмета съ одной точки зрѣнія къ тому же цѣлому съ другой точки зрѣнія безъ раздѣленія этого цѣлаго. Тогда предметъ постановленія есть общій, какъ и воля, которая постановляетъ. Вотъ тотъ актъ, который я называю закономъ.

Когда я говорю, что предметъ закона всегда общъ, я предполагаю, что законъ разсматриваетъ подданныхъ, какъ нѣчто цѣлое, и дѣйствія, какъ отвлеченныя, а никогда не относится къ человѣку,

какъ къ индивидууму, и къ частному дѣйствію. Такимъ образомъ, законъ можетъ постановить, что будутъ существовать привилегіи, но онъ не можетъ ими надѣлить никого въ частности; законъ можетъ установить нѣсколько классовъ гражданъ, даже обозначить качества, дающія права на вступленіе въ эти классы, но онъ не можетъ причислять къ нимъ тѣхъ или другихъ лицъ; онъ можетъ учредить королевскій образъ правленія и наслѣдственную передачу власти, но не можетъ избирать короля или провозгласить какой-нибудь домъ королевскимъ; словомъ, законодательная власть совершенно не занимается чѣмъ бы то ни было, что имѣетъ индивидуальный характеръ.

Если мы будемъ исходить изъ этой идеи, то у насъ устранятся вопросы: кому принадлежитъ право издавать законы, ибо они акты общей воли; стоитъ ли монархъ выше закона, ибо онъ членъ государства; можетъ ли законъ быть несправедливъ, ибо никто не бываетъ несправедливъ къ самому себѣ; какъ можно совмѣстить свободу и подчиненіе закону, ибо законы лишь отмѣчаютъ проявленія нашей же воли.

Изъ этого еще видно, что такъ какъ въ законѣ соединяется общность воли съ общностью предмета, то произвольное приказаніе человѣка, кѣмъ бы онъ ни былъ, не есть законъ, даже приказаніе суверена по частному поводу, не законъ, а декретъ, не актъ верховной власти, а актъ должностного лица.

Итакъ, я называю республикою всякое госу-

дарство, въ которомъ царитъ законъ, какая бы форма управленія тамъ ни дѣйствовала, потому что только тогда общественный интересъ является руководящимъ и общественное дѣло имѣетъ какое-нибудь значеніе. Всякій основанный на законѣ образъ правленія есть республиканскій *); потомъ я объясню, что такое образъ правленія.

Законы, въ сущности, суть не что иное, какъ условія гражданскаго общежитія. Народъ, подчиненный закону, долженъ самъ его вырабатывать; только тѣмъ, кто вступаетъ въ соединеніе принадлежитъ право регулировать условія общественной жизни. Но какъ они это сдѣлаютъ? Быть можетъ по общему согласію, внезапнымъ вдохновеніемъ? Есть ли у политическаго цѣлаго органъ для изъявленія своей воли? Кто снабдитъ его предусмотрительностью, необходимой для того, чтобы заранѣе составлять и обнародовать рѣшенія и сумѣетъ ли онъ уловить наиболѣе подходящій моментъ для ихъ обнародованія? Какимъ образомъ слѣпая толпа, которая часто не знаетъ, чего она хочетъ, потому что она рѣдко понимаетъ свою пользу, совершитъ одна такое трудное, такое великое предпріятіе, какъ созданіе законодательной системы? Самъ по себѣ, народъ всегда хочетъ блага, но предоставленный

*) Я подразумѣваю подъ этимъ словомъ не только аристократію или демократію, но вообще всякое правленіе, руководимое общей волею, т. е. закономъ. Чтобы правительство было правомѣрнымъ необходимо, чтобы оно не смѣшивалось съ сувереномъ, а было его служителемъ; въ этомъ случаѣ даже монархія есть республика. — Это будетъ разъяснено въ слѣдующей книгѣ.

себѣ не всегда его видитъ. Общая воля всегда права, но сужденіе, управляющее ею, не всегда можетъ быть названо просвѣщеннымъ. Надо представить ему вещи такими, какъ онѣ есть, иногда такими, какими онѣ должны ему казаться, навести его на вѣрный путь, который онъ ищетъ, оградить его отъ совращающаго вліянія партій, сблизить въ въ его глазахъ мѣста и времена, уравновѣсить соблазнъ близкихъ и ощутительныхъ выгодъ указаніемъ на опасность, кроющуюся въ перспективѣ отдаленныхъ и скрытыхъ несчастій. Отдѣльныя лица видятъ благо, которое они отвергаютъ, а народъ хочетъ блага, котораго онъ не видитъ. Всѣ одинаково нуждаются въ руководителѣ. Надо заставить однихъ согласовать ихъ волю съ разумомъ, и выучить другихъ узнавать то, чего они хотятъ. Когда свѣтъ просвѣщенія проникаетъ въ народъ, тогда происходитъ союзъ пониманія съ волею въ общественномъ организмѣ. Этимъ объясняется строгое взаимодѣйствіе частей и въ завершеніе всего величайшее могущество цѣлаго.

Вотъ откуда вытекаетъ необходимость законодателя.

ГЛАВА VII.

О законодателѣ.

Для того, чтобы открыть лучшія правила общественной жизни, которыя подходили бы народамъ, нуженъ умъ высшій, который видѣлъ бы всѣ че-

ловѣческія страсти, не покоряясь ни одной, который не имѣлъ бы ничего общаго съ нашей природой, но зналъ бы ее до основанія, счастье котораго было бы независимо отъ насъ и который все-таки занимался бы нашимъ счастьемъ и, наконецъ, который, подготовляя себѣ отдаленную славу въ теченіи временъ, могъ работать въ одномъ вѣкѣ и пожинать плоды своей работы въ другомъ *). Боги одни могли бы давать законы людямъ.

Разсужденіе, которое Калигула примѣняетъ къ фактамъ, Платонъ примѣнялъ къ праву, чтобы опредѣлить человѣка гражданскаго или царственнаго, котораго онъ ищетъ въ своей книгѣ: „О правленіи“. Но если признать, что великій монархъ человѣкъ рѣдкій, то какимъ же человѣкомъ долженъ быть великій законодатель? Первый долженъ лишь слѣдовать тому образцу, который второй долженъ выработать. Этотъ механикъ, который изобрѣтаетъ машину, а тотъ — работникъ, который пускаетъ ее въ ходъ и заставляетъ работать. „При возникновеніи обществъ“, говоритъ Монтескье, „республиканскіе вожди создавали учрежденія, а потомъ учрежденія создавали вождей республики“.

Тотъ, кто берется дать учрежденія народу, долженъ чувствовать себя въ состояніи измѣнить, такъ сказать, человѣческую природу, превратить

---

*) Народъ становится знаменитымъ только тогда, когда его законодательство начинаетъ клониться къ упадку. Неизвѣстно, сколько вѣковъ спарганцы пользовались счастьемъ благодаря законамъ Ликурга, прежде чѣмъ о нихъ заговорили въ остальныхъ частяхъ Греціи.

каждаго индивидуума, который самъ по себѣ есть цѣлое, совершенное и законченное, въ часть болѣе великаго цѣлаго, отъ котораго этотъ индивидуумъ получаетъ свою жизнь и свое существованіе; измѣнить человѣческую природу, чтобы укрѣпить ее, чтобы замѣнить существованіемъ, связаннымъ съ цѣлымъ и моральнымъ—существованіе физическое и независимое, которое всѣ мы получили отъ природы. Нужно, однимъ словомъ, чтобы онъ отнялъ у человѣка его собственныя силы и далъ ему другія—чуждыя, которыми тотъ не могъ бы пользоваться безъ помощи другого человѣка. Чѣмъ основательнѣе умерщвлены и уничтожены естественныя силы, тѣмъ значительнѣе и прочнѣе вновь пріобрѣтенныя, а учрежденія тѣмъ болѣе совершенны и крѣпки; такъ что сказать, что законодательство достигло возможно высшей точки совершенства, можно лишь въ такомъ случаѣ, если каждый гражданинъ есть ничто и можетъ дѣйствовать только черезъ другихъ и если сила, пріобрѣтенная цѣлымъ, равна суммѣ естественныхъ силъ всѣхъ индивидуумовъ или превышаетъ ее.

Законодатель во всѣхъ отношеніяхъ исключительный человѣкъ въ государствѣ. Если онъ долженъ быть таковымъ по своему генію, то не въ меньшей степени онъ бываетъ имъ и по своему назначенію. Это не магистратура, и не верховная власть. Эта должность, которая учреждаетъ республику, совсѣмъ не входитъ въ ея учрежденія, это отдѣльная и высшая функція, которая не имѣетъ ничего общаго съ властью человѣческою, ибо если

тотъ, кто повелѣваетъ людьми, не долженъ повелѣвать закономъ, то тотъ, кто повелѣваетъ закономъ, не долженъ повелѣвать людьми; иначе законы обратились бы въ орудіе его страстей и служили бы лишь къ тому, чтобы увѣковѣчить его неправоту; онъ никогда не могъ бы избѣгнуть, чтобы личные расчеты не исказили всю святость его работы.

Когда Ликургъ былъ призванъ къ тому, чтобы дать законы своему отечеству, онъ началъ съ того, что отрекся отъ царской власти. Большая часть греческихъ городовъ имѣла обыкновеніе поручать созданіе своихъ законовъ иностранцамъ. Этому же обычаю часто подражали новѣйшія итальянскія республики; то же сдѣлала Женева и осталась этимъ довольна *). Римъ, въ свою лучшую пору, видѣлъ въ своихъ нѣдрахъ возрожденіе всѣхъ преступленій тираніи и былъ близокъ къ гибели оттого лишь, что соединилъ въ одномъ лицѣ законодательную и верховную власть.

Между тѣмъ, децемвиры сами никогда не присвоивали себѣ право проводить законъ собственной властью. „Ничто изъ того, что мы вамъ предла-

*) Кто смотритъ на Кальвина только какъ на богослова, тотъ не знаетъ всей необъятности его генія. Редакція нашихъ мудрыхъ эдиктовъ, въ которой онъ принималъ близкое участіе, дѣлаетъ ему такую же честь, какъ и его церковная реформа. Какой бы переворотъ не совершился съ теченіемъ времени въ нашемъ вѣроисповѣданіи, пока не угаснетъ среди насъ любовь къ отечеству и къ свободѣ, никогда у насъ не перестанутъ благословлять память этого великаго человѣка.

гаемъ, не можетъ стать закономъ безъ вашего согласія", говорили они гражданамъ. „Римляне, будьте сами созидателями законовъ, которые должны составить ваше счастье".

Тотъ, кто составляетъ текстъ законовъ, не имѣетъ или не долженъ имѣть никакой законодательной власти и народъ, даже если бы и захотѣлъ не могъ бы сбросить съ себя это, никому не передаваемое право, потому что, по основному договору, только общая воля налагаетъ обязательства на отдѣльныя личности и лишь подвергнувъ частную волю свободному голосованію народа можно удостовѣриться, что она сходна съ волею общею. Я уже это говорилъ, но нахожу не лишнимъ повторить.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ законодательства одновременно есть двѣ несовмѣстимыя вещи: предпріятіе выше силъ человѣческихъ и для того, чтобы исполнять его — власть, которая не представляетъ собою ничего.

Заслуживаетъ вниманія и другое затрудненіе. Мудрецы, которые хотятъ говорить съ народомъ своимъ, а не его языкомъ, никогда не могутъ быть имъ понятыми. А между тѣмъ есть множество идей, которыя невозможно выразить народнымъ языкомъ. Слишкомъ общія точки зрѣнія, и цѣли слишкомъ отдаленныя, стоятъ внѣ его разумѣнія. Каждому человѣку, которому нравится только тотъ способъ правленія, который отвѣчаетъ его частной выгодѣ, трудно будетъ понять преимущества, которыя онъ получитъ при постоянныхъ лишеніяхъ,

налагаемыхъ на него хорошими законами. Чтобы нарождающійся народъ могъ одобрить здравыя положенія политики и слѣдовать основнымъ правиламъ государственнаго разума, нужно было бы, чтобы слѣдствіе стало причиной, чтобы общественный духъ, который долженъ быть созданъ учрежденіями, предшествовалъ самимъ учрежденіямъ и чтобы люди до изданія законовъ были уже тѣмъ, чѣмъ должны стать благодаря имъ. Такъ какъ законодатель лишенъ возможности приложить силу или убѣжденіе, то онъ по необходимости прибѣгаетъ къ власти другого порядка, которая могла бы увлекать безъ насилія и убѣждать безъ подчиненія.

Вотъ что заставляло народныхъ патріарховъ всѣхъ временъ прибѣгать къ вмѣшательству неба и передавать богамъ свою собственную мудрость; это было нужно для того, чтобы народы, подчиненные законамъ государства, такъ же какъ и законамъ природы, и признавая ту же силу въ созданіи человѣка, и въ созданіи гражданской общины, охотно повиновались и покорно несли иго общественнаго блага.

Рѣшенія этого высокаго разума, который выше пониманія простого народа, законодатель и влагаетъ въ уста безсмертныхъ, чтобы увлечь божественнымъ авторитетомъ тѣхъ, которыхъ не могъ сдвинуть съ мѣста разумъ человѣческій [5]). Но не всякому дано

---

[5]) E veramente,—говоритъ Макіавелли,—mai non fu alcuno ordinatore di leggi straordinarie in un popolo, che non ricovresse à Dio, perche altrimenti non sarebbero accettate; perche sono molti boni

заставить говорить боговъ, и не всякому повѣрятъ, когда онъ объявляетъ себя истолкователемъ ихъ воли. Великая душа законодателя — единственное чудо, которое оправдываетъ его миссію. Каждый можетъ начертать слова на каменныхъ доскахъ или подкупить оракула, или войти въ тайную сдѣлку съ какимъ нибудь божествомъ, или выучить птицу говорить ему на ухо, или найти другіе грубые способы, чтобы вліять ими на народъ. Человѣкъ, который только и знаетъ, что это, могъ бы, пожалуй, собрать толпу глупцовъ, но не можетъ основать царства и его безумное дѣло быстро погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Ложное обаяніе создаетъ скоропреходящія узы; только мудрость дѣлаетъ ихъ прочными. Законъ іудейскій, дѣйствующій донынѣ, законъ сына Измаилова, который вотъ уже 10 вѣковъ управляетъ полміромъ, прославляютъ понынѣ великихъ людей, которые ихъ создавали; гордая философія или ослѣпленный сектантскій разумъ видитъ въ этихъ людяхъ лишь счастливыхъ обманщиковъ, но истинный политикъ восхищается въ установленіяхъ, ими созданныхъ, великій и могущественный геній, который являетъ себя въ долговѣчныхъ учрежденіяхъ.

Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, вмѣстѣ съ Варбертономъ, что политика и религія имѣютъ у насъ общую цѣль, ибо, при происхожденіи націй, одна лишь служитъ орудіемъ другой.

---

conosciuti da uno prudente, i quali non hanno in se ragioni evidenti da potergli persuadere ad altrui (Discorsi sopra Tito Livio, lib. I, cop. XI).

ГЛАВА VIII.

О народѣ.

Какъ архитекторъ, прежде чѣмъ строить большое зданіе, изслѣдуетъ и пробуетъ почву, чтобы узнать выдержитъ ли она его тяжесть, такъ умный законодатель начинаетъ не съ того, чтобы написать законы хорошіе по своему содержанію, но стремится узнать сначала насколько подготовленъ для ихъ исполненія народъ, которому онъ ихъ предназначаетъ. Вотъ почему Платонъ отказался издать законы аркадійцамъ и киренянамъ, зная, что оба эти народа были богаты и не могли переносить равенства; вотъ почему въ Критѣ были хорошіе законы и дурные люди, ибо Миносъ хотѣлъ подчинить законамъ народъ, исполненный пороковъ.

На землѣ блистали тысячи націй, которыя никогда не могли бы признавать хорошихъ законовъ; и даже тѣ изъ нихъ, которыя могли бы это сдѣлать, имѣли, въ теченіе всего своего существованія, весьма короткое время для этого. Большая часть народовъ, какъ и людей, поддаются дисциплинѣ только въ юности; старѣясь, они становятся, неисправимы. Когда обычаи установились и вкоренились предразсудки, пробовать ихъ измѣнить — предпріятіе опасное и тщетное: народъ даже не переноситъ, чтобы дотронулись до его больныхъ мѣстъ съ цѣлью устранить ихъ, подобно тѣмъ глупымъ и молодуш-

нымъ больнымъ, которые содрогаются при видѣ врача.

Нельзя отрицать того, что подобно нѣкоторымъ болѣзнямъ, которыя нарушаютъ у человѣка порядокъ мыслей и отнимаютъ у нихъ память о прошломъ, и въ жизни государства случаются бурныя эпохи, когда революціи дѣйствуютъ на народъ такъ же, какъ нѣкоторые кризисы на индивидумовъ, когда ужасъ предъ прошлымъ бываетъ подобенъ потери памяти, и когда государство, воспламененное гражданскими войнами, возрождается, такъ сказать, изъ своего пепла, и вновь ощущаетъ въ себѣ силу молодости, освобождаясь изъ объятій смерти. Такова была Спарта во времена Ликурга, таковъ былъ Римъ послѣ Тарквиніевъ, таковы были въ наше время Голландія и Швейцарія послѣ изгнаніи тирановъ.

Но такія событія рѣдки; это исключенія, которыя объясняются всегда особеннымъ устройствомъ изъ ряду выходящаго государства. Они не могли бы даже повториться два раза для одного и того же народа: ибо онъ можетъ сдѣлаться свободнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ еще въ состояніи варварства, но не можетъ этого, когда сила движущая гражданственность истощена. Тогда смуты могутъ привести его въ упадокъ, и революціи уже не могутъ его возстановить; и какъ только его цѣпи разбиты, онъ распадается и болѣе не существуетъ: отнынѣ ему нуженъ господинъ, а не освободитель. Свободные народы, помните слѣдующее положеніе: „Пріобрѣсти

свободу можно, но снова возстановить—нельзя никогда".

Юность не дѣтство. Для націй, такъ же какъ для людей, есть время юности или если угодно, зрѣлости, которого нужно дождаться, прежде чѣмъ подчинять ихъ законамъ: но зрѣлость народа не всегда легко узнается и если начать дѣло до ея наступленія — трудъ потерянъ. Одинъ народъ можетъ быть подчиненъ порядку при рожденіи, другой не поддается дисциплинѣ и черезъ десять вѣковъ. Русскій народъ всегда останется чуждъ настоящему политическому благоустройству, потому что его хотѣли сдѣлать благоустроеннымъ политически черезъ-чуръ рано. Петръ Великій былъ геніемъ подражанія; онъ не былъ одаренъ настоящимъ геніемъ, создающимъ все изъ ничего. Кое-что изъ того, что онъ сдѣлалъ, было хорошо, большая часть была ни къ чему. Онъ видѣлъ, что народъ его находится въ варварствѣ, но не понималъ, что онъ не созрѣлъ для политическаго благоустройства; онъ хотѣлъ цивилизовать его, тогда какъ надо было его пріучить къ войнѣ. Онъ хотѣлъ сначала сдѣлать нѣмцевъ, англичанъ, тогда какъ надо было начать съ того, чтобы дѣлать русскихъ: онъ помѣшалъ имъ сдѣлаться когда-нибудь тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, убѣдивъ ихъ, что они стали уже тѣмъ, чѣмъ они не были. Такъ воспитываетъ своего питомца наставникъ-французъ, который добивается, чтобы онъ поражалъ всѣхъ въ дѣтствѣ, и мало заботится о томъ, что изъ него ничего не выйдетъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Россійская имперія пожелаетъ поработить Европу, и сама будетъ покорена. Татары, — ея подданные и сосѣди, пріобрѣтутъ господство надъ нею и надъ нами: эта революція кажется мнѣ неизбѣжной. Всѣ короли Европы способствуютъ ея ускоренію.

ГЛАВА IX.

О народѣ.

(Продолженіе).

Подобно тому, какъ природа поставила границы росту хорошо сложеннаго человѣка, за которыми она творитъ или гигантовъ или карликовъ, такъ и съ точки зрѣнія наилучшаго устройства государства существуютъ границы для его пространства; онѣ не должны быть слишкомъ велики, ибо тогда трудно установить хорошее управленіе, ни слишкомъ малы, ибо тогда ему трудно будетъ поддерживать свое существованіе собственными силами. Во всякомъ политическомъ цѣломъ есть maximum силъ, котораго оно не можетъ превзойти и отъ котораго оно часто удаляется, увеличиваясь. Чѣмъ болѣе соціальная связь распространяется въ пространствѣ, тѣмъ болѣе она слабѣетъ; и вообще маленькое государство относительно сильнѣе большого.

Тысячи аргументовъ доказываютъ это положеніе. Во-первыхъ, управленіе становится труднѣе на большихъ пространствахъ, подобно тому, какъ тяжесть становится чувствительнѣе на концѣ болѣе

длиннаго рычага. Оно становится также болѣе тягостнымъ, и по мѣрѣ того, какъ умножаются его ступени: въ каждомъ городѣ имѣется своя администрація, которую народъ содержитъ; каждый округъ имѣетъ свою, опять-таки находящуюся на содержаніи народа; затѣмъ идутъ провинціи, затѣмъ большія губернаторства, сатрапіи и вице-королевства, и въ каждой содержаніе администраціи обходится тѣмъ дороже, чѣмъ выше мы поднимаемся, а оплачиваетъ ее всегда тотъ же несчастный народъ; наконецъ, идетъ высшая администрація, раздавливающая все. Такія неумѣренныя тяготы постоянно истощаютъ подданныхъ: они не только не управляются лучше всѣми этими различными разрядами правительства, но и гораздо хуже, чѣмъ если бы надъ ними былъ одно. Почти не остается средствъ для исключительныхъ случаевъ; и когда къ нимъ нужно прибѣгать, — государство оказывается наканунѣ своего разоренія.

Это не все: у правительства не только не хватаетъ силы и быстроты для того, чтобы требовать исполненія законовъ, недопущенія насилій, исправленія злоупотребленій, предупрежденія мятежныхъ предпріятій, могущихъ происходить въ отдаленныхъ мѣстахъ; но вдобавокъ народъ менѣе расположенъ къ своимъ начальникамъ, которыхъ онъ никогда не видитъ, къ отечеству, которое для него какъ міръ и къ своимъ согражданамъ, большая часть которыхъ для него—чужіе. Одни и тѣ же законы не могутъ оказаться одинаково подходящими для столь непохожихъ между собою про-

винцій, съ различными нравами и обычами, съ противоположными климатами, провинцій, которыя не выносятъ одной и той же формы правленія. Различные законы порождаютъ смуты и неустройства между народами, которые, живя подъ властью однихъ и тѣхъ же начальниковъ и въ постоянномъ общеніи, посѣщаютъ другъ друга и заключаютъ браки между собою и, подчиняясь другимъ обычаямъ, никогда не знаютъ, принадлежитъ ли дѣйствительно имъ ихъ достояніе. Таланты зарыты, добродѣтели скрыты, пороки безнаказанны въ этомъ множествѣ людей, незнакомыхъ одинъ другому, которыхъ собираетъ въ одно мѣсто высшая администрація. Вожди, обремененные дѣлами, сами по себѣ ничего не видятъ: государствомъ управляютъ люди по ихъ порученію. Наконецъ, мѣры, которыя нужно принять, чтобы удержать за собою общую власть, отъ которой многіе чиновники, находясь вдали, хотятъ отдѣлаться и которую хотятъ обмануть, поглощаютъ всѣ общественныя заботы. О счастьи народа некогда заботиться: едва остается время думать о его защитѣ въ случаѣ надобности. Такъ тѣло, слишкомъ обширное по сравненію со своимъ устройствомъ, падаетъ и погибаетъ, раздавленное собственною тяжестью.

Съ другой стороны, государство должно положить себѣ извѣстное основаніе, чтобы имѣть твердость, чтобы противостоять сотрясеніямъ, которыя оно непремѣнно должно будетъ испытать, и усиліямъ, которыя оно вынуждено будетъ сдѣлать для своего поддержанія; ибо всѣ народы обладаютъ въ нѣко-

торомъ родѣ центробѣжной силой, которая заставляетъ дѣйствовать ихъ другъ противъ друга и стремиться увеличиться на счетъ сосѣдей, подобно вихрямъ Декарта. Такимъ образомъ, слабые рискуютъ быть скоро поглощенными, и ни одно не можетъ сохранить себя иначе, какъ приведя себя со всѣми въ извѣстное равновѣсіе, что дѣлаетъ давленіе повсемѣстно приблизительно одинаковымъ.

Отсюда ясно, что есть причины, заставляющія государство расширяться и сжиматься; и далеко не послѣдняя способность политика—умѣть найти между тѣми и другими отношеніе, наиболѣе выгодное для сохраненія государства. Можно сказать вообще, что первыя изъ причинъ, будучи только внѣшними и относительными, должны быть подчинены другимъ внутреннимъ и абсолютнымъ; надо стремиться прежде всего добыть здоровое и крѣпкое устройство; и надо больше надѣяться на силу, порожденную хорошимъ управленіемъ, чѣмъ на средства доставляемыя большой территоріей.

Впрочемъ были государства устроенныя такимъ образомъ, что необходимость завоеваній составляла часть самого ихъ устройства и что для своего поддержанія они вынуждены были безпрестанно увеличиваться. Быть можетъ они и поздравляли себя съ этой счастливой необходимостью, но тѣмъ не менѣе она указывала имъ и предѣлъ ихъ величія, и неизбѣжный моментъ ихъ паденія.

ГЛАВА X.

О народѣ.

(Продолженіе).

Можно измѣрять политическое тѣло двоякимъ образомъ: пространствомъ территоріи и количествомъ народа. Между этими двумя измѣреніями существуетъ очень удобное отношеніе для опредѣленія истиннаго величія государства. Люди составляютъ государство, а людей питаетъ земля: соотношеніе, слѣдовательно, должно существовать такое, чтобы хватило земли для содержанія людей, и чтобы было столько людей, сколько земля можетъ питать. Въ этой пропорціи и заключается maximum силъ извѣстной численности народа; ибо если земли черезъ чуръ много, охрана ея тягостна, культура недостаточна, продуктовъ больше, чѣмъ нужно: въ этомъ будущая причина оборонительныхъ войнъ. Если же земли мало, то государство, чтобы добыть недостающіе продукты, будетъ поставлено въ зависимость отъ сосѣдей: въ этомъ будущая причина наступательныхъ войнъ. Всякій народъ, который по своему положенію долженъ выбирать между торговлей и войной — народъ слабый; онъ зависитъ отъ сосѣдей, онъ зависитъ отъ событій, его существованіе всегда неопредѣленно и кратковременно. Онъ покоряетъ и мѣняетъ свое положеніе, или онъ порабощенъ и пересталъ существовать. Онъ можетъ сохранить свою свободу или потому, что онъ малъ, или потому, что великъ.

Невозможно выразить постоянной числовой величиной соотношенія между пространствомъ земли и количествомъ людей, чтобы земли было довольно для людей и наоборотъ, невозможно какъ вслѣдствіе различій въ качествахъ почвы, въ степени плодородности ея, въ свойствѣ ея продуктовъ, въ климатическихъ условіяхъ, такъ и по тѣмъ различіямъ, которыя представляютъ темпераменты жителей, изъ которыхъ одни потребляютъ мало въ плодородной странѣ, а другіе много на неблагодарной почвѣ Кромѣ того, надо еще принять во вниманіе большую или меньшую плодовитость женщинъ, то, что страна имѣетъ болѣе или менѣе благопріятнаго населенію, количество жителей, которому законодатель можетъ надѣяться притти на помощь своими установленіями. Такъ что онъ долженъ основывать свое сужденіе не на томъ, что онъ видитъ, а на томъ, что онъ предвидитъ, и не столько долженъ останавливаться на настоящемъ положеніи народа, сколько на томъ, котораго народъ долженъ естественно достигнуть. Наконецъ существуютъ тысяча обстоятельствъ, когда особенныя условія мѣста требуютъ или позволяютъ занять больше земли, чѣмъ это казалось бы необходимымъ. Такъ, слѣдуетъ разселиться на большемъ пространствѣ въ гористой странѣ, гдѣ естественные продукты, какъ лѣса, пастбища, требуютъ меньшей затраты работы, гдѣ, какъ показываетъ опытъ, женщины плодовитѣе, чѣмъ въ равнинахъ, и гдѣ наклонная почва даетъ малую горизонтальную площадь, единственно годную для произрастанія.

Напротивъ, можно сжаться на берегу моря, даже на почти безплодныхъ скалахъ и пескахъ, такъ какъ рыбный промыселъ можетъ въ значительной степени служить подспорьемъ продуктамъ земли, люди должны быть собраны въ одномъ мѣстѣ для защиты отъ пиратовъ, и основывая колоніи, они могутъ легче освободить страну отъ жителей, ее отягощающихъ.

Къ этимъ условіямъ, опредѣляющимъ условія законодательства у народа, должно быть прибавлено одно, незамѣнимое никакимъ другимъ, и безъ котораго всѣ остальныя безполезны: оно состоитъ въ томъ, чтобы существовали изобиліе и миръ; ибо время образованія государства, какъ и время построенія батальона, представляетъ собой такой моментъ, когда цѣлое менѣе всего способно къ сопротивленію и легче всего можетъ быть уничтожено. Можно успѣшнѣе сопротивляться во время полнаго безпорядка, чѣмъ въ моментъ складыванія государства, когда каждый занятъ своимъ положеніемъ, а не опасностью. Пусть только война, голодъ, мятежъ застигнетъ государство въ этотъ критическій моментъ, и оно неминуемо погибнетъ.

Правда, было много правительствъ, которыя устанавливались во время этихъ бурь; но именно это тѣ самыя правительства, которые разрушаютъ государство. Узурпаторы подстраиваютъ сами или выбираютъ смуты, чтобы въ этотъ моментъ, пользуясь общимъ страхомъ, заставитъ признать разрушительные законы, которыхъ народъ никогда не принялъ бы хладнокровно. Выборъ времени для уста-

новленія государства одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ для отличія дѣяній законодателя отъ дѣйствій тирана.

Какой же народъ созрѣлъ для законодательства? Тотъ, который, соединенный какими-нибудь узами происхожденія, выгоды или соглашенія, не испыталъ еще настоящаго ярма законовъ; тотъ, который не имѣетъ обычаевъ, предубѣжденій сильно вкоренившихся, тотъ, который не боится опасностей внезапнаго нашествія, который, не вмѣшиваясь въ раздоры сосѣдей, самъ способенъ противостоять каждому изъ нихъ, или воспользоваться помощью одного для отраженія другого; тотъ, каждый отдѣльный членъ котораго извѣстенъ всѣмъ и гдѣ нѣтъ необходимости отягощать человѣка такой ношей, которой человѣкъ не можетъ снести; тотъ, который можетъ обойтись безъ другого народа, и который самъ не нуженъ другому народу *); тотъ, который ни богатъ, ни бѣденъ, и не нуждается въ посторонней поддержкѣ; наконецъ тотъ, который соединяетъ устойчивость стараго народа съ

*) Если бы изъ двухъ сосѣднихъ народовъ одинъ не могъ обойтись безъ другого, это было бы положеніемъ очень тяжелымъ для перваго и очень опаснымъ для втораго. Всякая мудрая нація, въ подобномъ случаѣ, поскорѣе постаралась бы освободить другую отъ такой зависимости. Тласкаланская республика, лежащая внутри владѣній Мексиканской имперіи, предпочитала не употреблять соли, чѣмъ покупать или даже получать ее даромъ у мексиканцевъ. Мудрые тласкаланцы видѣли ловушку, спрятанную подъ этой щедростью. Они сохранили свою свободу, и это маленькое государство, заключенное въ такой огромной имперіи, въ концѣ концовъ сдѣлалось орудіемъ ея гибели.

доступностью для дисциплины народа молодого. Не столько то, что нужно установить, сколько то, что нужно разрушить, составляетъ трудность дѣла законодателя, а невозможность найти простоту природы въ соединеніи съ потребностями общества— вотъ что обусловливаетъ рѣдкость успѣха. Всѣ эти условія, правда, трудно соединимы: вотъ почему немногія государства благоустроены.

Есть еще въ Европѣ страна, способная къ воспріятію законодательства, это—Корсика. Мужество и твердость, съ которыми этотъ храбрый народъ сумѣлъ снова добыть и отстоять свою свободу, заслуживаютъ, чтобъ какой-нибудь мудрецъ научилъ его ее сохранять. Я предчувствую, что когда-нибудь этотъ маленькій островъ удивитъ Европу.

ГЛАВА XI.

О различныхъ системахъ законодательства.

Если мы станемъ искать, въ чемъ собственно состоитъ высшее благо всѣхъ, которое является цѣлью всякой системы законодательства, то мы придемъ къ заключенію, что оно сводится къ двумъ главнымъ вещамъ: *свободѣ* и *равенству*, къ свободѣ, потому что всякая частная зависимость представляетъ собою столько же отнятой у всего государства силы, къ равенству, потому что свобода не могла бы существовать безъ него.

Я уже говорилъ, въ чемъ заключается гражданская свобода. Что касается равенства не слѣдуетъ

понимать подъ этимъ словомъ, чтобы степени могущества и богатства были абсолютно одинаковыми, но, что касается могущества, чтобы оно не превращалось въ насиліе и проявлялось только въ силу достоинства и законовъ; и чтобы, что касается богатства, ни одинъ гражданинъ не былъ достаточно зажиточнымъ, чтобы имѣть возможность купить другого, и ни одинъ достаточно бѣднымъ, чтобы быть вынужденнымъ продать себя *); это предполагаетъ со стороны большихъ умѣренность имущества и кредита, а со стороны малыхъ умѣренность корыстолюбія и алчности.

Это равенство, говорятъ они, не болѣе какъ умозрительная химера, которая не осуществима на практикѣ. Но если злоупотребленіе неизбѣжно, слѣдуетъ ли изъ этого, что его не нужно, по крайней мѣрѣ, ограничить? Именно потому сила законодательства всегда должна стремиться удержать равенство, что сила вещей стремится постоянно его уничтожить.

Но эти общія всякому хорошему учрежденію свойства, должны видоизмѣняться въ каждой странѣ въ зависимости отъ соотношеній, порождаемыхъ мѣстнымъ положеніемъ и характеромъ обитателей; эти-

*) Если вы хотите, чтобы государство получило устойчивость, сблизьте между собою крайнія ступени поскольку это возможно; не терпите ни богачей, ни нищихъ. То и другое естественно нераздѣльно и одинаково гибельно для общаго блага. Изъ одного рождаются сторонники тираніи, изъ другого — тираны. Торговля политической свободою идетъ всегда между богачами и нищими; одинъ продаетъ, другой покупаетъ.

ми соотношеніями должна быть опредѣлена для каждаго народа особенная система учрежденій, которая должна быть наилучшей, можетъ быть, не сама по себѣ, но для государства, которому она предназначается. Напримѣръ, если ваша почва неблагодарна и безплодна или страна слишкомъ тѣсна для жителей, то обратитесь къ промышленности и ремесламъ, продукты которыхъ вы будете обмѣнивать на припасы вамъ недостающіе. Напротивъ, если вы занимаете богатыя равнины и плодородную холмистую почву; если у васъ будетъ недостатокъ въ жителяхъ на хорошей землѣ, то посвятите всѣ свои заботы земледѣлію, умножающему людей и изгоняйте ремесла, которыя окончательно лишили бы страну населенія, соединяя въ нѣкоторыхъ пунктахъ территоріи ту горсть жителей, которая въ ней имѣется *). Если вы занимаете пространные и удобные берега, покройте море кораблями, развивайте торговлю и мореходство — вамъ будетъ обезпечено существованіе блестящее и кратковременное. Если море омываетъ на вашихъ берегахъ только неприступныя скалы—оставайтесь варварами и ихтіофагами; вы будете жить спокойнѣе, даже лучше и навѣрное счастливѣе. Однимъ словомъ, кромѣ общихъ для всѣхъ правилъ, каждый народъ имѣетъ въ себѣ причины, регулиру-

*) Нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли, говоритъ г. Д'Аржансонъ, распространяютъ по странѣ только видимую пользу. Онѣ могутъ обогатить отдѣльныхъ лицъ, даже нѣсколько городовъ, но вся нація не пріобрѣтаетъ отъ нихъ ничего, и народу отъ нихъ не лучше.

ющія эти правила особеннымъ образомъ, и дѣлающія его законодательство пригоднымъ только для него. Такимъ образомъ, въ прежнее время евреи, не такъ давно еще арабы—главнымъ образомъ заботились о религіи, аѳиняне — о словесности, Карѳагенъ и Тиръ — о торговлѣ, Родосъ — о мореходствѣ, Спарта— о войнѣ и Римъ—о доблести. Авторъ „Духа законовъ“ пояснилъ множествомъ примѣровъ, какимъ путемъ законодатель направляетъ учрежденіе къ каждой изъ этихъ цѣлей.

Что дѣлаетъ учрежденіе государства дѣйствительно крѣпкимъ и прочнымъ это, когда всѣ необходимыя условія настолько соблюдены, что естественныя отношенія и законы вполнѣ до мелочей совпадаютъ, и что послѣдніе, такъ сказать, упрочиваютъ, завершаютъ, исправляютъ первыя. Но если законодатель, неправильно понимаетъ свою цѣль и беретъ въ руководство принципъ отличный отъ того, который порождается природою вещей, если обстоятельства требуютъ рабства, а онъ даетъ свободу, если развитіе идетъ къ накопленію богатства, а онъ обращаетъ вниманіе на увеличеніе народонаселенія, если народъ хочетъ мира, а онъ ведетъ къ завоеваніямъ—законы незамѣтно потеряютъ силу, государственное устройство будетъ измѣняться и государство будетъ волноваться, до тѣхъ поръ пока не будетъ разрушено или измѣнено и пока непобѣдимая природа не возстановитъ снова свою власть.

ГЛАВА XII.

Подраздѣленіе законовъ.

Чтобы все привести въ порядокъ или придать возможно лучшую форму общественному строю, надо принять въ соображеніе различныя соотношенія. Во-первыхъ, дѣйствіе оказываемое цѣлымъ на самого себя, т. е. отношеніе цѣлаго къ цѣлому или суверена къ государству; и это соотношеніе складывается изъ соотношенія посредствующихъ членовъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Законы, опредѣляющіе это отношеніе, называются законами политическими, или же основными законами, не безъ нѣкоторой причины, если эти законы мудры. Ибо, если въ каждомъ государствѣ существуетъ хорошій порядокъ, народъ, нашедшій его, долженъ его держаться; но если установленный порядокъ плохъ, зачѣмъ принимать за основные — законы, препятствующіе ему быть хорошимъ? Каковы бы ни были причины, народъ всегда властенъ измѣнить свои законы, даже лучшіе; ибо если ему нравится, причинить себѣ зло кто имѣетъ право помѣшать ему въ этомъ?

Второе соотношеніе—это соотношеніе членовъ между собою и съ цѣлымъ. Въ первомъ случаѣ это соотношеніе должно быть возможно малымъ, во второмъ возможно большимъ, такъ, чтобы каждый гражданинъ былъ въ совершенной независимости отъ всѣхъ другихъ, и въ чрезвычайной зависимости отъ гражданской общины: что достигается всегда одними

и тѣми же способами. Ибо только сила государства производитъ свободу его членовъ. Изъ этого второго соотношенія проистекаютъ законы гражданскіе.

Можно разсматривать и третій родъ соотношеній между человѣкомъ и закономъ, т. е. случаи неповиновенія законамъ и наказанія; это соотношеніе приводитъ къ установленію законовъ уголовныхъ, которые въ основѣ скорѣе даютъ санкціи всѣмъ прочимъ законамъ, а не представляетъ собой, строго говоря, особый видъ законовъ.

Къ этимъ тремъ видамъ законовъ, присоединяется четвертый, самый важный изъ всѣхъ, который не высѣкается ни на мраморѣ, ни на мѣди, но хранится въ сердцахъ гражданъ; онъ создаетъ дѣйствительныя установленія государства; онъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новыя силы; когда другіе законы старѣются или гаснутъ, онъ воскрешаетъ ихъ или замѣняетъ ихъ, поддерживаетъ народъ въ духѣ его учрежденій и незамѣтно преобразуетъ силу власти въ силу привычки. Я говорю о нравахъ, обычаяхъ, и въ особенности объ убѣжденіяхъ; этотъ видъ законовъ незнакомъ нашимъ политикамъ, но отъ него зависитъ успѣхъ всѣхъ другихъ; ими великій законодатель занимается втайнѣ, въ то время какъ наружно онъ ограничивается изданіемъ частныхъ правилъ, которыя не болѣе, какъ дуга свода, у котораго нравы, медленнѣе формулирующіеся, служатъ замочнымъ камнемъ.

Изъ этихъ различныхъ видовъ законы политическіе, составляющіе форму правленія, единственно относятся къ моему предмету.

Книга третья.

Прежде чѣмъ говорить о различныхъ формахъ правленія, постараемся найти точный смыслъ этого слова, которое до сихъ поръ не получило удовлетворительнаго объясненія.

ГЛАВА I.

О правительствѣ вообще.

Я предупреждаю читателя, что эта глава должна читаться вдумчиво, и что я не владѣю искусствомъ быть яснымъ для того, кто не хочетъ быть внимательнымъ.

Всякій свободный поступокъ обусловленъ двумя причинами, одна изъ нихъ моральная — именно воля, опредѣляющая поступокъ, другая физическая — именно сила, его исполняющая. Когда я иду къ какой-нибудь цѣли, необходимо, чтобы я прежде всего хотѣлъ къ ней итти, во-вторыхъ, чтобы мои ноги меня туда понесли. Пусть паралитикъ захочетъ бѣжать, или проворный человѣкъ не захочетъ — оба останутся на мѣстѣ. Политиче-

ское тѣло имѣетъ тѣ же двигатели: въ немъ также различаютъ волю и силу—первую подъ названіемъ *законодательной власти*, вторую подъ названіемъ *власти исполнительной*. Ничего не дѣлается или не должно быть сдѣлано безъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія.

Мы видѣли, что власть законодательная принадлежитъ народу и можетъ принадлежать только ему. Легко видѣть, напротивъ, изъ принциповъ выше установленныхъ, что исполнительная власть не можетъ принадлежать совокупности гражданъ, какъ законодательницѣ или суверену, такъ какъ эта власть состоитъ изъ частныхъ актовъ, не принадлежащихъ къ категоріи законовъ, и слѣдовательно не входящихъ въ сферу дѣятельности суверена, всѣ акты котораго только и могутъ быть что законами.

Общественная сила, слѣдовательно, нуждается въ спеціальномъ актѣ, который объединялъ бы и приводилъ въ дѣйствіе ее, согласно указаніямъ общей воли, который служилъ бы для сношенія государства и суверена, который въ общественномъ организмѣ дѣлалъ бы то, что дѣлаетъ въ организмѣ человѣческомъ соединеніе души и тѣла. Вотъ какой смыслъ имѣетъ въ государствѣ правительство; его совершенно напрасно смѣшиваютъ съ сувереномъ; онъ только — слуга его.

Что жъ такое правительство? Промежуточный органъ, установленный между подданными и сувереномъ для ихъ взаимнаго сношенія, облеченный обязанностью проводить въ исполненіе законы и

поддерживать свободу, какъ гражданскую, такъ и политическую.

Члены этого органа называются магистратами или *королями*, т. е. *правителями*; а весь онъ носитъ названіе *государя* *). Поэтому вполнѣ правы тѣ, кто предполагаетъ, что актъ, по которому народъ подчиняется вождямъ, не представляетъ договора. Это не болѣе, какъ порученіе, полномочіе, получивъ которое они, простые чиновники суверена, осуществляютъ именемъ его власть, которой хранителемъ сдѣлалъ ихъ онъ, которую онъ можетъ ограничить, измѣнять и отнять по своему усмотрѣнію, ибо отчужденіе такого права несовмѣстимо съ природою соціальнаго тѣла и противно цѣли гражданскаго соединенія.

Итакъ, я называю правительствомъ или высшимъ управленіемъ законное осуществленіе исполнительной власти, а государемъ или магистратомъ—человѣка или корпорацію, которымъ вручена эта власть.

Именно въ правительствѣ находятся тѣ промежуточныя силы, изъ отношеній которыхъ складывается отношеніе цѣлаго къ цѣлому, или суверена къ государству. Это послѣднее отношеніе можно представить въ видѣ отношенія крайнихъ членовъ непрерывной пропорціи, среднее пропорціональное которой правительство. Правительство получаетъ отъ суверена приказанія, которыя оно передаетъ

---

*) Такъ, въ Венеціи правящую коллегію называютъ сіятельнымъ государемъ даже тогда, когда дожъ въ ней не присутствуетъ.

народу, и чтобы государство находилось въ устойчивомъ равновѣсіи, надо, чтобы по приведеніи получилось равенство между однимъ произведеніемъ или властью правительства и другимъ произведеніемъ, или властью гражданъ, которые съ одной стороны — носители суверенитета, съ другой—подданные.

Кромѣ того, нельзя измѣнить ни одинъ изъ трехъ членовъ, не нарушивъ сейчасъ же пропорціи. Если суверенъ захочетъ управлять, или магистратъ — издавать законы, или если подданные откажутся повиноваться, вмѣсто порядка получается безпорядокъ, нарушается гармонія между силой и волей, и государство разрушается и становится удѣломъ деспотизма или анархіи. Наконецъ, подобно тому какъ существуетъ только одно среднее пропорціональное въ каждомъ отношеніи, такъ и въ государствѣ существуетъ только одно возможное хорошее правительство: но такъ-какъ тысячи событій могутъ измѣнить отношенія народа, то различныя правленія могутъ быть хороши не только для различныхъ народовъ, но и для одного и того же народа въ разное время.

Чтобы дать понятіе о различныхъ отношеніяхъ, могущихъ существовать между этими крайними членами, я возьму, для примѣра, количество народа, какъ отношеніе болѣе легко выразимое.

Предположимъ, что государство состоитъ изъ десяти тысячъ гражданъ. Суверенъ можетъ быть разсматриваемъ только какъ нѣчто коллективное и цѣлое; но каждое частное лицо, въ качествѣ под-

даннаго, разсматривается какъ индивидумъ: такимъ образомъ, суверенъ относится къ подданному, какъ 10,000: 1; т.-е. на долю каждаго члена государства приходится только $\frac{1}{10.000}$ часть верховной власти, хотя онъ самъ подчиненъ ей цѣликомъ. Предположимъ теперь, что народъ состоитъ изъ ста тысячъ человѣкъ; положеніе подданныхъ не измѣняется: всякій изъ нихъ въ равной степени выдерживаетъ всю власть законовъ, тогда какъ его голосъ, сведенный къ $\frac{1}{100.000}$, имѣетъ въ десять разъ меньше значенія при составленіи законовъ. Тогда, такъ какъ подданный представляетъ собою всегда единицу—отношеніе суверена увеличивается пропорціонально числу гражданъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе увеличивается государство, тѣмъ болѣе уменьшается свобода.

Когда я говорю, что отношеніе увеличивается, я разумѣю, что оно удаляется отъ равенства. Значитъ, чѣмъ болѣе отношеніе въ смыслѣ математическомъ, тѣмъ оно менѣе въ смыслѣ общемъ; въ первомъ случаѣ, отношеніе разсматривается по количеству и измѣряется показателемъ; во второмъ смыслѣ—разсматривается по тождеству и оцѣнивается подобіемъ.

Чѣмъ меньше отношеніе частныхъ воль къ общей воли, т.-е нравовъ къ законамъ, тѣмъ болѣе должна увеличиваться сила обуздывающая. Слѣдовательно, правительство, чтобы быть хорошимъ, должно быть относительно болѣе сильнымъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія.

Съ другой стороны, такъ какъ увеличеніе госу-

дарства представляетъ носителямъ государственной власти больше соблазновъ и средствъ злоупотреблять своимъ могуществомъ,—то, чѣмъ больше правительство должно имѣть силъ, чтобы сдерживать народъ, тѣмъ больше долженъ имѣть ее съ своей стороны суверенъ, чтобы сдерживать правительство. Я говорю здѣсь не объ абсолютной, а объ относительной силѣ различныхъ частей государства.

Изъ этого двойного отношенія слѣдуетъ, что непрерывная пропорція между сувереномъ, государемъ и народомъ не произвольная идея, но необходимое слѣдствіе природы политическаго тѣла. Изъ этого слѣдуетъ еще, что, такъ какъ одинъ изъ крайнихъ членовъ, именно народъ, какъ подданный, представляетъ величину постоянную и выраженную единицей, то всякій разъ какъ двойное отношеніе увеличивается или уменьшается, простое отношеніе одинаково увеличивается или уменьшается и что вслѣдствіе этого средній членъ измѣняется. Это указываетъ на то, что нѣтъ такого устройства правительства, которое было бы единственнымъ и абсолютнымъ, но что можетъ существовать столько правительствъ различныхъ по своей природѣ, сколько государствъ различныхъ по величинѣ.

Если, выставляя эту систему въ смѣшномъ видѣ, кто-нибудь сказалъ бы, что для того, чтобы найти это среднее пропорціональное и образовать правительство, надо, согласно моимъ разсужденіямъ, извлечь квадратный корень изъ числа народа, я

отвѣтилъ бы, что беру это число только для примѣра; что отношенія, о которыхъ я говорю, не измѣряются только количествомъ людей, но вообще количествомъ дѣйствій, которое складывается изъ массы причинъ; что во всякомъ случаѣ, если, выражаясь кратко, я заимствую на минуту термины математическіе, я отлично знаю, что математическая точность совсѣмъ не наблюдается въ количествахъ моральныхъ.

Правительство представляетъ собою въ маломъ видѣ то, что политическое тѣло, его включающее, представляетъ въ большомъ. Это—моральная личность, одаренная извѣстными способностями; она активна какъ суверенъ, пассивна какъ государство; ее можно разложить на другія подобныя же отношенія; отсюда возникаетъ, такимъ образомъ, новая пропорція, въ этой—еще новая, согласно порядку правящихъ инстанцій, до тѣхъ поръ пока мы достигнемъ недѣлимаго средняго члена, т.-е. единаго главы или высшаго магистрата, котораго можно себѣ представить въ срединѣ этой прогрессіи, какъ единицу между рядомъ дробей и рядомъ цѣлыхъ чиселъ.

Чтобы не запутываться въ этомъ множествѣ терминовъ, ограничимся тѣмъ, что будемъ разсматривать правительство, какъ новое тѣло въ государствѣ, отличное отъ народа и суверена, и промежуточное между однимъ и другимъ.

Между государствомъ и правительствомъ есть та существенная разница, что государство существуетъ само по себѣ, а правительство только чрезъ

суверена. Такимъ образомъ, владычествующая воля государя представляетъ или должна представлять общую волю или законъ; его сила — лишь сила общественная, въ немъ сконцентрированная: какъ только онъ хочетъ извлечь изъ себя самого какой-нибудь актъ, абсолютный или независимый, всеобщая связь начинаетъ ослабѣвать. Если бы случилось наконецъ, что государь имѣлъ бы особую волю, болѣе активную, чѣмъ воля суверена и, повинуясь этой особой волѣ, онъ пустилъ бы въ ходъ силу общественную, находящуюся въ его рукахъ,— такъ, что существовало бы, такъ сказать, два суверена,—одинъ по праву, другой фактически, — немедленно исчезла бы общественная связь и разрушилось политическое тѣло.

Между тѣмъ, для того, чтобы правительство существовало, пользовалось дѣйствительной жизнью, отличающею его отъ государства, чтобы всѣ его члены могли дѣйствовать сообща и отвѣчать цѣли, для которой оно учреждено,- ему необходимо особое „я“, общая его членамъ чувствительность, сила, собственная воля, стремящаяся къ самосохраненію. Это особое существованіе предполагаетъ собранія, совѣты, власть совѣщаться и принимать рѣшенія, права, титулы, привилегіи, которыя принадлежатъ исключительно государю и которыя дѣлаютъ положеніе магистрата тѣмъ болѣе почетнымъ, съ чѣмъ большими тягостями оно связано. Затрудненія заключаются въ способѣ регулировать въ цѣломъ это подчиненное цѣлое такъ, чтобы оно не измѣняло общаго устройства, укрѣпляя свое, что-

бы оно всегда отличало силу, предназначенную для его собственнаго самосохраненія, отъ силы общественной, предназначенной для сохраненія государства, и чтобы, однимъ словомъ, оно всегда было готово пожертвовать правительствомъ для народа, а не народомъ для правительства.

Впрочемъ, хотя искусственное цѣлое правительства—произведеніе другого искусственнаго цѣлаго, и хотя оно имѣетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ жизнь заимственную и подчиненную, — это не мѣшаетъ ему дѣйствовать съ большей или меньшей силою или быстротою, наслаждаться, такъ сказать, здоровьемъ болѣе или менѣе крѣпкимъ. Наконецъ, не удаляясь прямо отъ цѣли своего назначенія, оно можетъ отклоняться отъ нея болѣе или менѣе, смотря по тому, какъ оно устроено.

Всѣ эти различія порождаютъ различныя соотношенія, которыя должны существовать между правительствомъ и государствомъ, сообразно случайнымъ и частнымъ отношеніямъ, которыми измѣняется это послѣднее. Ибо часто случается, что правительство самое лучшее само по себѣ, можетъ стать самымъ порочнымъ, если его отношенія не измѣняются согласно недостаткамъ политическаго тѣла, къ которому правительство принадлежитъ.

ГЛАВА II.

О принципѣ, устанавливающемъ различныя формы правительства.

Чтобъ выяснить общую причину этихъ различій, надо отличать государя и правительство, какъ я различалъ въ предшествующемъ государство и суверена.

Магистратъ можетъ быть составленъ изъ большаго или меньшаго числа членовъ. Мы нашли, что отношеніе суверена къ подданнымъ тѣмъ больше, чѣмъ многочисленнѣе народъ; по ясной аналогіи можно то же сказать объ отношеніи правительства къ членамъ магистрата.

Ибо такъ какъ вся сила правительства есть всегда сила государства, то она совсѣмъ не измѣняется; отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе правительство тратитъ этой силы на своихъ членовъ, тѣмъ менѣе ему остается, чтобы дѣйствовать на цѣлый народъ.

Слѣдовательно, чѣмъ многочисленнѣе магистраты, тѣмъ слабѣе правительство. Такъ какъ это положеніе основное, постараемся выяснить его лучше.

Мы можемъ различать въ личности магистрата три существенно различныхъ воли: во первыхъ, собственную волю индивидума, которая стремится къ собственной частной выгодѣ; во вторыхъ, общую волю магистратовъ, которая заботится исклю-

чительно о выгодѣ государя, и которую можно назвать волею корпоративною; она общая въ отношеніи правительства и частная—въ отношеніи государства, котораго правительство есть часть; въ третьихъ, волю народа или верховную волю, которая обща какъ въ отношеніи государства, разсматриваемаго какъ цѣлое, такъ и въ отношеніи правительства, разсматриваемаго какъ часть цѣлаго.

Въ совершенномъ законодательствѣ частная или индивидуальная воля обращается въ нуль, воля корпоративная, свойственная правительству,—занимаетъ очень подчиненное положеніе; и, слѣдовательно, общая воля или верховная воля всегда господствуетъ и служитъ регулирующимъ началомъ для всѣхъ другихъ.

Согласно естественному порядку, наоборотъ, эти различныя воли, становятся болѣе дѣятельными въ зависимости отъ того, насколько онѣ сконцентрированы. Такъ, общая воля всегда наиболѣе слабая, затѣмъ слѣдуютъ воля корпоративная; частная воля—сильнѣе всѣхъ; такъ что въ правительствѣ каждый членъ прежде всего представляетъ себя, затѣмъ магистрата, а потомъ гражданина; градація совершенно противоположная той, которой требуетъ соціальный порядокъ.

Установивъ это, мы поймемъ, что если все правительство сосредоточивается въ рукахъ одного человѣка, то частная воля и воля корпоративная будутъ вполнѣ совпадать и вслѣдствіе этого послѣдняя достигнетъ самой большой степени напряженности. А такъ какъ отъ степени воли зависитъ

пользованіе силою и такъ какъ абсолютная сила правительства совсѣмъ не измѣняется, то изъ этого слѣдуетъ, что самымъ дѣятельнымъ правленіемъ является правленіе одного.

Наоборотъ, соединимъ правительство съ законодательной властью; сдѣлаемъ изъ суверена государя и изъ всѣхъ гражданъ столько же магистратовъ: тогда корпоративная воля, смѣшанная съ общей волей не будетъ дѣятельнѣе послѣдней и оставитъ частную волю во всей ея силѣ. Такимъ образомъ, правительство, продолжая располагать тѣмъ же количествомъ абсолютной силы, будетъ обладать минимумомъ силы относительной или минимумомъ дѣятельности.

Эти отношенія неопровержимы и еще другія разсужденія служатъ для ихъ подтвержденія. Каждый магистратъ, напримѣръ, болѣе дѣятеленъ въ своей сферѣ, чѣмъ каждый гражданинъ въ своей, и вслѣдствіе этого частная воля имѣетъ гораздо больше вліянія въ актахъ правительства, чѣмъ въ актахъ суверена; ибо на каждаго магистрата почти всегда возлагается какая-нибудь правительственная функція, между тѣмъ какъ каждый гражданинъ, взятый отдѣльно, не исполняетъ никакой функціи суверена. Впрочемъ, чѣмъ больше распространяется государство, тѣмъ болѣе увеличивается его дѣйствительная сила, хотя она и не увеличивается соразмѣрно его пространству; но пока государство остается неизмѣннымъ, хотя бы магистраты и увеличивались бы числомъ, правительство не пріобрѣтаетъ больше дѣйствительной

силы, потому что эта сила—сила государства, размѣры которой всегда одинаковы. Такимъ образомъ, относительная сила или дѣятельность правительства уменьшается, въ то время, какъ его абсолютная или дѣйствительная сила не можетъ увеличиваться.

Несомнѣнно, кромѣ того, что дѣлопроизводство становится тѣмъ болѣе медленнымъ, чѣмъ больше народу въ немъ занято; что возлагая много надеждъ на благоразумiе, недостаточно надѣются на удачу; что часто упускаютъ случай и что благодаря разсужденiямъ, часто теряется самый плодъ разсужденiя.

Я только что доказалъ, что правительство ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ число магистратовъ увеличивается; раньше я доказалъ, что, чѣмъ многочисленнѣе народъ, тѣмъ больше обуздывающая сила. Отсюда слѣдуетъ, что отношенiе магистратовъ къ правительству должно быть обратно отношенiю подданныхъ къ суверену; это значитъ, чѣмъ больше становится государство, тѣмъ кругъ правительства долженъ становиться тѣснѣе; иначе говоря число вождей уменьшается по мѣрѣ увеличенiя народа.

Впрочемъ, я говорю здѣсь только объ относительной силѣ правительства, но отнюдь не объ его правотѣ: ибо, наоборотъ, чѣмъ многочисленнѣе магистратъ, тѣмъ скорѣе корпоративная воля приближается къ общей волѣ; между тѣмъ какъ при единомъ магистратѣ эта самая корпоративная воля дѣлается, какъ я уже говорилъ, волей частной.

Такимъ образомъ, теряется съ одной стороны то, что можетъ быть выиграно съ другой, и искусство законодателя состоитъ въ умѣніи найти ту точку, гдѣ сила и воля правительства, находясь всегда въ обратной пропорціи, соединяются въ отношеніи наиболѣе выгодномъ для государства.

ГЛАВА III.

Подраздѣленіе правленій.

Изъ предшествующей главы видно, почему различаютъ различные виды или формы правленія по числу членовъ, ихъ составляющихъ; остается объяснить въ этой главѣ, какъ происходитъ это раздѣленіе.

Суверенъ можетъ, во первыхъ, вручить правленіе или цѣлому народу или большей его части, такъ чтобы было больше гражданъ—магистратовъ, чѣмъ простыхъ частныхъ гражданъ. Этой формѣ правленія даютъ названіе *демократіи*.

Или же онъ можетъ сосредоточить правленіе въ рукахъ малаго количества, такъ чтобы было больше простыхъ гражданъ, чѣмъ магистратовъ. Такое правленіе называется *аристократіей*.

Наконецъ, онъ можетъ сконцентрировать правленіе въ рукахъ одного магистрата, отъ котораго получаютъ свою власть всѣ другіе. Эта третья форма самая обыкновенная и называется *монархіей* или королевскимъ правленіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти формы правле-

нія, или по крайней мѣрѣ двѣ первыя какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ имѣютъ болѣе или менѣе непостоянный смыслъ; ибо демократія можетъ охватывать и весь народъ, и ограничиться его половиной. Аристократія, въ свою очередь, можетъ съ половины народа сократиться до неопредѣленно малаго количества. Монархія, и та способна къ нѣкоторому раздѣленію. Спарта по своей конституціи имѣла всегда двухъ царей; въ римской имперіи число императоровъ доходило до восьми одновременно; при этомъ нельзя было сказать, чтобы имперія была раздѣлена. Такимъ образомъ, существуетъ точка, въ которой каждая форма правленія сливается со слѣдующей, и можно видѣть, что подъ тремя только наименованіями правленіе способно въ дѣйствительности принять столько различныхъ формъ, сколько въ государствѣ гражданъ.

Больше того: такъ какъ это самое правленіе можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подраздѣлиться на другія части, изъ которыхъ одна управляется такъ, а другая иначе, можетъ случиться, что комбинація этихъ трехъ формъ породитъ массу формъ смѣшанныхъ, изъ которыхъ каждая можетъ увеличиваться всѣми простыми формами.

Во всѣ времена много спорили о томъ, какая форма правленія наилучшая; при этомъ упускали изъ виду, что каждая изъ нихъ можетъ быть лучшею въ однихъ случаяхъ и худшею въ другихъ.

Если въ различныхъ государствахъ число верховныхъ магистратовъ должно быть въ обратномъ

отношеніи къ числу гражданъ, то отсюда слѣдуетъ, что вообще правленіе демократическое подходитъ для небольшихъ государствъ, аристократичное—для среднихъ, а монархическое—для большихъ. Это правило исходитъ непосредственно изъ принципа. Но какъ учесть массу обстоятельствъ, могущихъ породить исключенія?

ГЛАВА IV.

О демократіи.

Тотъ, кто издаетъ законъ, знаетъ лучше чѣмъ кто-нибудь, какимъ образомъ этотъ законъ долженъ быть исполненъ и истолкованъ. Поэтому, казалось бы, не можетъ быть лучшаго устройства государства, какъ то, въ которомъ власть исполнительная соединена съ законодательною; но это самое и дѣлаетъ правленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недостаточнымъ, ибо вещи, которыя нужно различить, не отличаются, и государь и суверенъ, будучи однимъ лицомъ, образуютъ, такъ сказать, правленіе безъ правителя.

Не хорошо, чтобы тотъ, кто создалъ законъ, и исполнялъ его, ни чтобы весь народъ отвращалъ свое вниманіе отъ общихъ цѣлей, чтобы обратить его на частныя. Ничего нѣтъ опаснѣе чѣмъ вліяніе частныхъ интересовъ въ дѣлахъ общественныхъ, и злоупотребленіе законами со стороны правительства — зло меньшее, чѣмъ испорченность законодателя — неминуемое слѣдствіе ча-

стныхъ расчетовъ. Тогда всякая реформа становится невозможной, такъ какъ государство искажено въ своей сущности? Народъ, который никогда не станетъ злоупотреблять правительственной властью, никогда не станетъ злоупотреблять и независимостью; народъ, правящій всегда хорошо, не будетъ нуждаться въ томъ, чтобы имъ управляли.

Въ полномъ значеніи слова никогда не существовало настоящей демократіи и никогда не будетъ существовать; противно порядку вещей чтобы большое число управляло, а малое—было управленнымъ.—Нельзя себѣ представить, чтобы народъ всегда оставался собраннымъ, чтобы заниматься общественными дѣлами, и легко усмотрѣть, что онъ не могъ бы создать для этого комиссій, не измѣнивъ этимъ формы правленія.

Въ самомъ дѣлѣ, я могу какъ кажется установить принципъ, что когда функціи правленія раздѣлены между нѣсколькими коллегіями, менѣе многочисленныя пріобрѣтаютъ рано или поздно самую большую власть, хотя бы по причинѣ легкости выполненія дѣлъ, которая ихъ къ тому естественно приводитъ.

Впрочемъ, соединенія сколькихъ трудно соединимыхъ вещей предполагаетъ это правленіе! Во первыхъ, очень небольшое государство, гдѣ собрать народъ легко и гдѣ каждый гражданинъ легко могъ бы знать всѣхъ другихъ; во вторыхъ,—большую простоту нравовъ, которая предупреждала бы массу дѣлъ и щекотливые споры; затѣмъ, большое

равенство въ положеніи и богатствахъ, безъ чего не можетъ долго существовать равенство въ правахъ и власти; наконецъ совершенное или почти совершенное отсутствіе роскоши, ибо или роскошь есть слѣдствіе богатствъ или она ихъ дѣлаетъ необходимыми; она развращаетъ одновременно и богатаго и бѣднаго, перваго потому, что онъ живетъ въ роскоши, второго потому, что онъ завидуетъ первому; она отдаетъ отечество въ жертву распущенности и тщеславія; она отнимаетъ у государства всѣхъ ея гражданъ, чтобъ поработить ихъ одного другому, и всѣхъ ихъ предразсудкамъ.

Вотъ почему одинъ знаменитый писатель выставилъ принципомъ республики добродѣтель, ибо всѣ эти условія не могли бы существовать безъ добродѣтели; но не сдѣлавъ нужныхъ различій, этотъ великій умъ допустилъ погрѣшности противъ точности, иногда противъ ясности, и не замѣтилъ того, что такъ какъ верховная власть вездѣ одинакова, то одинъ и тотъ же принципъ долженъ существовать во всѣхъ государствахъ хорошо устроенныхъ, правда въ однихъ больше, въ другихъ меньше, смотря по формѣ правленія.

Прибавимъ къ этому, что нѣтъ правленія столь подверженнаго гражданскимъ войнамъ и внутреннимъ волненіямъ, какъ демократическое или народное, такъ какъ нѣтъ другого, которое бы такъ сильно и постоянно стремилось къ измѣненію формы и которое требовало бы больше бдительности и мужества, чтобы быть удержаннымъ въ своей формѣ. Именно въ этомъ государственномъ устройствѣ гра-

жданинъ долженъ вооружиться силой и постоянствомъ и повторять ежедневно въ теченіе жизни своей въ глубинѣ сердца, что говорилъ одинъ доблестный князь *) на польскомъ сеймѣ. „Malo periculosam libertatem quam quietum servitium“.

Если бы существовалъ народъ боговъ, онъ управлялся бы демократически. Правленіе, столь совершенное, не годится для людей.

ГЛАВА V.

Объ аристократіи.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя моральными личностями весьма различными, именно: правительствомъ и сувереномъ, и вслѣдствіе этого съ двумя общими волями,—одной въ отношеніи всѣхъ гражданъ, другой только для членовъ администраціи. Такимъ образомъ, хотя правительство и можетъ устроить свои внутренніе распорядки, какъ ему хочется, но оно можетъ говорить народу только отъ имени суверена, т.-е. отъ имени самаго народа; этого никогда не слѣдуетъ забывать.

Первыя общества управлялись аристократически. Главы семействъ совѣщались между собою объ общественныхъ дѣлахъ. Молодые люди безъ труда подчинялись власти людей болѣе опытныхъ. Отсюда названіе *„жрецовъ“, старѣйшинъ, сената, геронтовъ.*

---

*) Воевода Познанскій (Лещинскій), отецъ короля Польши и герцога Лотарингіи.

Дикари сѣверной Америки управляются такимъ образомъ и въ настоящее время, и управляются очень хорошо.

Но по мѣрѣ того какъ неравенство установленное учрежденіями взяло верхъ надъ неравенствомъ естественнымъ, возрасту стало предпочитаться богатство или могущество*), и аристократія стала выборною. Наконецъ, могущество, унаслѣдованное вмѣстѣ съ имуществомъ дѣтьми отъ отцовъ, дѣлая семьи патриціанскими, сдѣлало правленіе наслѣдственнымъ и бывали случаи, когда сенаторами были молодые люди двадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ, существуетъ три рода аристократіи: естественная, выборная и наслѣдственная. Первая годится только простымъ народамъ; третья—худшее изъ всѣхъ правленій; вторая—лучше всѣхъ; это аристократія въ строгомъ смыслѣ слова.

Кромѣ того преимущества, что обѣ власти тамъ раздѣлены, она имѣетъ еще и то, что члены ея избираемы; ибо въ народномъ правленіи всѣ граждане рождаются магистратами; аристократія же ограничиваетъ ихъ самымъ маленькимъ числомъ, и они дѣлаются магистратами только по выбору:**)

*) Ясно, что слово optimates у древнихъ означало не лучшихъ, а самыхъ сильныхъ.

**) Очень важно, чтобы форма избранія магистратовъ всегда была установлена закономъ. Если предоставить это волѣ государя, то невозможно избѣжать превращенія государства въ наслѣдственную аристократію, какъ это случилось съ республиками Венеціей и Берномъ. Первая уже давно находится въ состояніи разложенія, но послѣдняя еще удерживается, благодаря чрезвычайной мудрости своего сената—исключеніе очень почтенное, но и очень опасное.

благодаря этому честность, просвѣщеніе, опытность и все остальное, что даетъ право на предпочтеніе другимъ и на общественное уваженіе, являются каждое новой гарантіей мудраго управленія.

Кромѣ того, собранія происходятъ болѣе удобно; дѣла обсуждаются болѣе основательно и исполняются съ большимъ порядкомъ и съ большей аккуратностью; вліяніе государства заграницею поддерживается лучше почтенными сенаторами, чѣмъ неизвѣстной или презираемой толпой.

Однимъ словомъ, лучшій и наиболѣе естественный порядокъ - это тотъ, когда мудрѣйшіе царятъ надъ большинствомъ, или только есть увѣренность, что они будутъ управлять имъ для его выгоды, а не для своей; не слѣдуетъ напрасно усложнять механизмъ, ни дѣлать съ двадцатью тысячами людей то, что сто избранныхъ могутъ сдѣлать еще лучше. Но надо замѣтить, что сословный интересъ начинаетъ здѣсь въ меньшей степени направлять общественную силу по указаніямъ общей воли и что другая неизбѣжная наклонность отнимаетъ отъ законовъ часть исполнительной власти.

Что касается до частныхъ удобствъ аристократіи, то слѣдуетъ помнить, что при этой формѣ нѣтъ необходимости ни въ малыхъ размѣрахъ государства, ни въ простомъ и прямодушномъ народѣ, для того, чтобы исполненіе законовъ слѣдовало непосредственно за общественной волей, какъ въ хорошей демократіи. Не требуется также и такой большой націи, при наличности которой начальники, разселенные въ разныхъ мѣстахъ для

управленія ею, корчили бы изъ себя суверена всякій въ своей области и объявляли бы себя сначала независимыми, чтобы сдѣлаться въ концѣ концовъ господами.

Но если аристократія требуетъ нѣсколькими добродѣтелями менѣе, чѣмъ народное правленіе, она требуетъ за то другихъ добродѣтелей, ей свойственныхъ, какъ умѣренность въ богатыхъ и довольство въ бѣдныхъ; ибо, строгое равенство тутъ, повидимому, было бы неумѣстно; оно не соблюдалось даже въ Спартѣ.

Впрочемъ, если эта форма позволяетъ извѣстное неравенство состоянія, то это потому, что управленіе общественными дѣлами ввѣрено тѣмъ, которые легче всего могутъ посвятить этому все свое время, а не потому, чтобы, какъ предполагаетъ Аристотель, оказывать всегда предпочтеніе богатымъ. Напротивъ, необходимо, чтобы противоположный выборъ иногда показалъ народу, что заслуги людей даютъ право на предпочтеніе болѣе серьезное, чѣмъ богатство.

ГЛАВА VI.

О монархіи.

До сихъ поръ мы разсматривали монарха какъ личность моральную и собирательную, соединенную силою законовъ и являющеюся въ государствѣ хранительницею исполнительной власти. Мы будемъ теперь разсматривать эту власть, сосредо-

точенную въ рукахъ одного физическаго лица—реальнаго человѣка, который одинъ имѣлъ бы право располагать ею согласно законамъ. Такая личность и называется монархомъ или королемъ.

Въ противоположность другимъ формамъ правленія, въ которыхъ собирательное лицо представляетъ собою индивидумъ, въ монархіи индивидумъ представляетъ собирательное лицо, такъ что моральная единица, которой является монархъ, въ одно и то же время есть единица физическая, въ которой естественно соединены всѣ способности, съ такимъ трудомъ соединяемыя закономъ въ другихъ.

Такимъ образомъ, и воля народа и воля монарха, и общественная сила государства, и частная сила правительства, все приводится въ дѣйствіе одной движущей силой, весь механизмъ машины сосредоточенъ въ однѣхъ рукахъ, все идетъ къ одной цѣли — нѣтъ движеній дѣйствующихъ обратно, и взаимноуничтожающихся, и нельзя представить себѣ никакого другого государственнаго устройства, въ которомъ малѣйшее усиліе производило бы болѣе значительное дѣйствіе. Архимедъ, спокойно сидящій на берегу и приводящій въ движеніе безъ труда большой корабль представляетъ для меня искуснаго монарха, который управляетъ изъ своего кабинета своими обширными государствами, приводитъ все въ движеніе, оставаясь, повидимому, самъ неподвижнымъ.

Но если нѣтъ правленія, которое обладало бы большей мощью, то нѣтъ и такого, въ которомъ

частная воля имѣла бы больше власти, и господствовала бы надъ другими болѣе свободно: все идетъ къ одной цѣли, это правда; но цѣль эта—не общественное благоденствіе и самая сила администраціи обращается постоянно ко вреду государства.

Короли хотятъ быть неограниченными, и издали имъ кричатъ, что лучшее средство для этого—снискать любовь своихъ народовъ. Это положеніе прекрасно и даже очень справедливо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, при дворахъ надъ нимъ всегда смѣются. Могущество, порожденное народною любовью, безъ сомнѣнія самое большое; но оно временно и условно; никогда монархи имъ не будутъ довольствоваться. Лучшіе короли хотятъ имѣть возможность быть злыми, если это имъ будетъ нравиться, не переставая быть повелителями; пусть политическій проповѣдникъ говоритъ имъ, что сила народа — ихъ сила, и что для нихъ всего болѣе выгодно, чтобы народъ былъ цвѣтущимъ, могущественнымъ, грознымъ; они знаютъ отлично, что это невѣрно. Ихъ личные интересы заключаются въ томъ, чтобы народъ былъ слабымъ, несчастнымъ и никогда не могъ бы имъ сопротивляться. Правда, если предположить, что подданные всегда подчинены имъ очень основательно, то интересы монарха будутъ состоять въ томъ, чтобы народъ былъ могущественъ, дабы это могущество, будучи его могуществомъ, сдѣлало бы его грознымъ для сосѣдей; но такъ какъ этотъ интересъ второстепенный и подчиненный и такъ какъ оба предположенія несо-

вмѣстимы, естественно, что монархи даютъ предпочтеніе тому положенію, которое имъ болѣе непосредственно выгодно. На это энергично указывалъ евреямъ Самуилъ; это съ очевидностью показалъ Макіавелли. Притворяясь, будто онъ поучаетъ царей, онъ великолѣпно поучалъ народы. „Монархъ“ Макіавелли—книга республиканцевъ *).

Мы нашли, путемъ разсмотрѣнія общихъ отношеній, что монархія годна только для большихъ государствъ; и мы къ этому снова придемъ, устанавливая сущность монархіи. Чѣмъ многочисленнѣе государственная администрація, тѣмъ отношеніе государя къ подданнымъ становится меньше и приближается къ равенству, такъ что это отношеніе есть единица или само равенство въ демократіи. Это отношеніе увеличивается по мѣрѣ того, какъ составъ правительства суживается, и достигаетъ своего maximum'a, когда правительство въ рукахъ одного. Тогда монархъ находится на слишкомъ далекомъ разстояніи отъ народа, и государству недостаетъ связи. Чтобъ образовать эту по-

*) Макіавелли былъ честный человѣкъ и хорошій гражданинъ; но связанный съ домомъ Медичи, онъ былъ вынужденъ при гнетѣ, царящемъ въ его родинѣ, скрывать свою любовь къ свободѣ. Уже выборъ имъ его гнуснаго героя (Цезарь Борджіа) ясно обнаруживаетъ его тайное намѣреніе; а противопоставленіе принциповъ его „Монарха“ принципамъ, изложеннымъ въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи“ и въ „Исторіи Флоренціи“, показываетъ, что этотъ глубокій политикъ до сихъ поръ имѣлъ читателей поверхностныхъ или недобросовѣстныхъ. Римскій дворъ строго запретилъ его книгу. Еще бы! Онъ то и былъ тамъ изображенъ самыми яркими красками.

слѣднюю нужны промежуточные разряды, нужны князья, вельможи, дворяне, чтобы эти разряды пополнить. Все это не годится для маленькаго государства, которое разоряютъ общественныя ступени.

Но если трудно сдѣлать такъ, чтобы большое государство хорошо управлялось, то еще труднѣе, чтобы оно управлялось хорошо однимъ человѣкомъ; и всякому извѣстно, что происходитъ, когда король выбираетъ себѣ помощниковъ.

Естественный и неминуемый недостатокъ, который всегда поставитъ правленіе монархическое ниже республиканскаго, состоитъ въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ общественный голосъ возвышаетъ до первыхъ степеней только людей просвѣщенныхъ и способныхъ, исполняющихъ съ честью свои обязанности; между тѣмъ тѣ, которые достигаютъ первыхъ мѣстъ въ монархіи большею частью мелкіе сплетники, мелкіе плуты и интриганы; ихъ маленькія способности, которыя доставляютъ имъ высшія должности при дворахъ, служатъ лишь для разоблаченія предъ обществомъ ихъ глупости, какъ только они достигаютъ этихъ должностей. Народъ гораздо меньше ошибается въ своемъ выборѣ, чѣмъ монархъ; и человѣка съ большими достоинствами такъ же рѣдко найти въ министерствѣ, какъ глупца во главѣ республиканскаго правленія. Такъ, когда, по какому нибудь счастливому случаю, одинъ изъ людей, рожденныхъ для правленія, берется за кормило въ монархіи, почти уничтоженной этой кучей милыхъ правителей, приходится положительно

поражаться, откуда онъ беретъ средства, — и это дѣлаетъ эпоху въ странѣ.

Чтобы монархическое государство могло быть хорошо управляемо нужно было бы соразмѣрить его величину или протяженіе съ способностями того, кто управляетъ. Гораздо легче завоевывать, чѣмъ править. Имѣя достаточно сильный рычагъ, однимъ пальцемъ можно повернуть міръ; но чтобы поддерживать его, нужны плечи Геркулеса. Хотя бы государство было чуть-чуть велико, монархъ почти всегда бываетъ слишкомъ малъ. Когда же, напротивъ, государство слишкомъ мало для своего главы, что очень рѣдко, оно все же будетъ дурно управляемо, потому что глава, имѣя всегда въ виду свои великія цѣли, забываетъ объ интересахъ народовъ и дѣлаетъ ихъ не менѣе несчастными вслѣдствіе избытка своихъ талантовъ, чѣмъ ограниченный глава вслѣдствіе ихъ отсутствія. Слѣдовало бы, такъ сказать, чтобы государство расширялось или уменьшалось при каждомъ царствованіи, согласно способностямъ монарха; наоборотъ, такъ какъ таланты сената болѣе постоянны, государство можетъ имѣть неизмѣнныя границы и администрація можетъ быть не менѣе хороша.

Самый чувствительный недостатокъ въ монархическомъ правленіи заключается въ отсутствіи того постояннаго преемства, которое образуетъ въ двухъ другихъ непрерывную связь. Какъ только король умеръ—необходимъ другой; выборы оставляютъ опасные промежутки; они бурны, и если только граждане не обладаютъ безкорыстіемъ и

честностью, какія не вяжутся съ этимъ правленіемъ, сюда непремѣнно вмѣшиваются происки и подкупы. Трудно, чтобы тотъ, которому государство продало себя, въ свой чередъ не продалъ бы его, и не вознаградилъ себя на счетъ слабыхъ за тѣ деньги, которыя исторгли у него сильные. Рано или поздно все становится продажнымъ при такой администраціи, и миръ, которымъ наслаждаются тогда во время царей, хуже, чѣмъ безпорядокъ междуцарствій.

Что было сдѣлано для предупрежденія этихъ бѣдствій? Въ нѣкоторыхъ семьяхъ сдѣлали короны наслѣдственными и установили порядокъ престолонаслѣдія, который предупреждаетъ всякій споръ по смерти королей; т. е. замѣняя неудобствами регентства неудобства выборовъ, предпочли внѣшнее спокойствіе разумной администраціи и предпочли рискъ имѣть на престолѣ дѣтей, уродовъ, глупцовъ, необходимости спорить о выборѣ хорошихъ царей; при этомъ не видѣли того, что подвергая себя риску такой альтернативы, имѣютъ противъ себя всѣ шансы. Вполнѣ разумны были слова, сказанныя Діонисіемъ младшимъ въ отвѣтъ отцу, который, упрекая его за постыдный поступокъ, говорилъ: „Развѣ я служилъ тебѣ примѣромъ?“—„Но вѣдь твой отецъ не былъ царемъ“—отвѣчалъ сынъ.

Все ведетъ къ тому, чтобы отнять справедливость и разумъ у человѣка воспитаннаго для властвованія надъ другими. Приходится, какъ говорятъ, бороться съ большими трудностями, чтобы

обучить молодыхъ государей искусству царствовать: и повидимому, это воспитаніе не приноситъ имъ большую пользу. Гораздо лучше начать съ того, чтобы обучать ихъ искусству повиноваться. Великіе цари, прославленные исторіей, не были воспитаны для царствованія; это наука, которой никогда не овладѣваютъ меньше, чѣмъ тогда, когда слишкомъ много ей обучались и которую лучше усвоиваютъ повинуясь, чѣмъ повелѣвая. „Nam utillissimus idem ac brevissimus bonarum malarumque rerum delectus, cogitare quid aut nolueris sub alio principe, aut volueris“ (Tacit. Hist. I. 16).

Слѣдствіемъ этого недостатка связи является непостоянство монархическаго правленія, которое, слѣдуя то одному, то другому плану, смотря по характеру монарха, который правитъ, или людей, которые правятъ за него, не можетъ долго имѣть ни одной опредѣленной цѣли, ни твердаго образа дѣйствій. Такое непостоянство всегда заставляетъ государство колебаться между тѣмъ или инымъ принципомъ управленія, между тѣмъ или инымъ проектомъ,—что не имѣетъ мѣста въ другихъ правленіяхъ, гдѣ государь всегда одинъ и тотъ же. Точно также если, вообще, придворные совѣтники хитрѣе, то сенатъ умнѣе, и республики идутъ къ своимъ цѣлямъ при помощи плановъ болѣе послѣдовательныхъ и болѣе неуклонныхъ; наоборотъ, каждая революція въ министерствѣ производитъ революцію въ государствѣ, такъ какъ всѣ министры и почти всѣ цари держатся правила во всемъ дѣйствовать прямо противоположно своимъ предшественникамъ,

Изъ того же отсутствія связи истекаетъ еще рѣшеніе софизма, хорошо извѣстнаго монархическимъ политикамъ;—онъ состоитъ въ томъ, что не только общественное управленіе уподобляется домашнему и монархъ—отцу семейства,—это заблужденіе уже опровергнуто,—но вдобавокъ этому магистрату приписываются съ необыкновенной щедростью всѣ добродѣтели, въ которыхъ онъ могъ бы нуждаться, и всегда предполагается, что монархъ именно то, чѣмъ онъ долженъ бы быть: при помощи этого предположенія, монархическое правленіе, съ очевидностью, становится предпочтительнымъ всякому другому, потому что оно несомнѣнно самое сильное и чтобы быть самымъ лучшимъ, ему недостаетъ только корпоративной воли, болѣе соотвѣтствующей волѣ общей.

Но если, согласно Платону (In Civili), прирожденный царь—явленіе такое рѣдкое, то сколько разъ природа и счастье будутъ наперерывъ стремиться увѣнчать его! И если царское воспитаніе необходимо портитъ тѣхъ, кто его получаетъ, что можно ожидать отъ цѣлаго ряда людей, воспитанныхъ для царствованія? Смѣшивать монархическое правленіе съ правленіемъ хорошаго царя это значитъ жестоко ошибаться. Чтобы видѣть, что представляетъ собою это правленіе какъ таковое, надо наблюдать его при ограниченныхъ или злыхъ монархахъ; ибо они таковыми взойдутъ на престолъ или престолъ таковыми ихъ сдѣлаетъ.

Эти трудности не укрылись отъ нашихъ писателей; но онѣ не привели ихъ въ затрудненіе. Ле-

карство, говорятъ они, заключается въ безропотномъ повиновеніи; Богъ даетъ плохихъ царей въ гнѣвѣ своемъ и надо ихъ переносить, какъ небесную кару. Эти рѣчи, безъ сомнѣнія, назидательны; но я не знаю, не лучше ли звучали бы онѣ на проповѣднической трибунѣ, чѣмъ на страницахъ политической книги. Что сказать о врачѣ, который обѣщаетъ чудеса и все искусство котораго состоитъ въ увѣщеваніи больного быть терпѣливымъ? Извѣстная вещь, что надо терпѣть дурное правленіе, когда его имѣютъ; вопросъ состоялъ бы въ томъ, чтобы найти хорошее.

ГЛАВА VII.

О смѣшанныхъ правленіяхъ.

Простыхъ правленій, строго говоря, нѣтъ. Необходимо, чтобы единый монархъ имѣлъ подначальныхъ магистратовъ; необходимо, чтобы народное правленіе имѣло главу. Такъ, въ раздѣленіи исполнительной власти существуетъ всегда постепенный переходъ отъ большого числа къ меньшему съ тою разницею, что то большое число зависитъ отъ малаго, то малое отъ большого.

Иногда существуетъ равное раздѣленіе: или когда существенныя составныя части находятся въ взаимной зависимости, какъ въ правленіи Англіи; или когда власть каждой части независима, но и не полна, какъ въ Польшѣ. Эта послѣдняя форма не

хороша, такъ какъ нѣтъ единства въ правленіи и государству недостаетъ связи.

Какое изъ правленій лучше — простое ли или смѣшанное? Вотъ вопросъ, который волнуетъ политиковъ, и на который слѣдуетъ дать тотъ же отвѣтъ, который я далъ выше относительно всякой формы правленія.

Простое правленіе—лучшее само по себѣ, уже потому, что оно простое. Но когда исполнительная власть недостаточно зависитъ отъ законодательной, т. е. когда существуетъ бо́льшее отношеніе между монархомъ и сувереномъ, чѣмъ между народомъ и монархомъ, необходимо помочь этому изъяну въ пропорціи, раздѣливъ правленіе; ибо тогда всѣ его части имѣютъ не меньше власти надъ подданными и ихъ раздѣленіе дѣлаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ менѣе сильными по отношенію суверена.

Можно предупредить тотъ же недостатокъ, установивъ промежуточныхъ магистратовъ, которые, оставляя правительство неприкосновеннымъ, служатъ только для уравновѣшенія обѣихъ властей и для поддержанія ихъ взаимныхъ правъ. Тогда правленіе не смѣшанное, оно ограниченное.

Подобными же средствами можно помочь и противоположному неудобству, и когда правленіе слишкомъ слабо, учреждать инстанціи, чтобы его сконцентрировать. Это практикуется во всѣхъ демократіяхъ. Въ первомъ случаѣ раздѣленіе правленія дѣлается для его ослабленія, во второмъ для укрѣпленія; ибо maximum'ы силы и слабости оди-

наково находятся въ простыхъ правленіяхъ; наоборотъ, смѣшанныя формы даютъ правленіямъ среднюю силу.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что не всякая форма правленія годна для всякой страны.

Такъ какъ свобода не есть плодъ произрастающій при всякомъ климатѣ, то она и не доступна для всѣхъ народовъ. Чѣмъ больше размышляешь надъ этимъ принципомъ, установленнымъ Монтескье, тѣмъ больше убѣждаешься въ его истинѣ; чѣмъ больше его оспариваешь, тѣмъ больше даешь случай подкрѣпить его новыми доказательствами.

Во всѣхъ правленіяхъ міра государственная личность потребляетъ и не производитъ ничего. Откуда же она получаетъ потребляемое? Отъ труда своихъ членовъ. Излишекъ остающійся у частныхъ лицъ доставляетъ нужное для общества. Отсюда слѣдуетъ, что гражданское государство можетъ существовать только по стольку, по скольку трудъ людей даетъ имъ больше ихъ потребностей. Этотъ избытокъ не одинаковъ во всѣхъ странахъ міра. Во многихъ онъ значителенъ, во многихъ—посредственъ, въ однѣхъ не существуетъ совсѣмъ, въ другихъ даже превращается въ недостатокъ. Различіе тутъ зависитъ отъ плодоносности климата, отъ способа воздѣлыванія, котораго требуетъ почва, отъ свойства ея продуктовъ, отъ силы ея жи-

телей, отъ большаго или меньшаго количества средствъ потребленія, необходимыхъ для жителей и отъ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ условій.

Съ другой стороны, всѣ правленія неодинаковы по своей природѣ; есть между ними болѣе или менѣе прожорливыя; тутъ различія основаны на другомъ принципѣ, состоящемъ въ томъ, что, чѣмъ болѣе общественныя повинности удаляются отъ ихъ источника, тѣмъ болѣе онѣ тягостны. Не высотою обложенія нужно соразмѣрять эту подать, но свойствами пути, который должны пройти налоговыя суммы, чтобы вернуться въ руки, изъ которыхъ они вышли. Когда это обращеніе быстро и хорошо организовано, все равно, платятъ много или мало; народъ всегда богатъ и финансы всегда въ хорошемъ состояніи. Напротивъ, какъ бы мало народъ ни давалъ, если это малое ему не возвращается, отдавая безъ конца, онъ истощается: государство никогда не бываетъ богато и народъ всегда нищій.

Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ больше увеличивается разстояніе между народомъ и правительствомъ, тѣмъ болѣе тягостны становятся подати. Такъ обложеніе народа наименьшее въ демократіи, въ аристократіи оно немного болѣе; въ монархіи народъ несетъ самыя большія тяготы. Монархія, слѣдовательно, годна только для богатыхъ націй, аристократія—для государствъ среднихъ по богатству и величинѣ; демократія—для малыхъ и бѣдныхъ государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше размышляешь,

тѣмъ больше находишь въ этомъ разницы между свободными и монархическими государствами; въ первыхъ, все употребляется для общественной пользы; въ другихъ силы общественныя и частныя находятся въ равновѣсіи, и одна увеличивается когда ослабѣваетъ другая. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы править подданными для того, чтобы дать имъ счастіе, деспотизмъ дѣлаетъ ихъ несчастными, чтобы управлять ими.

Вотъ естественныя причины въ каждомъ климатѣ, которыми можно опредѣлить форму правленія, обусловленную вліяніемъ климата; можно даже сказать какого рода жителей долженъ имѣть тотъ или иной климатъ.

Неблагодарныя и безплодныя страны, гдѣ продукты не стоятъ затраченнаго на нихъ труда, должны оставаться невоздѣланными и пустынными или развѣ заселенными дикарями; страны, гдѣ трудъ людей даетъ только самое необходимое, должны быть заселены варварами; всякое политическое благоустройство тамъ было бы невозможно; страны, гдѣ земля приноситъ лишь средній излишекъ продуктовъ по сравненію съ затраченной работой,—подходятъ для свободныхъ народовъ; страны, гдѣ обильная и плодоносная почва приноситъ много продуктовъ за малый трудъ,—требуютъ управленія монархическаго; тамъ роскошь монарха будетъ поглощать избытки отъ избытковъ подданныхъ; ибо лучше, чтобы этотъ избытокъ былъ уничтоженъ правительствомъ, чѣмъ растраченъ частными лицами. Есть исключенія, я знаю; но эти самыя ис-

ключенія подтверждаютъ правило, производя рано или поздно революціи, приводящія къ естественному порядку вещей.

Будемъ всегда отличать общіе законы отъ частныхъ причинъ, могущихъ измѣнить результатъ. Пусть весь югъ будетъ занятъ республиками, весь сѣверъ деспотическими государствами: это не измѣнитъ справедливости того положенія, что по климату, деспотизмъ пригоденъ для жаркихъ странъ, варварство—для холодныхъ, и хорошее государственное устройство—для промежуточныхъ. Я знаю также, что принимая принципъ, могутъ спорить объ его примѣненіи: могутъ указать на то обстоятельство, что существуютъ холодныя страны очень плодородныя и жаркія—очень скудныя. Но это затрудненіе является таковымъ лишь для тѣхъ, кто смотритъ на дѣло не со всѣхъ сторонъ. Необходимо, какъ я уже сказалъ, обратить вниманіе на условія труда, силъ, потребленія и проч.

Представимъ себѣ два участка земли, производительность которыхъ выразится числами 5 и 10. Если жители перваго потребляютъ 4, а жители второго 9, избытокъ продуктовъ въ первомъ выразится дробью $^1/_5$, а во второмъ $^1/_{10}$. Такъ какъ отношеніе избытковъ обратно отношенію продуктовъ, то участокъ земли, производительность котораго=5, дастъ избытокъ вдвое большій, чѣмъ тотъ, производительность котораго = 10. Но вопросъ не въ двойной производительности и я не думаю, чтобы кто нибудь рѣшился вообще считать равными по плодородію холодныя страны и жаркія. Все-

таки допустимъ это равенство; сопоставимъ, если угодно, Англію съ Сициліей, и Польшу съ Египтомъ. Далѣе на югъ мы будемъ имѣть Африку и Индію, далѣе на сѣверъ мы ничего не будемъ имѣть. При допущенномъ нами равенствѣ производительности какая разница въ культурѣ! Въ Сициліи стоитъ только поцарапать землю; въ Англіи сколько труда нужно положить, чтобы вспахать ее! Ибо тамъ, гдѣ нужно больше рукъ, чтобы достигнуть той же производительности, излишекъ необходимо долженъ быть меньше.

Замѣтьте, кромѣ того, что одно и то же число людей потребляетъ гораздо меньше въ жаркихъ странахъ. Климатъ требуетъ, какъ необходимаго условія здоровья, чтобы тамъ люди были воздержанны: европейцы, которые хотятъ жить тамъ такъ, какъ живутъ у себя, гибнутъ всѣ отъ дезинтеріи и несваренія желудка. „Мы,— говоритъ Шардэнъ,— плотоядныя животныя, волки, сравнительно съ азіатами. Нѣкоторые приписываютъ воздержанность персовъ тому, что ихъ страна менѣе обработана, а я думаю наоборотъ, что ихъ страна менѣе изобилуетъ съѣстными припасами потому, что жители требуютъ меньше. Если ихъ воздержанность,—продолжаетъ онъ,— была бы результатомъ бѣдности страны, ѣли бы мало только бѣдные, между тѣмъ какъ этимъ отличаются вообще всѣ. И въ разныхъ провинціяхъ, ѣли бы больше или меньше смотря по плодородію почвы въ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ одинаковую воздержанность обнаруживаетъ все государство. Они довольны своимъ обра-

зомъ жизни, говоря, что достаточно взглянуть на ихъ цвѣтъ кожи, чтобы признать насколько онъ лучше, чѣмъ у христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ цвѣтъ тѣла у Персовъ равный: кожа у нихъ красивая, тонкая и гладкая; между тѣмъ какъ у армянъ, ихъ подданныхъ, живущихъ по-европейски, она груба и красна, а тѣло у нихъ тучное и грузное".

Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ меньшимъ народы живутъ. Они почти не ѣдятъ мяса: рисъ, маисъ, кукуруза, просо, маніоковая мука составляютъ ихъ обыкновенную пищу. Въ Индіи существуютъ милліоны людей, пропитаніе которыхъ въ день не стоитъ даже копейки. Даже въ Европѣ мы видимъ замѣтную разницу въ потребности ѣды между народами сѣвера и юга. Испанецъ проживетъ восемь дней обѣдомъ нѣмца. Въ странахъ, гдѣ люди болѣе обжорливы, роскошь обнаруживается также въ предметахъ потребленія. Въ Англіи эта роскошь скажется въ нагруженномъ мясомъ столѣ; въ Италіи вамъ предлагаютъ сладости и цвѣты.

Роскошь въ одеждѣ опять-таки представляетъ подобныя же различія. Въ климатахъ, гдѣ времена года смѣняются быстро и рѣзко, люди одѣваются лучше и проще; въ странахъ, гдѣ одѣваются только для красы, ищутъ больше блеска, чѣмъ пользы; сама одежда представляетъ тамъ роскошь. Въ Неаполѣ вы каждый день увидите гуляющихъ на Позилиппо въ шитыхъ золотомъ курткахъ, и съ голыми ногами. То же и въ отношеніи зданій: все идетъ на пышную отдѣлку, когда нечего бояться суровой погоды. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ окру-

жаютъ себя тепломъ и удобствомъ; въ Мадридѣ устроиваютъ великолѣпныя гостиныя, но окна въ домахъ не запираются, а спальни представляютъ собой мышиныя норы.

Въ жаркихъ странахъ съѣстные припасы гораздо болѣе сочны и питательны: это третья разница, которая не можетъ не вліять на вторую. Отчего такъ много ѣдятъ овощей въ Италіи? Потому что тамъ онѣ хороши, питательны и превосходны на вкусъ. Во Франціи, гдѣ онѣ питаются только водой, онѣ не сытны и на столѣ считаются почти за ничто. Онѣ однако занимаютъ не меньше земли и стоятъ по крайней мѣрѣ такого же труда при обработкѣ. Опытъ доказалъ, что варварійскіе хлѣба, хотя и уступаютъ французскимъ, даютъ гораздо больше муки, а французскіе, съ своей стороны,—больше, чѣмъ сѣверные сорта. Отсюда можно заключить, что такой постепенный переходъ замѣчается вообще въ этомъ направленіи, отъ экватора къ полюсамъ. А, развѣ это не существенный ущербъ, получать отъ одного и того же количества продуктовъ меньшее количество съѣстныхъ припасовъ.

Ко всѣмъ этимъ различнымъ разсужденіямъ я могу прибавить еще одно, изъ нихъ вытекающее и ихъ подкрѣпляющее: жаркія страны меньше нуждаются въ жителяхъ, чѣмъ холодныя страны, а могли бы больше пропитать, что даетъ двойной избытокъ всегда выгодный для деспотизма. Чѣмъ большую площадь занимаетъ одно и то же количество жителей, тѣмъ затруднительнѣе становятся возмущенія, такъ какъ людямъ невозможно усло-

виться между собою быстро и тайно, а правительству всегда легко открыть ихъ намѣренія и прервать сношенія между ними; но чѣмъ болѣе скучивается многочисленный народъ, тѣмъ менѣе правительство можетъ похитить права суверена: вожди народа такъ же безопасно могутъ обсуждать дѣла въ своихъ комнатахъ, какъ монархи въ совѣтѣ и толпа также быстро собирается на площадяхъ, какъ войска на своихъ квартирахъ. Преимущество тираническаго правленія заключается въ возможности дѣйствовать на большихъ разстояніяхъ. При помощи точекъ опоры, которыя она себѣ устраиваетъ, его сила увеличивается съ разстояніемъ, какъ сила рычага *). Сила же народа дѣйствуетъ только, когда она сконцентрирована: она испаряется и исчезаетъ, распространяясь, подобно разсыпанному на землю пороху, воспламеняющему зерно за зерномъ. Наименѣе населенныя страны, такимъ образомъ, болѣе всего подвержены тираніи: дикіе звѣри царятъ лишь въ пустыняхъ.

---

*) Это не противорѣчитъ тому, что я говорилъ выше (кн. II, гл. 9) о неудобствахъ крупныхъ государствъ. Тамъ рѣчь шла о власти правительства надъ его собственными членами, а здѣсь— о его силѣ противъ подданныхъ. Его члены, разсѣянные повсюду служатъ ему точками, чтобы на далекомъ разстояніи оказывать дѣйствіе на народъ, но у него нѣтъ никакихъ точекъ опоры, чтобы дѣйствовать непосредственно на собственныхъ членовъ. Такъ, въ одномъ случаѣ длина рычага составляетъ его слабость, а въ другомъ—силу.

ГЛАВА IX.

О признакахъ хорошаго правленія.

Когда требуютъ положительнаго отвѣта на вопросъ, которое изъ правленій наилучшее, задаютъ вопросъ неразрѣшимый и неопредѣленный: или, если угодно, на него можно дать столько удовлетворительныхъ отвѣтовъ, сколько возможно комбинацій въ абсолютныхъ и относительныхъ положеніяхъ народовъ.

Но если бы спросили, по какому признаку можно узнать, что данный народъ хорошо или дурно управляется,—это было бы другое дѣло, и вопросъ дѣйствительно могъ бы быть разрѣшенъ.

Однако онъ не разрѣшается, потому что каждый хочетъ его рѣшить по своему. Подданные превозносятъ общественное спокойствіе, граждане—свободу частныхъ лицъ; одинъ предпочитаетъ безопасность собственности, другой—личности; одинъ считаетъ наилучшимъ правленіемъ самое строгое другой утверждаетъ, что лучшее — самое мягкое; этотъ требуетъ наказанія преступленій, а тотъ — предупрежденія ихъ; одинъ находитъ, что прекрасно держать сосѣдей въ страхѣ, другой предпочитаетъ быть для нихъ невѣдомымъ; одинъ радуется, когда деньги обращаются въ странѣ, другой требуетъ хлѣба для народа. Если бы даже сошлись въ этихъ и другихъ подобныхъ пунктахъ, подвинуло ли бы это насъ къ рѣшенію? Разъ нрав-

ственнымъ величинамъ недостаетъ точной мѣры' даже если установить согласіе во взглядахъ на признакъ, какъ сойтись въ его оцѣнкѣ?

Что касается меня, то меня удивляетъ всегда, что упускаютъ изъ виду одинъ простой признакъ, или лукаво не соглашаются съ нимъ. Какая цѣль политическаго соединенія? Сохраненіе и счастье ея членовъ. А какой самый вѣрный признакъ того, что они сохраняются и счастливы? Ихъ численность и ихъ размноженіе. Не ищите же въ чемъ нибудь другомъ этого признака, возбуждающаго такіе споры. При равенствѣ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, безспорно лучшее правленіе есть то, при которомъ граждане, безъ постороннихъ средствъ, безъ натурализаціи, безъ колоній, плодятся и размножаются. Правленіе, при которомъ народъ уменьшается въ числѣ и погибаетъ—худшее изъ всѣхъ. Счетчики! теперь вашъ чередъ: подсчитывайте измѣряйте, сравнивайте *)!

*) На основаніи этого же принципа нужно судить и о томъ, какія столѣтія заслуживаютъ предпочтенія съ точки зрѣнія благосостоянія рода человѣческаго. Слишкомъ много удивлялись тѣмъ, ъ теченіи которыхъ процвѣтали наука и искусства, не вникая достаточно внимательно въ тайную цѣль ихъ культуры, не обращая вниманія на ихъ пагубные результаты—„Idque apud imperitos umanitos vocabatur, quum pars servitutis erat“ (Tacit. Agric. 21). Неужели мы никогда не будемъ въ состояніи разглядѣть въ принципахъ, проводимыхъ въ современныхъ сочиненіяхъ, соображенія голаго расчета, который заставляетъ говорить писателей? Нѣтъ, что бы ни говорили, когда, несмотря на блескъ культуры, у страны уменьшается народонаселеніе, нельзя утверждать, что все благополучно. Если у поэта сто тысячъ ливровъ дохода, то это не значитъ, что вѣкъ, въ которомъ онъ живетъ—лучшій изъ всѣхъ.

ГЛАВА X.

О злоупотребленіяхъ правительства и объ его наклонностяхъ въ вырожденію.

Подобно тому, какъ частная воля безпрестанно дѣйствуетъ противъ общей воли, такъ правительство ведетъ постоянную борьбу противъ верховной

Нужно обращать вниманіе не столько на внѣшнее спокойствіе и на безмятежную жизнь власть имущихъ, сколько на благосостояніе цѣлыхъ націй и особенно самыхъ многочисленныхъ сословій. Градъ разоряетъ нѣсколько волостей, но онъ рѣдко ведетъ къ голоду. Волненія, гражданскія войны сильно тревожатъ вождей, но они не составляютъ настоящаго несчастья для народовъ, которые могутъ даже нѣсколько отдохнуть, пока идетъ споръ о томъ, кому быть надъ ними тираномъ. Ихъ дѣйствительное благосостояніе, ихъ не дѣйствительное бѣдствіе происходятъ отъ постоянныхъ причинъ. Когда все раздавлено подъ игомъ—вотъ тогда все приходитъ въ упадокъ; вотъ тогда вожди, разоряющіе ихъ, какъ имъ вздумается „ubi solitudirem faciunt, pacem appellant“ (Tac. Agric. 31). Когда мелкія ссоры между вельможами волновали Францію и когда парижскій коадъюторъ шелъ въ парламентъ съ кинжаломъ въ карманѣ (рѣчь идетъ о Дроидѣ; коадъюторъ—первое духовное лицо послѣ епископа; въ то время эту должность занималъ кардиналъ Рецъ), это не мѣшало тому, чтобы народъ французскій жилъ счастливо, не уменьшаясь въ числѣ, пользуясь честнымъ и независимымъ довольствомъ. Нѣкогда Грецiя процвѣтала въ годины самыхъ жестокихъ войнъ; кровь текла тамъ потоками, и вся страна была усѣяна людьми. Казалось, говоритъ Макіавелли, что среди убійствъ, правовыхъ преслѣдованій, междуусобныхъ войнъ, наша республика становится болѣе могущественной. Доблесть ея гражданъ, ихъ нравы, ихъ независимый образъ мыслей больше содѣйствовали ея укрѣпленію, чѣмъ всѣ неурядицы — ея ослабленію. Нѣкоторая тревога заставляетъ воспрянуть духъ, а истинное процвѣтаніе общества обусловлено не столько миромъ, сколько свободою.

власти. Чѣмъ больше становятся его усилія, тѣмъ больше портятся государственныя учрежденія; и такъ какъ здѣсь нѣтъ другой корпоративной воли, которая бы уравновѣшивала бы волю монарха, ей противодѣйствуя, то рано или поздно монархъ подавляетъ наконецъ суверена и уничтожаетъ общественный договоръ. Въ этомъ прирожденное и неизбѣжное зло, которое съ самаго рожденія политическаго тѣла стремится безостановочно его уничтожить, подобно тому какъ старость и смерть уничтожаютъ въ концѣ концовъ тѣло человѣка.

Существуютъ два пути, которыми идетъ вырожденіе правительствъ: когда суживается его кругъ, или когда государство разрушается.

Кругъ правительства суживается, когда оно переходитъ отъ большаго числа къ малому, т. е. отъ демократіи къ аристократіи, и отъ аристократіи къ монархіи. Въ этомъ его естественная наклонность *). Если бы оно шло назадъ отъ малаго

*) Медленное созиданіе и прогрессъ Венеціанской республики въ ея лагунахъ являютъ яркій примѣръ такого преемства. И удивительно, что съ самаго XIII вѣка венеціанцы, повидимому, не перешли еще второй стадіи процесса, начавшейся съ Serrar di Consiglio 1198 года. Что касается до герцоговъ, подчиненіе которымъ въ старыя времена ставятъ въ упрекъ венеціанцамъ, то что бы ни говорила Squittinio della liberta veneta, можно считать доказаннымъ, что они не были ихъ властителями.

Мнѣ непремѣнно поставятъ на видъ римскую республику, которая, скажутъ мнѣ, слѣдовала въ своемъ развитіи пути совершенно противоположнаго, переходя отъ монархіи къ аристократіи и отъ аристократіи къ демократіи. Я объ этомъ держусь мнѣнія, кореннымъ образомъ отличнаго.

Первое установленіе Ромула было смѣшаннымъ правленіемъ,

числа къ большому, можно было бы сказать, что оно ослабѣваетъ: но это обратное движеніе невозможно.

которое быстро выродилось въ деспотизмъ. Вслѣдствіе особенныхъ причинъ государство погибло раньше времени подобно тому, какъ младенецъ погибаетъ, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Изгнаніе Тарквиніевъ было истиннымъ временемъ нарожденія республики. Но вначалѣ она не приняла устойчивой формы, ибо была сдѣлана только половина работы: не былъ уничтоженъ патриціатъ. Такъ какъ этимъ путемъ наслѣдственная аристократія — худшая изъ всѣхъ правомѣрныхъ правительственныхъ формъ—была сохранена и постоянно вела борьбу съ демократіей, — форма правленія, непрочная и колеблющаяся, была установлена вполнѣ, какъ доказалъ Макіавелли, только съ учрежденіемъ трибуната. Только тогда явилось истинное правительство и истинная демократія. Дѣйствительно, съ этого времени народъ былъ не только сувереномъ, но и магистратомъ и судьей. Сенатъ былъ лишь второстепенной правящей коллегіей, имѣющей цѣлью умѣрить и сосредоточивать правительственную власть; сами консулы, хотя и патриціи, хотя и первые магистраты, хотя и военачальники съ неограниченной властью, въ Римѣ были лишь предсѣдателями правящаго народа.

Съ этихъ поръ правительство ясно стало слѣдовать своему естественному уклону и обнаруживать сильное стремленіе къ аристократіи. Такъ какъ патриціатъ разлагался какъ бы самъ собою, то аристократія была уже ниже сословій патриціевъ, какъ въ Венеціи или Генуѣ, а въ составѣ сената, составленнаго изъ патриціевъ и плебеевъ, даже въ коллегіи трибуновъ, когда послѣдніе начали захватывать дѣйствительную власть. Слова не создаютъ и не мѣняютъ фактовъ. Когда у народа являются вожди, которые управляютъ вмѣсто него, какое бы они не носили имя, мы всегда имѣемъ дѣло съ аристократіей.

Изъ злоупотребленій аристократіи возникли гражданскія войны и тріумвираты. Сулла, Юлій Цезарь, Августъ фактически сдѣлались настоящими монархами и, наконецъ, государство разложилось въ деспотизмѣ Тиберія. Слѣдовательно, римская исторія не опровергаетъ, а подтверждаетъ мой принципъ.

Въ самомъ дѣлѣ, правительство только тогда измѣняетъ свою форму, когда его механизмъ изнашивается и оно слишкомъ разслабляется, чтобы имѣть возможность сохранить свою форму. Такъ что, если бы оно ослабѣвало еще больше, распространяясь, сила его обратилась бы совершенно въ нуль и оно существовало бы еще меньше. Поэтому надо заводить пружину по мѣрѣ ея ослабѣванія: иначе государство, которое она поддерживаетъ, можетъ разрушиться.

Разрушеніе государства можетъ происходить двоякимъ образомъ.

Во первыхъ, когда монархъ не управляетъ болѣе государствомъ согласно законамъ, и когда онъ захватываетъ верховную власть. Тогда происходитъ удивительная перемѣна: суживается не кругъ правительства, а само государство; я хочу сказать, что большое государство разрушается, и что въ немъ образуется другое, состоящее только изъ членовъ правительства и являющееся для остального народа лишь его господиномъ и тираномъ. Такъ что, какъ только правительство узурпируетъ верховную власть, общественный договоръ прерванъ; и всѣ простые граждане, возвращаясь по праву къ своей естественной свободѣ, насильно принуждены, но не обязаны повиноваться.

Тотъ же случай происходитъ, когда члены правительства въ отдѣльности узурпируютъ власть, которую они должны осуществлять только коллективно; что не только не представляетъ меньшее нарушеніе законовъ, но производитъ еще большій

безпорядокъ. Тогда, такъ сказать, является столько же монарховъ, сколько магистратовъ, и государство, не менѣе, чѣмъ правительство раздѣленное, погибаетъ или измѣняетъ форму.

Когда государство разрушается, злоупотребленіе правительства, каково бы оно ни было, получаетъ общее названіе *анархіи*. Въ частности, демократія вырождается въ *охлократію*, аристократія въ *олигархію*, я бы прибавилъ, что монархія вырождается въ *тиранію*; но этотъ послѣдній терминъ имѣетъ двоякое значеніе и требуетъ поясненія.

Въ обыкновенномъ смыслѣ слова тиранъ означаетъ царя, правящаго жестоко и не считаясь со справедливостью и законами. Въ тѣсномъ смыслѣ слова, тиранъ означаетъ частное лицо, которое присваиваетъ себѣ царскую власть, не имѣя на то права. Такъ понимали слово тиранъ греки: они давали названіе тирана какъ доброму, такъ и дурному правителю, власть котораго была незаконнаго происхожденія *). Такимъ образомъ, *тиранъ* и *узурпаторъ*—совершенные синонимы.

Чтобы отличать ихъ, я называю *тираномъ* узур-

*) „Omnes enim et habentur et dîcuntur tyranni, qui potestate utuntur perpetua in lacivitate quae libertate usa est (Corn. Nep. *Miltiad.*8). Правда, Аристотель (Mor. Nicom. lib. VIII, c. 10) отличаетъ тирановъ отъ царя, въ томъ отношеніи, что первый правитъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, а второй—только въ интересахъ своихъ подданныхъ. Но, не говоря уже о томъ, что греческіе писатели придавали слову *Тиранъ* другой смыслъ, какъ это особенно ясно видно изъ Ксенофонтовскаго „Гіерона“, если бы мы приняли разграниченіе Аристотеля, то оказалось бы, что съ самаго начала міра не существовало еще ни одного царя.

патора царской власти, а деспотомъ — узурпатора верховной власти. Тиранъ — тотъ, который возстаетъ противъ законовъ, дабы управлять согласно своимъ законамъ; деспотъ—тотъ, который ставитъ себя выше законовъ. Такимъ образомъ, тиранъ можетъ не быть деспотомъ, но деспотъ — всегда тиранъ.

ГЛАВА XI.

О смерти политическаго тѣла.

Таковъ естественный и неизбѣжный путь правленій съ самымъ лучшимъ устройствомъ. Если Спарта и Римъ погибли, какое государство можетъ надѣяться существовать вѣчно? Если мы хотимъ образовать прочное учрежденіе, не будемъ думать о томъ, чтобы сдѣлать его вѣчнымъ. Чтобы достигнуть цѣли не слѣдуетъ испытывать невозможное, ни льстить себя надеждой дать человѣческому творенію прочность, которая не свойственна человѣческой вещи.

Политическое тѣло, точно такъ же, какъ тѣло человѣка, начинаетъ умирать съ самаго рожденія и носитъ въ самомъ себѣ причины своего разрушенія. Но и то и другое могутъ имѣть болѣе или менѣе крѣпкое сложеніе и способное болѣе или менѣе долго сохранить его. Сложеніе человѣка — дѣло природы; устройство государства—дѣло искусства. Отъ людей не зависитъ продолжить жизнь свою; отъ нихъ зависитъ продолжить жизнь госу-

дарства насколько возможно, давая ему наилучшее устройство, которое онъ можетъ имѣть. Наилучше устроенное государство кончитъ свою жизнь, но позже другого, если какое-нибудь непредвиденное обстоятельство не приведетъ его къ концу раньше времени.

Принципъ политической жизни — въ верховной власти. Законодательная власть — сердце государства, исполнительная — мозгъ его, который приводитъ въ движеніе всѣ части. Мозгъ можетъ быть парализованъ, а человѣкъ все-таки будетъ еще жить. Человѣкъ дѣлается идіотомъ и живетъ: но какъ только сердце прекратитъ функціонированіе — существо умираетъ.

Не законами существуетъ государство, а законодательной властью. Вчерашній законъ не обязателенъ сегодня: но молчаніе есть знакъ безмолвнаго согласія и считается, что суверенъ утверждаетъ безпрестанно законы, которыхъ онъ не уничтожаетъ, имѣя возможность сдѣлать это. Воля, однажды имъ выраженная, остается таковой навсегда, если онъ ее не отмѣнитъ.

Почему же относятся съ такимъ уваженіемъ къ старымъ законамъ? Именно потому, что они старые. Надо полагать, что только выдающаяся воля древнихъ могла сохранить ихъ такъ долго: если бы суверенъ не признавалъ ихъ постоянно благодѣтельными, онъ отмѣнилъ бы ихъ тысячу разъ. Вотъ почему законы — совершенно не ослабѣвая, безпрестанно пріобрѣтаютъ новую силу въ каждомъ хорошо устроенномъ государствѣ; суевѣрное почи-

таніе древности дѣлаетъ ихъ съ каждымъ днемъ болѣе уважаемыми: наоборотъ, вездѣ, гдѣ законы ослабѣваютъ, старѣясь, это доказываетъ, что нѣтъ болѣе законодательной власти и что государство ужъ болѣе не живетъ.

ГЛАВА XII.

О томъ, какъ поддерживается верховная власть.

Суверенъ, не владѣя другой силой, какъ только законодательной властью, дѣйствуетъ только путемъ законовъ; и такъ какъ законы суть подлинные акты общей воли, суверенъ можетъ дѣйствовать только тогда, когда народъ собранъ. Собравшійся народъ, скажутъ мнѣ: какая химера! Нынѣ — это химера, но это не было такъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Измѣнилась ли природа человѣческая?

Границы возможнаго въ нравственномъ мірѣ менѣе узки, чѣмъ мы предполагаемъ: ихъ сокращаютъ наши слабости, пороки, предразсудки. Низкая душа не вѣритъ великимъ людямъ: жалкіе рабы насмѣшливо улыбаются при словѣ „свобода“.

По тому, что было сдѣлано, посмотримъ, что можетъ быть сдѣлано; я не стану говорить о древнихъ республикахъ Греціи; но римская республика, мнѣ кажется, была великимъ государствомъ и Римъ — великимъ городомъ. По послѣдней переписи въ Римѣ оказалось четыреста тысячъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, а по послѣдней переписи имперіи — болѣе четырехъ милліоновъ

гражданъ, не считая подданныхъ, иностранцевъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ.

Какъ трудно было, повидимому, часто собирать этотъ многочисленный народъ столицы и ея окрестностей. Тѣмъ не менѣе немного недѣль проходило безъ того, чтобы римскій народъ не былъ собранъ и даже по нѣсколько разъ. Онъ осуществлялъ не только права суверенитета, но даже и нѣкоторыя права правленія. Онъ рѣшалъ извѣстныя дѣла, судилъ въ извѣстныхъ тяжбахъ и весь этотъ народъ былъ на площади почти такъ же часто магистратомъ, какъ и гражданиномъ.

Восходя къ первымъ временамъ націй, мы нашли бы, что большая часть древнихъ правленій, даже монархическихъ, какъ македонянъ и франковъ, имѣли подобные совѣты. Какъ бы то ни было, этотъ единственный неоспоримый фактъ даетъ отвѣтъ на всѣ затрудненія: отъ существующаго къ возможному слѣдствіе, мнѣ кажется, хорошимъ.

ГЛАВА XIII.

Продолженіе.

Недостаточно чтобы собравшійся народъ однажды опредѣлилъ устройство государства путемъ, утвержденія собранія законовъ; недостаточно, чтобы онъ установилъ постоянное правительство или разъ навсегда принялъ мѣры для выбора магистратовъ. Кромѣ собраній чрезвычайныхъ, которыхъ могутъ требовать непредвидѣнные случаи, надо чтобы

существовали опредѣленныя и періодическія, которыхъ ничто не могло бы ни отмѣнить, ни отложить на болѣе отдаленный срокъ, чтобы въ назначенный день народъ былъ необходимо собранъ въ силу закона, чтобы не было нужды для этого въ другомъ какомъ-нибудь формальномъ созывѣ.

Но, кромѣ этихъ собраній, которыя являются законными уже по одному своему сроку, всякое собраніе народа, которое не было созвано магистратами, для того назначенными и согласно установленной формѣ, должно считаться незаконнымъ и все, что на немъ дѣлается, — недѣйствительнымъ, потому что самый порядокъ собраній долженъ вытекать изъ закона.

Что касается того, какъ часто должны быть созываемы такія собранія, то это зависитъ отъ столькихъ соображеній, что нельзя установить для этого опредѣленныхъ правилъ. Можно вообще сказать только одно—чѣмъ сильнѣе правленіе, тѣмъ чаще долженъ показываться суверенъ.

Но, скажутъ мнѣ, это быть можетъ хорошо для одного города; но, что дѣлать, когда государство заключаетъ въ себѣ нѣсколько городовъ? Раздѣлить верховную власть или сконцентрировать ее въ одномъ городѣ, подчинивъ ему всю остальную страну?

Я отвѣчу, что не слѣдуетъ дѣлать ни того, ни другого. Во первыхъ, верховная власть едина и нераздѣльна, ее нельзя раздѣлить, не разрушивъ ее. Во вторыхъ, городъ, такъ же, какъ и нація, не можетъ быть законно подчиненъ другому городу,

потому что сущность политическаго цѣлаго заключается въ гармоническомъ соединеніи повиновенія и свободы и что слова *„подданный“* и *„суверенъ“* суть коррелаты, идея которыхъ соединяется въ одномъ словѣ „гражданинъ“.

Я отвѣчу еще, что всегда бываетъ зломъ соединеніе нѣсколькихъ городовъ въ одну гражданскую общину и что, желая устроить это соединеніе, не слѣдуетъ льстить себя надеждой избѣгнуть естественно связанныхъ съ нимъ его неудобствъ. Не слѣдуетъ выставлять на видъ злоупотребленій большихъ государствъ тому, кто желаетъ только малыхъ; но какъ надѣлить небольшія государства достаточною силою, чтобы противостоять большимъ? какъ въ старину греческіе города противостояли персидскому царю, и какъ позже Голландія и Швейцарія противостояли Австрійскому дому.

Тѣмъ не менѣе, если нельзя водворить государство въ надлежащія границы, остается еще одно средство — не допускать существованія столицы, заставить правительство поочередно засѣдать въ каждомъ городѣ и тамъ же собирать поочередно штаты страны.

Населите равномѣрно территорію, распространите всюду одинаковыя права, водворите всюду изобиліе и жизнь; такимъ образомъ, государство сдѣлается одновременно всего болѣе сильнымъ и всего лучше управляемымъ. Помните, что стѣны города строятся только изъ развалинъ деревенскихъ домовъ. Когда я вижу, что въ столицѣ строится

дворецъ, мнѣ кажется, что цѣлая страна превращена въ развалины.

ГЛАВА XIV.

Продолженіе.

Какъ только народъ законно собранъ въ качествѣ облеченнаго верховной властью цѣлое, судопроизводство, отправляемое правительствомъ прекращается, исполнительная власть пріостановлена и личность послѣдняго гражданина такъ же священна и неприкосновенна, какъ и личность перваго магистрата, ибо тамъ, гдѣ находится представляемый, нѣтъ болѣе представителя. Большая часть волненій въ римскихъ комиціяхъ происходила отъ незнанія этого правила или отъ пренебреженія имъ. Консулы были тогда только руководителями народныхъ собраній; трибуны — простыми ораторами *), сенатъ—ровно ничѣмъ.

Эти промежутки съ пріостановкой обычнаго порядка государственной жизни, когда монархъ признаетъ или долженъ признать дѣйствительнаго начальника, всегда внушали ему ужасъ; а эти собранія народа – эгида государственнаго тѣла и узда правительства,—были во всѣ времена предме-

---

*) Приблизительно въ томъ смыслѣ, какой даютъ этому слову въ англійскомъ парламентѣ. Сходство этихъ функцій привело бы къ конфликту между консулами и трибунами, если бы даже была пріостановлена вся юрисдикція.

томъ страха для вождей, поэтому они никогда не жалѣютъ ни хлопотъ, ни возраженій, ни затрудненій, ни обѣщаній, чтобы отклонить отъ нихъ гражданъ. Когда эти послѣдніе скупы, трусливы, малодушны, влюблены въ спокойствіе больше, чѣмъ въ свободу, они не долго сопротивляются усиленнымъ настояніямъ правительства: вотъ какъ при безпрестанномъ увеличеніи противодѣйствующей силы, верховная власть народа въ концѣ-концовъ исчезаетъ и большая часть государствъ падаетъ и погибаетъ раньше времени.

Но между верховной властью и исполненнымъ произвола правительствомъ проникаетъ иногда посредствующая власть, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

ГЛАВА XV.

О депутатахъ или представителяхъ.

Разъ общественная служба перестаетъ быть главнымъ занятіемъ гражданъ и они предпочитаютъ нести службу не личностью, а кошелькомъ,—государство уже близко къ своей гибели. Когда нужно итти въ бой, они нанимаютъ войска и остаются дома; если нужно итти въ собраніе, они выбираютъ депутатовъ и остаются дома. Лѣнь и деньги дѣлаютъ то, что они получаютъ войско, которое порабощаетъ ихъ отечество, и представителей, которые продаютъ его.

Хлопоты, связанныя съ торговлей и ремесломъ,

жадное стремленіе къ наживѣ, изнѣженность и любовь къ удобству, вотъ что измѣняетъ личное служеніе въ денежное. Уступаютъ часть своей прибыли, чтобы спокойно увеличить остальное. Давайте деньги и вамъ скоро воздадутъ оковами. Слово „финансы“—слово рабское, оно не знакомо гражданской общинѣ. Въ странѣ, дѣйствительно свободной, граждане все дѣлаютъ своими руками, и ничего не дѣлаютъ деньгами; они не только не заплатятъ, чтобы освободиться отъ своихъ обязанностей, но они заплатили бы, чтобы самимъ исполнить ихъ. Я далекъ отъ обычнаго представленія; я думаю, что барщина менѣе противна свободѣ, чѣмъ подати.

Чѣмъ лучше устроено государство, тѣмъ болѣе общественныя дѣла берутъ верхъ надъ частными въ умахъ гражданъ. Тамъ даже вообще гораздо меньше частныхъ дѣлъ, ибо общая сумма общественнаго благосостоянія значительно увеличиваетъ благосостояніе каждаго индивидума и ему приходится меньше добиваться его частными хлопотами. Въ хорошо управляемомъ городѣ всякій спѣшитъ въ собранія; при дурномъ управленіи никто не желаетъ и шагу сдѣлать, чтобы участвовать въ нихъ, такъ какъ никто не интересуется тѣмъ, что тамъ дѣлается, всѣ предвидятъ, что общая воля не можетъ восторжествовать; поэтому домашнія заботы поглощаютъ все. Хорошіе законы приводятъ къ лучшимъ, дурные законы порождаютъ худшіе. Какъ только кто-либо скажетъ про дѣла

государства: „какое мнѣ до нихъ дѣло?“—слѣдуетъ считать государство погибшимъ.

Охлажденіе любви къ отечеству, обостреніе частныхъ интересовъ, громадность государствъ, завоеванія, злоупотребленія правительства—породили мысль о посылкѣ депутатовъ или представителей народа въ собранія націи. Въ нѣкоторыхъ странахъ смѣютъ называть это третьимъ сословіемъ. Такимъ образомъ, частный интересъ двухъ сословій стоитъ на первомъ и на второмъ мѣстѣ; интересъ общественный занимаетъ только третье мѣсто.

Суверенитетъ не можетъ быть представленъ кѣмъ бы то ни было, потому самому, почему онъ не отчуждаемъ: сущность его состоитъ въ общей волѣ, а воля не можетъ имѣть представителя: она одна и таже или другая; середины нѣтъ. Депутаты народа поэтому не суть и не могутъ быть его представителями, они только его уполномоченные; они ничего не могутъ рѣшать окончательно. Ни одинъ законъ, не можетъ считаться дѣйствительнымъ, если онъ не утвержденъ самимъ народомъ; это вовсе и не законъ. Англійскій народъ думаетъ, что онъ свободенъ; онъ жестоко ошибается, онъ свободенъ только во время выборовъ въ парламентъ; какъ только депутаты избраны—онъ рабъ, онъ ничто. То употребленіе, которое дѣлаютъ англичане изъ своей свободы въ эти короткіе промежутки заслуживаетъ того, чтобы они ея лишались.

Идея представителей принадлежитъ новому времени: она идетъ отъ феодальнаго правленія отъ

этого криводушнаго и нелѣпаго правленія, при которомъ человѣческій родъ униженъ и названіе человѣка—въ безчестіи. Въ древнихъ республикахъ и даже въ монархіяхъ народъ никогда не имѣлъ представителей, тамъ не знали этого слова. Знаменательно то, что въ Римѣ, гдѣ трибуны пользовались авторитетомъ священной особы, никто даже не представлялъ себѣ, что они могутъ похитить у народа его верховныя права и что среди такого громаднаго количества народа они никогда не пытались провести хотя бы одинъ плебисцитъ въ силу собственныхъ полномочій. Пусть судятъ, однако, о затрудненіяхъ, которыя представляла порою большая толпа по тому, что случилось во времена Гракховъ, когда часть гражданъ подавала голоса съ крышъ домовъ.

Гдѣ право и свобода — все, неудобства — ничто. У этого умнаго народа все было въ мѣру: онъ позволялъ ликторамъ дѣлать то, что трибуны не осмѣлились бы сдѣлать; онъ не боялся, что ликторы захотятъ быть его представителями.

Чтобы объяснить, однако, какимъ образомъ трибуны иногда его представляли, достаточно понять какимъ образомъ правительство является представителемъ суверена. Такъ какъ законъ есть лишь провозглашеніе общей воли, то ясно, что въ законодательной власти народъ не можетъ имѣть представителя; но онъ можетъ и долженъ имѣть его въ исполнительной власти, которая есть сила, примѣненная согласно закону. Изъ этого видно, что разсматривая вещи, какъ слѣдуетъ, можно

убѣдиться, какъ мало націй имѣетъ законы. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что трибуны, не участвуя въ исполнительной власти, никогда не могли быть представителями римскаго народа по правамъ своей должности, но лишь узурпируя права сената.

У грековъ все, что народъ долженъ былъ дѣлать, онъ дѣлалъ самъ; онъ постоянно былъ собранъ на площади; онъ жилъ въ мягкомъ климатѣ; онъ не былъ алченъ; рабы исполняли его работу; главнымъ его дѣломъ была его свобода. Не имѣя тѣхъ же преимуществъ, какъ сохранить и тѣ же права? Болѣе суровый климатъ порождаетъ у васъ больше потребностей *): шесть мѣсяцевъ въ году невозможно пользоваться общественной площадью; вашихъ глухихъ голосовъ не слышно на открытомъ воздухѣ; вы больше отдаете наживѣ, чѣмъ свободѣ, и гораздо менѣе боитесь рабства, чѣмъ бѣдности.

Какъ! Развѣ свобода держится только помощью рабства? Можетъ быть. Обѣ крайности соприкасаются. Все, что не обусловлено природой, имѣетъ свои невыгоды, и гражданское общество болѣе, чѣмъ что-либо. Есть такія несчастныя стеченія обстоятельствъ, когда можно сохранить свою свободу только насчетъ свободы другого, и когда гражданинъ можетъ лишь тогда быть совершенно свободнымъ, когда рабъ несетъ самыя тяжелыя

---

*) Принять въ холодныхъ странахъ роскошь и изнѣженность жителей Востока, значитъ наложить на себя ихъ цѣпи; это значило бы подчиниться оковамъ съ бо́льшей необходимостью, чѣмъ они.

цѣпи неволи. Таково было положеніе Спарты. Вы, новые народы, вы не имѣете рабовъ, но вы сами рабы; за ихъ свободу вы расплачиваетесь своею. Вы можете сколько угодно хвалиться этимъ преимуществомъ, я нахожу въ немъ больше трусости, чѣмъ человѣчности.

Всѣмъ этимъ я не хочу сказать, что слѣдуетъ имѣть рабовъ, или что рабство можетъ найти оправданіе; я уже доказалъ противное. Я только указываю причины, почему новые народы, мнящіе себя свободными, имѣютъ представителей, и почему древніе ихъ не имѣли. Какъ бы то ни было, какъ только народъ вводитъ у себя представителей—онъ перестаетъ быть свободнымъ; онъ перестаетъ существовать.

Основательно изслѣдовавъ все это, я вижу, что суверену отнынѣ возможно сохранить свои права, лишь въ томъ случаѣ, если гражданская община очень мала. Но если она очень мала, вѣдь она будетъ покорена? Нѣтъ. Я поясню ниже *), какъ можно соединить внѣшнее могущество великаго народа съ легкимъ управленіемъ и хорошимъ порядкомъ маленькаго государства.

---

*) Я собирался сдѣлать это въ дальнѣйшихъ частяхъ моей работы, когда въ отдѣлѣ внѣшнихъ отношеній мнѣ пришлось бы говорить о конфедераціяхъ. Это совершенно новая область, гдѣ еще нужно устанавливать принципы.

ГЛАВА XVI.

О томъ, что учрежденіе правительства не есть договоръ.

Разъ установлена какъ слѣдуетъ законодательная власть, слѣдуетъ установить также власть исполнительную; ибо эта послѣдняя, которая дѣйствуютъ только частными актами и отличается по сущности своей отъ первой, естественно отдѣлена отъ нея. Если бы возможно было, чтобы суверенъ разсматриваемый какъ таковой, имѣлъ власть исполнительную, право и дѣйствіе были бы такъ смѣшаны, что нельзя было бы различить, что законъ, и что не законъ, и политическое тѣло такимъ образомъ искаженное, сдѣлалось бы добычею насилія, для борьбы съ которымъ оно учреждено.

Такъ какъ всѣ граждане равны по общественному договору, то всѣ могутъ предписывать все что всѣ должны дѣлать; наоборотъ, никто не имѣетъ права требовать, чтобы другой дѣлалъ то, чего онъ самъ не дѣлаетъ. Именно это право, необходимое для жизни и движенія политическаго тѣла суверенъ даетъ государю, учреждая правительство.

Нѣкоторые предполагали, что актъ учрежденія правительства былъ договоромъ между народом и вождями, которыхъ онъ себѣ выбираетъ, договоромъ, по которому устанавливались между обѣими сторонами условія, по которымъ одна принимала на себя обязательство повелѣвать, а дру

гая—повиноваться. Нельзя не согласиться, я думаю, что это странный способъ заключать договоры. Но посмотримъ, выдерживаетъ ли критику это мнѣніе.

Во первыхъ, высшая власть не можетъ измѣняться, какъ не можетъ быть отчуждаема; ограничить ее значитъ ее уничтожить. Нелѣпо и исполнено противорѣчія, чтобы суверенъ далъ себѣ повелителя; принять обязательство подчиняться господину, значитъ для него вернуться въ состояніе полной свободы.

Кромѣ того, ясно, что договоръ народа съ той или другой личностью былъ бы актомъ частнымъ; отсюда слѣдуетъ, что этотъ договоръ не могъ бы быть ни закономъ, ни актомъ верховной власти и что, слѣдовательно, онъ былъ бы незаконнымъ.

Кромѣ того, ясно, что договаривающіяся стороны могутъ дѣйствовать только по законамъ природы и безъ всякой гарантіи ихъ взаимныхъ обязательствъ, а это было бы противно во всѣхъ отношеніяхъ гражданскому положенію: такъ какъ имѣющій силу въ рукахъ является всегда господиномъ исполненія, то можно было бы, пожалуй, назвать договоромъ актъ, въ силу котораго одинъ человѣкъ, сказалъ бы другому: „Я отдаю тебѣ все свое имущество съ условіемъ, что ты вернешь мнѣ то, что захочешь“.

Существуетъ только одинъ договоръ въ государствѣ договоръ основывающій общественное соединеніе. Этотъ одинъ исключаетъ всякій другой. Нельзя придумать никакого общественнаго договора, который не былъ бы нарушеніемъ перваго.

ГЛАВА XVII.

Объ учрежденіи правительства.

Въ какомъ смыслѣ нужно понимать актъ, по которому учреждается правительство? Я замѣчу прежде всего, что актъ этотъ сложный и состоитъ изъ двухъ другихъ актовъ: во первыхъ, установленія закона, во вторыхъ, исполненія его.

Первымъ суверенъ постановляетъ, что будетъ установленъ составъ правительства въ такой или иной формѣ; и ясно, что этотъ актъ—законъ.

Вторымъ, народъ избираетъ начальниковъ, которымъ будетъ поручено установленное правленіе. Это избраніе, будучи частнымъ актомъ, является не вторымъ закономъ, а только слѣдствіемъ перваго, и функціей правительства.

Трудность заключается въ томъ, какъ можетъ проявиться актъ правительства, прежде чѣмъ правительство существуетъ и какъ народъ, который можетъ быть только сувереномъ или подданнымъ, можетъ сдѣлаться въ извѣстныхъ случаяхъ государемъ или магистратомъ.

Въ этомъ вскрывается одна изъ тѣхъ удивительныхъ особенностей политическаго тѣла, посредствомъ которыхъ оно примиряетъ дѣйствія, по внѣшности противорѣчивыя; въ данномъ случаѣ это дѣйствіе совершается благодаря внезапному превращенію суверена въ демократію, такъ что безъ всякой видимой перемѣны, и только благо-

даря новому отношенію всѣхъ ко всѣмъ, граждане становятся магистратами, переходятъ отъ общихъ актовъ къ частнымъ и отъ закона къ исполненію.

Эта перемѣна въ отношеніяхъ не есть плодъ тонкаго умозрѣнія, не имѣющій примѣровъ на практикѣ: она совершается ежедневно въ Англійскомъ парламентѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нижняя палата обращается въ большую комиссію, чтобы лучше обсуждать дѣла, и коллегія, облеченная верховной властью черезъ мгновеніе дѣлается, такимъ образомъ, простой комиссіей; такъ что потомъ она дѣлаетъ докладъ самой себѣ, какъ палатѣ общинъ о томъ, что она постановила въ комиссіи, и снова обсуждаетъ подъ однимъ названіемъ то, что она уже рѣшила подъ другимъ.

Таково преимущество, свойственное демократическому правленію — имѣть возможность быть фактически установленнымъ помощью простого акта общей воли. Послѣ этого временное правительство остается, если оно отвѣчаетъ принятой формѣ, или устанавливаетъ именемъ суверена правительство, предписанное закономъ; и, такимъ образомъ, все оказывается въ порядкѣ. Нѣтъ возможности никакимъ другимъ законнымъ образомъ установить правительство, не отказываясь отъ принциповъ, выше установленныхъ.

ГЛАВА XVIII.

Способъ предупреждать узурпацію правительства.

Изъ этихъ поясненій слѣдуетъ, въ подтвержденіе главы 16-й, что актъ, устанавливающій правительство есть не договоръ, а законъ; что хранители исполнительной власти не главы народа, а его чиновники; что онъ можетъ ихъ назначать или отставлять, когда ему заблагоразсудится; что для нихъ вопросъ идетъ не о договорѣ, а о повиновеніи; и что, принимая на себя должности, возложенныя на нихъ государствомъ, они только исполняютъ обязанность гражданъ, не имѣя никоимъ образомъ права разговаривать объ условіяхъ.

Когда же случается, что народъ устанавливаетъ правленіе наслѣдственное, монархическое въ одной какой-нибудь семьѣ или аристократическое въ одномъ сословіи гражданъ, это не значитъ, что онъ беретъ на себя обязательство: это временная форма, которую онъ даетъ администраціи до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ необходимымъ измѣнить порядокъ.

Правда, эти перемѣны всегда опасны и не слѣдуетъ мѣнять установленнаго правленія до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ несовмѣстимо съ народнымъ благомъ; но эта осмотрительность—принципъ политики, а не юридическое правило и государство обязано предоставить гражданскую власть сво-

ему главѣ не больше, чѣмъ власть военную— генераламъ.

Правда еще, что невозможно, въ подобномъ случаѣ блюсти со всею тщательностью всѣ формальности необходимыя, чтобы отличить правильный и законный актъ отъ мятежнаго волненія, и волю цѣлаго народа отъ голоса партійныхъ крикуновъ. Здѣсь особенно слѣдуетъ давать злому умыслу только то, въ чемъ нельзя ему отказать по всей строгости права; изъ такого принудительнаго положенія государь черпаетъ большое преимущество для сохраненія своей власти помимо народа такимъ образомъ, что не можетъ быть рѣчи о томъ, что онъ ее узурпировалъ; ибо, дѣлая видъ, что онъ пользуется только своими правами, онъ очень легко можетъ ихъ расширить и препятствовать, подъ предлогомъ общественнаго спокойствія, собраніямъ, имѣющимъ цѣлью возстановленіе законнаго порядка; онъ пользуется молчаніемъ, которое онъ препятствуетъ нарушить, или безпорядками, которые онъ самъ велитъ производить, чтобы объявить, что симпатіи тѣхъ, которыхъ лишь страхъ заставляетъ молчать на его сторонѣ и чтобъ наказать тѣхъ, кто имѣетъ смѣлость говорить. Именно, такимъ образомъ децемвиры, сначала выбранные на одинъ годъ, затѣмъ продолженные на другой, пытались удержать въ своихъ рукахъ навсегда свою власть, не позволяя собираться комиціямъ; именно, такимъ легкимъ способомъ всѣ правительства міра, разъ облеченныя

силою общественной, захватываютъ рано или поздно верховную власть.

Періодическія собранія, о которыхъ я сказалъ выше, способны предупредить или замедлить это несчастіе, въ особенности когда они не нуждаются въ формальномъ созваніи; ибо тогда государь не могъ бы имъ воспрепятствовать, не объявляя себя открыто нарушителемъ законовъ и врагомъ государства.

Собранія, которыя имѣютъ предметомъ только соблюденіе общественнаго договора, должны всегда открываться двумя предложеніями, которыя никогда не могутъ быть опущены и которыя голосуются отдѣльно.

Первое: „Желаетъ ли суверенъ сохранить существующую форму правленія“.

Второе: „Желаетъ ли народъ предоставить администрацію тѣмъ, которымъ она въ настоящее время поручена“.

Я предполагаю здѣсь то, что считаю доказаннымъ выше, именно: что нѣтъ въ государствѣ никакого основного закона, который не могъ бы быть отмѣненъ, даже общественный договоръ не составляетъ изъ этого исключенія; ибо если бы всѣ граждане собрались, чтобы уничтожить этотъ договоръ по общему согласію, несомнѣнно, что онъ былъ бы уничтоженъ весьма законно. Гроцій даже думаетъ, что всякій можетъ отказаться отъ государства, членомъ котораго онъ состоитъ и тѣмъ снова вернуть свою естественную свободу и свое имущество,

оставивъ страну *). Было бы нелѣпо, чтобы всѣ граждане сообща не могли того, что можетъ отдѣльно каждый изъ нихъ.

---

*) Конечно, нельзя оставлять ее съ цѣлью уклониться отъ своего долга и избавиться отъ служенія родинѣ въ тотъ моментъ, когда она въ немъ нуждается. Въ эти моменты бѣгство было бы преступнымъ и должно было бы вести за собою наказаніе. Это было бы уже не отступленіемъ, а дезертирствомъ.

Книга четвертая.

ГЛАВА I.

О томъ, что общая воля неразрушима.

До тѣхъ поръ пока собравшіеся люди считаютъ себя однимъ цѣлымъ, у нихъ одна общая воля, направленная на общее сохраненіе и общее благоденствіе. Тогда механизмъ государства крѣпокъ и простъ; принципы, которыми оно руководствуется, ясны и просвѣщенны; у него нѣтъ запутанныхъ, противорѣчивыхъ интересовъ; общее благо всюду обнаруживается вполнѣ отчетливо и требуетъ только здраваго смысла, чтобы быть замѣченнымъ. Миръ, единеніе, равенство являются врагами политическихъ хитросплетеній. Прямыхъ и простыхъ людей трудно обмануть именно благодаря ихъ простотѣ: приманки, утонченные предлоги не оказываютъ на нихъ никакого дѣйствія; они даже не достаточно хитры, чтобы быть обманутыми. Когда видишь у счастливѣйшаго въ мірѣ народа группы крестьянъ, которыя подъ дубомъ рѣшаютъ дѣла государства и всегда поступаютъ мудро, то можно

ли не презирать утонченность другихъ націй, которыя дѣлаютъ себя знаменитыми и несчастными съ такимъ искусствомъ и съ такой таинственностью?

Государство управляемое такимъ образомъ нуждается въ немногихъ законахъ, — и по мѣрѣ того какъ становится необходимымъ обнародовать новые, необходимость эта признается всѣми. Первый, ихъ предлагающій, говоритъ только то, что всѣ уже давно чувствуютъ и не требуется ни происковъ, ни краснорѣчія, чтобы признать закономъ то, что каждый уже рѣшилъ сдѣлать, какъ только онъ будетъ увѣренъ, что другіе сдѣлаютъ то же, что онъ.

Мудрствующихъ обманываетъ то, что, видя только государства дурно устроенныя съ самаго ихъ возникновенія, они удивляются, что тамъ невозможно удержать подобный порядокъ. Они смѣются представляя себѣ всѣ глупости, на которыя могъ бы подбить народъ Парижа или Лондона ловкій пройдоха или вкрадчивый говорунъ. Они не знаютъ, что Кромвель былъ бы посаженъ въ сумасшедшій домъ народомъ Берна, а герцогъ Бофоръ — публично высѣченъ женевцами.

Но когда соціальный узелъ начинаетъ ослабѣвать и государство—слабѣть, когда частные интересы даютъ себя чувствовать и маленькія общества воздѣйствовать на большое; общій интересъ терпитъ ущербъ и находитъ противниковъ; въ голосахъ не царитъ болѣе единодушіе; общая воля не есть воля всѣхъ; поднимаются взаимныя про-

тиворѣчія, споры; и самое лучшее мнѣніе не проходитъ безъ прекаиій.

Наконецъ, когда государство, близкое къ разрушенію, существуетъ только въ качествѣ призрачной и пустой формы, когда связь общественная порвана во всѣхъ сердцахъ; когда самый низкій интересъ нагло выступаетъ подъ священнымъ знаменемъ общественнаго блага,—тогда общая воля—нѣмѣетъ; у всѣхъ царятъ тайные мотивы, у всѣхъ остается гражданскихъ чувствъ не больше, какъ если бы государство никогда не существовало; и совершенно неправильно проводятъ подъ титуломъ законовъ криводушныя постановленія, которыя имѣютъ цѣлью только частный интересъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что общая воля уничтожена или искажена? Нѣтъ: она всегда постоянна, незыблема и чиста; но она подчинена другимъ, которыя одерживаютъ верхъ надъ нею. Всякій, отдѣляя свой интересъ отъ интереса общаго, отлично видитъ, что не можетъ отдѣлить его совершенно; но его доля въ общественномъ бѣдствіи кажется ему ничѣмъ, сравнительно съ исключительнымъ благомъ, которое онъ предполагаетъ себѣ присвоить. Кромѣ этого частнаго блага онъ желаетъ общаго блага для своей личной выгоды, такъ же сильно, какъ и всякій другой. Даже продавая за деньги свой голосъ, онъ не заглушаетъ въ себѣ общую волю, онъ ее обходитъ. Совершаемая имъ ошибка заключается въ томъ, что онъ измѣняетъ положеніе вопроса и отвѣчаетъ не то, о чемъ у него спрашиваютъ: вмѣсто того, чтобы сказать

своимъ голосованіемъ: „выгодно государству“, онъ говоритъ: „выгодно такому-то или такой-то партіи, чтобы такое-то мнѣніе было принято“. Такимъ образомъ, законъ общественнаго порядка въ собраніяхъ состоитъ не столько въ томъ, чтобы тамъ поддерживалась общественная воля, сколько въ томъ, чтобы она всегда была спрошена и всегда давала отвѣтъ.

Я бы могъ представить много размышленій и по поводу простого права—подавать голосъ при каждомъ актѣ верховной власти, права, котораго ничто не можетъ лишить гражданъ, и по поводу права подавать мнѣніе, вносить предложеніе, расчленять, обсуждать, права, которое правительство такъ заботливо предоставляетъ только своимъ членамъ—но этотъ важный предметъ потребовалъ бы отдѣльнаго изслѣдованія, и въ этомъ я не могу всего сказать.

ГЛАВА II.

О голосованіи.

Изъ предшествующей главы видно, что способъ, какимъ ведутся общественныя дѣла, можетъ служить достаточно вѣрнымъ признакомъ состоянія нравовъ и здоровья политическаго тѣла въ данный моментъ. Чѣмъ больше царствуетъ согласіе въ собраніяхъ, т. е. чѣмъ ближе мнѣнія приближаются къ единодушію, тѣмъ болѣе господствуетъ общая воля; но продолжительныя пренія, разно-

гласія, шумныя сцены — говорятъ о вліяніи частныхъ интересовъ и объ упадкѣ государства.

Это кажется менѣе очевиднымъ, когда государственное устройство признаетъ два или нѣсколько сословій; таковы были въ Римѣ патриціи и плебеи, распри между которыми нерѣдко волновали комиціи даже въ лучшія времена республики; но это исключеніе болѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное; ибо тогда, въ силу недостатка, прирожденнаго политическому тѣлу, имѣется, такъ сказать, два государства въ одномъ: что невѣрно объ обоихъ вмѣстѣ, то справедливо о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. И въ самомъ дѣлѣ, даже въ наиболѣе бурныя времена, народные плебисциты, когда сенатъ не вмѣшивался въ дѣло, проходили всегда спокойно и при значительномъ большинствѣ голосовъ, ибо у гражданъ былъ одинъ интересъ, у народа одна воля.

На другомъ полюсѣ окружности, единодушіе возвращается: это тогда, когда у гражданъ, ставшихъ рабами, нѣтъ болѣе ни свободы, ни воли. Тогда страхъ и лесть обращаютъ голосованіе въ безпорядочные возгласы; дѣла болѣе не обсуждаются: люди или обожаютъ, или предаютъ проклятію. Таковъ былъ низменный способъ подавать мнѣніе въ римскомъ сенатѣ при императорахъ. Иногда это дѣлалось съ очень смѣшными предосторожностями. Тацитъ разсказываетъ, какъ при Отонѣ, сенаторы, осыпая Вителлія проклятіями, старались въ то же время поднять страшный шумъ, дабы,

въ случаѣ, если бы онъ получилъ господство, онъ не зналъ, что сказалъ каждый изъ нихъ.

Изъ этихъ различныхъ соображеній вытекаютъ принципы, согласно которымъ нужно установить способъ подсчета голосовъ и сопоставленія мнѣній, смотря по тому, узнается ли общая воля болѣе или менѣе легко и приближается ли болѣе или менѣе къ паденію государство.

Существуетъ только одинъ законъ, который по природѣ своей требуетъ единодушнаго согласія: это общественный договоръ; ибо основаніе гражданской ассоціаціи—наиболѣе добровольный актъ въ мірѣ. Такъ какъ человѣкъ рожденъ свободнымъ и себѣ господиномъ, то никто не можетъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ поработить его безъ его согласія. Постановить, что сынъ рабыни рождается рабомъ, значитъ рѣшить, что онъ рождается не человѣкомъ.

Если при заключеніи общественнаго договора окажутся люди противодѣйствующіе, ихъ несогласіе не уничтожаетъ договора, оно лишь препятствуетъ тому, чтобы они были приняты въ создающуюся общину: они становятся чужеземцами среди гражданъ. Когда государство устроено,—пребываніе въ немъ предполагаетъ признаніе его; жить на территоріи значитъ подчиняться царящей на ней верховной власти *).

*) Это относится только къ свободному государству; въ другихъ государствахъ семья, имущество, недостатокъ въ убѣжищѣ, необходимость, насиліе могутъ удержать въ странѣ ея обитателя вопреки его волѣ. И тогда его пребываніе тамъ не предполагаетъ его согласія на договоръ или на нарушеніе договора.

За исключеніемъ этого первоначальнаго договора, рѣшеніе большинства всегда обязательно для остальныхъ; это одно изъ слѣдствій самаго договора. Но спрашивается, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть свободнымъ и въ то же время быть вынужденнымъ сообразоваться съ желаніями, которыхъ онъ не раздѣляетъ? Какимъ образомъ противники того или иного рѣшенія свободны и между тѣмъ подчинены законамъ, на которые они не давали своего согласія.

Я отвѣчаю, что вопросъ неправильно поставленъ. Гражданинъ соглашается на всѣ законы, даже на тѣ, которые приняты вопреки его желанію и даже на тѣ, которые караютъ его за нарушеніе котораго нибудь изъ нихъ. Постоянной волей всѣхъ членовъ государства — является общая воля: благодаря ей— они граждане и свободные люди *). Когда въ собраніи народа предлагаютъ проэктъ закона, у гражданъ не спрашиваютъ, одобряютъ они его или отвергаютъ; вопросъ въ томъ, сообразуется ли онъ или нѣтъ съ общей волей, которая есть и ихъ воля: всякій, подавая голосъ, высказываетъ насчетъ этого свое мнѣніе; и изъ подсчета голосовъ выяснится, каково будетъ постановленіе общей воли. Когда слѣдовательно противное мнѣніе беретъ

*) Въ Генуѣ на дверяхъ темницъ и на кандалахъ галерныхъ преступниковъ выгравировано слово Libertas. Это приложеніе девиза прекрасно и справедливо, ибо только злоумышленники всѣхъ состояній мѣшаютъ гражданину быть свободнымъ. Въ странѣ гдѣ всѣ такіе люди были бы отправлены на галеры, народъ пользовался бы самой полной свободою.

верхъ надъ моимъ, это доказываетъ только, что я ошибался, и что то, что я считалъ общей волею, ею не было. Если бы мое частное мнѣніе взяло верхъ, я бы поступилъ иначе, чѣмъ хотѣлъ: вотъ тогда я не былъ бы свободенъ.

Это предполагаетъ, правда, что всѣ голоса, наиболѣе характерные для общей воли, находятся еще въ числѣ большинства: когда они перестаютъ быть въ немъ, какое бы рѣшеніе не принимали—нѣтъ болѣе свободы.

Показавъ выше, какимъ образомъ въ общественныхъ рѣшеніяхъ дѣлъ замѣняли общую волю частными волями, я достаточно указалъ на средства пригодныя для того, чтобы предупреждать это злоупотребленіе; я еще буду говорить объ этомъ ниже. Что касается того, какое относительное большинство, необходимо для того, чтобы признать голосованіе выраженіемъ общей воли, я тоже далъ принципы, на которыхъ можно его установить. Разница одного голоса нарушаетъ равенство; одинъ несоглашающійся нарушаетъ единодушіе; но между единогласіемъ и равенствомъ голосовъ заключается еще нѣсколько дѣленій на неравныя части, каждое изъ нихъ можетъ быть признано относительнымъ большинствомъ смотря по состоянію и нуждамъ политическаго цѣлаго.

Два общихъ положенія могутъ служить для регулированія этихъ соотношеній; одно состоитъ въ томъ, что, чѣмъ серьезнѣе и важнѣе предметъ обсужденія, тѣмъ болѣе большинство, рѣшающее вопросъ, должно приближаться къ единогласію; другое — въ томъ, что, чѣмъ большей быстроты

рѣшенія требуетъ какое-нибудь дѣло, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ограничить предписанную разницу въ раздѣлѣ мнѣній между большинствомъ и меньшинствомъ: въ рѣшеніяхъ, которыя надо предпринять немедленно, большинство одного голоса должно быть признано достаточнымъ. Первое изъ этихъ положеній больше подходитъ къ законамъ, второе—къ практическимъ дѣламъ. Какъ бы то ни было, путемъ сочетанія обоихъ получаются наилучшія соотношенія, которыя можно установить для провозглашенія большинства.

ГЛАВА III.

О выборахъ.

Что касается избранія государя и магистратовъ, которыя, какъ я сказалъ, представляютъ собою акты сложные, то для ихъ совершенія существуетъ два пути—именно голосованіе и жребій. И тотъ и другой употреблялись въ различныхъ республиках и до сихъ поръ еще сохранилось очень сложное сочетаніе того и другого при избраніи дожа Венеціи.

„Голосованіе по жребію,—говоритъ Монтескье—соотвѣтствуетъ природѣ демократіи“. Отлично, но какимъ образомъ.—„Жребій,—продолжаетъ онъ,—представляетъ такой способъ выбора, который никого не обижаетъ, онъ предоставляетъ каждому гражданину разумную надежду служить своему отечеству“. Это не доводы.

Если обратить вниманіе, что выборъ главы го

сударства есть функція правительства, а не верховной власти, то станетъ ясно, почему путь жребія больше отвѣчаетъ природѣ демократіи, гдѣ администрація тѣмъ лучше, чѣмъ акты ея менѣе многосложны.

Во всякой настоящей демократіи—магистратура не преимущество, но тяжелая обуза, которую нельзя по справедливости возложить на одно частное лицо скорѣе, чѣмъ на другое. Только законъ можетъ возложить ее на того, на кого падетъ жребій. Тогда, такъ какъ условіе для всѣхъ одинаково и выборъ не зависитъ ни отъ какой человѣческой воли, то и нѣтъ частнаго примѣненія закона, которое бы повредило его всеобщности.

Въ аристократіи государь выбираетъ государя, правительство сохраняется само собою и здѣсь голосованіе очень на мѣстѣ.

Примѣръ выбора дожа Венеціи не только не разрушаетъ этого отличія, но подтверждаетъ его; эта средняя форма годна для смѣшаннаго правленія. Ибо заблужденіе считать правленіе Венеціи за настоящую аристократію. Если народъ тамъ не принимаетъ никакого участія въ правленіи, то сама знать представляетъ тамъ собою народъ. Масса бѣдныхъ Барнаботовъ *) никогда не имѣла доступа къ какой бы то ни было магистратурѣ и отъ своей знатности имѣетъ только пустой титулъ превосходительства и право присутствовать въ Большомъ совѣтѣ. Этотъ Большой совѣтъ такъ же многочисленъ,

*) Мелкіе дворяне, жившіе въ кварталѣ церкви св. Варнавы. Прим. ред. перев.

какъ и нашъ Общій Совѣтъ въ Женевѣ, и его знаменитые члены пользуются не большими привилегіями, чѣмъ у насъ простые граждане. Ясно, что, если мы не будемъ обращать вниманіе на крайнее несходство обѣихъ республикъ, женевская „буржуазія“ представляетъ въ точности венеціанскій патриціатъ; наши nátifs и habitants соотвѣтствуютъ cittadini и popolo въ Венеціи, наши крестьяне—подданнымъ материка; словомъ, какъ бы ни смотрѣть на эту республику — если мы забудемъ о ея размѣрахъ—то окажется, что ея правленіе не аристократичнѣе нашего. Вся разница въ томъ, что, не имѣя никакого пожизненнаго главы, мы не испытываемъ той же нужды въ жребіи.

Избраніе по жребію имѣло бы мало неудобствъ въ настоящей демократіи, такъ какъ тамъ все одинаково какъ по нравамъ и способностямъ, такъ и по принципамъ и благосостоянію, — выборъ былъ бы почти безразличенъ. Но я уже сказалъ, что нѣтъ настоящей демократіи.

Когда голосованіе и жребій сочетаются между собою, первымъ надо пользоваться для пополненія мѣстъ, требующихъ спеціальныхъ способностей, какъ напримѣръ для назначенія на военныя должности; второй годенъ для такихъ, гдѣ достаточно смысла, справедливости, прямодушія, какъ назначенія на судейскія званія, ибо въ благоустроенномъ государствѣ эти качества общи всѣмъ гражданамъ.

Ни жребій, ни голосованіе совершенно не примѣняются въ монархическомъ правленіи. Такъ

какъ монархъ по праву единственный государь и магистратъ, то выборъ помощниковъ принадлежитъ только ему. Когда аббатъ де Сентъ-Пьеръ, предлагая увеличить число совѣтовъ французскаго короля и выбирать ихъ членовъ посредствомъ голосованія, онъ не замѣчалъ, что предлагаетъ измѣнить форму правленія.

Мнѣ оставалось бы сказать о способахъ подачи и подсчета голосовъ въ собраніи народа; но можетъ быть историческая справка о порядкахъ, господствующихъ у римлянъ, объяснитъ болѣе наглядно всѣ принципы, которые я могъ бы установить. Не лишне разсудительному читателю ознакомиться нѣсколько подробнѣе съ тѣмъ, какъ велись общественныя и частныя дѣла въ совѣтѣ, состоящимъ изъ двухсотъ тысячъ человѣкъ.

ГЛАВА IV.

О римскихъ комиціяхъ.

Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о первыхъ временахъ Рима; больше того: очень вѣроятно, что большая часть разсказовъ объ этой эпохѣ—басни *), и вообще самой поучительной части лѣтописей народа, излагающей исто-

*) Названіе *Римъ* (Roma), которое производятъ отъ имени Ромула, греческое. Оно означаетъ *силу*; слово *Нума*, имя второго царя, тоже греческое и означаетъ *законъ*. Можно ли повѣрить, что оба первыхъ царя этого города, заранѣе получили имена, такъ хорошо совпадающія съ тѣмъ, что они сдѣлали?

рію его установленія—больше всего намъ не достаетъ. Опытъ учитъ насъ ежедневно отъ какихъ причинъ рождаются революціи въ государствахъ: но такъ какъ народа больше не образуется, мы имѣемъ только догадки для объясненія того какимъ образомъ они образовались.

Обычаи, которые находятъ установленными, свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, что существовало начало этихъ обычаевъ. Изъ преданій, которыя восходятъ къ этимъ началамъ, тѣ, которыя опираются на лучшіе авторитеты и подкрѣпляются надежными соображеніями, должны считаться самыми достовѣрными. Вотъ тѣ принципы, которыхъ я старался держаться, изслѣдуя какимъ образомъ самый свободный и самый могущественный народъ на землѣ осуществлялъ свою верховную власть.

Послѣ основанія Рима, нарождающаяся республика, т.-е. войско основателя, составленное изъ албанцевъ, сабинянъ и чужеземцевъ, было подраздѣлено на три класса, которые отъ этого раздѣленія получили названіе „*трибъ*“. Каждая изъ этихъ трибъ была подраздѣлена на десять „курій“ и каждая курія на „декуріи“; во главѣ тѣхъ и другихъ были поставлены начальники, называвшіеся куріонами и декуріонами.

Кромѣ того изъ каждой трибы взяли по отряду изъ ста верховыхъ, или всадниковъ, которыхъ называли центуріями; отсюда видно, что эти подраздѣленія, мало необходимыя въ городѣ, были въ началѣ чисто-военными. Но инстинктъ величія какъ бы побуждалъ маленькій городъ Римъ дать

себѣ заранѣе устройство, пригодное для столицы міра.

Отъ этого перваго подраздѣленія произошло скоро неудобство: дѣло въ томъ, что въ то время какъ трибы албанцевъ (Ramnenses) и сабинянъ (Tatienses) оставались все время въ одномъ и томъ же состояніи, триба чужеземцевъ (Luceres) безпрестанно увеличивались благодаря постоянному наплыву новыхъ членовъ и довольно скоро обогнала двѣ другія. Средство, которое Сервій нашелъ противъ этого неудобства состояло въ томъ, что онъ измѣнилъ дѣленіе; онъ уничтожилъ раздѣленія по племенамъ и завелъ новое — по мѣсту въ городѣ, занятому каждой трибой. Вмѣсто трехъ трибъ онъ сдѣлалъ четыре, изъ которыхъ каждая занимала одинъ изъ холмовъ Рима и носила его имя. Такимъ образомъ, исправляя настоящее неравенство, онъ предупредилъ его и на будущее время, и чтобы это дѣленіе не было исключительно территоріальнымъ, но касалось и людей, онъ запретилъ жителямъ переходить изъ одного квартала въ другой; это препятствовало смѣшенію племенъ.

Онъ удвоилъ также первоначальное количество (трехъ) центурій конницы и прибавилъ къ нимъ двѣнадцать другихъ, но все подъ прежними наименованіями; — способъ простой и разумный, которымъ онъ окончательно отдѣлилъ сословіе всадниковъ отъ народа, не вызывая у послѣдняго ропота.

Къ четыремъ городскимъ трибамъ Сервій прибавилъ пятнадцать другихъ, которыя получили

названіе сельскихъ, потому что были составлены изъ сельскихъ жителей, раздѣленныхъ на соотвѣтствующее количество округовъ. Впослѣдствіи образовалось столько же новыхъ; и народъ римскій наконецъ очутился раздѣленнымъ въ тридцать пять трибъ, — число, которое оставалось до конца республики.

Отъ раздѣленія трибъ на городскія и сельскія получился результатъ достойный вниманія, потому что нѣтъ другого такого примѣра и потому что Римъ обязанъ ему и сохраненіемъ своихъ нравовъ, и приращеніемъ имперіи. Казалось можно было бы думать, что городскія трибы скоро присвоили себѣ могущество и почести и не замедлятъ унизить сельскія: случилось какъ разъ наоборотъ. Извѣстна любовь первыхъ римлянъ къ сельской жизни. Эту любовь вселилъ имъ мудрый законодатель, который присоединилъ къ свободѣ сельскіе труды и военныя упражненія и водворилъ, такъ сказать, въ городѣ искусства, ремесла, интриги, богатство и рабство.

Итакъ, всѣ славные мужи, которыхъ имѣлъ Римъ жили въ деревнѣ и обрабатывали землю; поэтому всѣ и привыкли только тамъ и искать поддержку для республики. Государство достойнѣйшихъ патриціевъ, сельскій Римъ, былъ въ почетѣ у всѣхъ; простая трудовая жизнь сельчанъ предпочиталась тамъ праздной и распущенной жизни римскихъ горожанъ; и тотъ кто, обрабатывая землю, сдѣлался уважаемымъ гражданиномъ, былъ бы жалкимъ пролетаріемъ въ городѣ. Не безъ причины, говорилъ Варронъ, наши доблестные предки устроили въ

деревнѣ разсадникъ крѣпкихъ и храбрыхъ людей, которые защищалиихъ во время войны и кормили ихъ въ періодъ міра. Плиній положительно утверждаетъ, что сельскія трибы были почитаемы благодаря людямъ, входившимъ въ ихъ составъ; между тѣмъ какъ переводили въ городскія трибы, считая это безчестіемъ, трусливыхъ людей, которыхъ желали унизить. Сабинянинъ Аппій Клавдій, который, прибывъ въ Римъ, чтобы тамъ основаться, былъ осыпанъ почестями и записанъ въ одну изъ деревенскихъ трибъ, которая впослѣдствіи приняла его имя. Наконецъ, вольноотпущенники всѣ входили въ городскія трибы и никогда не допускались въ деревенскія; и не было ни одного примѣра—во все время республики, чтобы кто-нибудь изъ этихъ отпущенниковъ добился какой-нибудь должности, даже сдѣлавшись гражданиномъ.

Этотъ принципъ былъ превосходенъ, но его стали доводить до того, что наконецъ произошла перемѣна.

Прежде всего цензоры, давно уже присвоившіе себѣ право по произволу переводить гражданъ изъ одной трибы въ другую, позволили большинству записываться въ любую изъ нихъ; позволеніе, которое ни къ чему хорошему не вело, и лишь отнимало у цензуры одинъ изъ ея существенныхъ рессурсовъ. Къ тому же, такъ какъ знатные и сильные зачислялись въ деревенскія трибы, а отпущенники, сдѣлавшись гражданами, оставались вмѣстѣ съ простымъ народомъ въ городѣ, то трибы вообще не имѣли теперь ни мѣста, ни территоріи,

но всѣ оказались такъ смѣшанными, что членовъ каждой можно было различать только по списку; такъ что идея слова „*триба*“ перестала быть связанной съ землею и превратилась въ личную или вѣрнѣе обратилась почти въ химеру.

Случилось также, что городскія трибы, находившіяся ближе къ центру дѣлъ, часто одерживали верхъ въ комиціяхъ и продавали государство тѣмъ, кто унижался до покупки голосовъ сволочи, ихъ составлявшей.

Что касается курій, то, такъ какъ законодатель сдѣлалъ ихъ по десяти въ каждой трибѣ, то весь народъ римскій, заключенный тогда внутри городскихъ стѣнъ, оказался раздѣленнымъ на тридцать курій, изъ которой каждая имѣла свои храмы, своихъ боговъ, своихъ чиновниковъ, жрецовъ и праздники, называвшіеся „компиталіями“, подобно „паганаліямъ“, которыя впослѣдствіи завели себѣ деревенскія трибы.

Когда Сервій предпринялъ новое дѣленіе, то, такъ какъ эти тридцать курій не могли поровну распредѣлиться въ четырехъ трибахъ, то онъ не захотѣлъ ихъ трогать; и куріи, независимо отъ трибъ, сдѣлались новымъ раздѣленіемъ жителей Рима: но о куріяхъ не было и рѣчи ни въ деревенскихъ трибахъ, ни въ народѣ, который ихъ составлялъ, такъ какъ трибы сдѣлались чисто гражданскимъ учрежденіемъ и такъ какъ была введена организація для набора войскъ, то военныя подраздѣленія Ромула оказались излишни. Такимъ образомъ, хотя каждый гражданинъ былъ

зачисленъ въ трибу, но далеко не всѣ были приписаны къ куріямъ.

Сервій ввелъ еще третье подраздѣленіе, которое не имѣло никакого отношенія къ двумъ предшествующимъ, и сдѣлалось, по своему значенію, самымъ важнымъ изъ всѣхъ. Онъ раздѣлилъ весь римскій народъ на шесть классовъ, причемъ принципомъ дѣленія на этотъ разъ не были ни мѣсто, ни сами люди, а было имущество; къ первымъ классамъ принадлежали богатые, и послѣднимъ—бѣдные, а къ среднимъ, люди съ посредственнымъ достаткомъ. Эти шесть классовъ въ свою очередь подраздѣлились на сто девяносто коллегій, называвшіяся *центуріями;* эти коллегіи были распредѣлены такъ, что въ одинъ первый классъ входило больше половины ихъ, а въ послѣдній—всего на всего одна. Такимъ образомъ, классъ, наименѣе многочисленный по числу людей, оказался наиболѣе многочисленнымъ по числу центурій, а весь послѣдній оказался равенъ одной центуріи, хотя онъ одинъ содержалъ болѣе половины жителей Рима.

Чтобы народъ не могъ какъ слѣдуетъ разглядѣть послѣдствія этой формы, Сервій старался дать ему военный видъ: онъ включилъ во второй классъ двѣ центуріи оружейниковъ, а въ четвертый—двѣ центуріи военныхъ инженеровъ; въ каждомъ классѣ, исключая послѣдняго, онъ установилъ различіе между молодыми и старыми, т.-е. между тѣми, которые обязаны были носить оружіе и тѣми, которыхъ возрастъ освобождалъ отъ этого по закону; различіе, которое больше чѣмъ различіе

по состоянію, приводило къ необходимости часто устраивать цензъ, или перепись; наконецъ онъ пожелалъ, чтобы собраніе происходило на Марсовомъ полѣ, и чтобы всѣ, кто по своему возрасту были способны къ службѣ, приходили туда со своимъ оружіемъ.

Причина, по которой онъ не слѣдовалъ въ послѣднемъ классѣ тому же раздѣленію на молодыхъ и старыхъ, заключалась въ томъ, что простому народу, изъ котораго онъ былъ составленъ, не давали почетнаго права носить оружіе для родины; надо было имѣть жилище, чтобы получить право его защищать; и среди безчисленныхъ нищихъ солдатъ, которыми блещутъ теперь войска королей, нѣтъ, быть можетъ, ни одного, который не былъ бы съ позоромъ изгнанъ изъ римской когорты, въ то время когда воины были защитниками свободы.

Отличали, впрочемъ, еще въ этомъ послѣднемъ классѣ пролетаріевъ отъ такъ называемыхъ „capite censi“. Первые, имѣвшіе все-таки кое-какіе достатки, поставляли, по крайней мѣрѣ, государству гражданъ, иногда даже воиновъ въ крайнихъ случаяхъ. Что касается тѣхъ, которые ровно ничего не имѣли и которыхъ можно было занести въ цензъ только поголовно, они считались совершенно нулями, и Марій былъ первый, ихъ завербовавшій въ солдаты.

Не рѣшая здѣсь вопроса, было ли раздѣленіе на центуріи само по себѣ хорошо или дурно, я, кажется, могу утверждать, что только простые нравы первыхъ римлянъ, ихъ безкорыстіе, любовь къ

земледѣлію, ихъ презрѣніе къ торговлѣ и къ жаждѣ наживы могли сдѣлать его осуществимымъ. Гдѣ въ настоящее время можно найти народъ, у котораго при его всепоглощающей жадности, безпокойномъ духѣ, интригахъ, постоянныхъ перемѣщеніяхъ, безпрерывныхъ измѣненіяхъ богатствъ могло бы продержаться въ теченіе двадцати лѣтъ подобное учрежденіе, не перевернувъ все государство? Слѣдуетъ даже замѣтить, что нравы и цензура, болѣе сильные чѣмъ это учрежденіе, исправили его недочеты въ Римѣ, и что какой нибудь богачъ оказывался водвореннымъ въ классъ бѣдныхъ за выставленіе на показъ своего богатства.

Изъ всего этого легко понять, почему почти всегда упоминается только о пяти классахъ, въ то время, какъ въ дѣйствительности ихъ было шесть. Шестой, не доставлявшій воиновъ въ армію, и не подававшій голосовъ на Марсовомъ полѣ *), не приносившій почти никакой пользы государству, рѣдко считался за что нибудь.

Таковы были различныя подраздѣленія римскаго народа. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе они производили въ собраніяхъ. Эти собранія, законно созванныя, назывались „комиціями“; комиціи происходили обыкновенно на городскомъ форумѣ или на Марсовомъ полѣ и бывали трехъ родовъ: по куріямъ, по центуріямъ и по трибамъ, смотря по тому, по какой изъ трехъ формъ, онѣ были со-

*) Я говорю на Марсовомъ полѣ, ибо именно тамъ собирались комиціи по центуріямъ. По куріямъ и по трибамъ народъ собирался на *форумѣ* или въ другомъ мѣстѣ; тогда *capite censi* имѣли такое же вліяніе и такую же власть, какъ и первые граждане.

званы. Комиціи по куріямъ были учреждены Ромуломъ, по центуріямъ Сервіемъ, по трибамъ—народными трибунами. Ни одинъ законъ не могъ быть утвержденъ, ни одинъ магистратъ не могъ быть избранъ иначе, какъ въ комиціяхъ. И такъ какъ не было ни одного гражданина, который не былъ бы записанъ въ одной изъ курій, центурій или трибъ, то ни одинъ не былъ лишенъ права голосованія и народъ римскій былъ дѣйствительно сувереномъ и юридически, и фактически.

Чтобы собраніе комицій могло быть признано законно состоявшимся и чтобы то, что рѣшалось въ нихъ, получило силу закона, необходимы были три условія: во первыхъ, чтобы коллегія или магистратъ, которые ихъ собирали, были облечены надлежащей властью; во вторыхъ, чтобы собраніе происходило въ одинъ изъ дней, закономъ не исключаемыхъ; въ третьихъ, чтобы предзнаменованія были благопріятны.

Смыслъ перваго правила не нуждается въ объясненіи; второе имѣло цѣлью соблюденіе извѣстнаго порядка; поэтому не было позволено собирать комиціи въ дни праздничные и базарные, когда деревенскій людъ, прибывая въ Римъ по дѣламъ, не имѣлъ времени проводить день на площади. Съ помощью третьяго правила, сенатъ держалъ въ уздѣ гордый и неспокойный народъ и во время охлаждалъ горячность мятежныхъ трибуновъ; но эти послѣдніе находили много способовъ освободиться отъ этихъ оковъ.

Законы и выборы должностныхъ лицъ не одни составляли предметы обсужденій комицій; такъ

какъ римскій народъ захватилъ въ свои руки самыя важныя функціи правительства, то, можно сказать, судьба Европы устраивалась на этихъ собраніяхъ. Разнообразіе предметовъ опредѣляли различныя формы, принимаемыя собраніями, смотря по тому о чемъ необходимо было на нихъ высказаться.

Чтобы судить объ этихъ различныхъ формахъ— достаточно ихъ сравнить. Ромулъ, создавая куріи, имѣлъ въ виду сдерживать народъ посредствомъ сената и сенатъ посредствомъ народа, чтобы самому властвовать одинаково надъ всѣмъ. Установивъ эту форму, онъ далъ народу всю силу численности, чтобы уравновѣсить силу могущества и богатства, которую онъ предоставилъ патриціямъ. Но, въ полномъ согласіи съ духомъ монархіи, онъ предоставилъ все-таки больше преимуществъ патриціямъ, ибо съ помощью своихъ кліентовъ они могли вліять на большинство голосовъ. Это удивительное учрежденіе патроновъ и кліентовъ было шедевромъ политики и человѣчности; безъ него патриціатъ, столь противный духу республики, не могъ бы существовать. Риму одному принадлежитъ честь дать міру этотъ чудный примѣръ, который никогда не приводилъ къ злоупотребленіямъ и которому, однако, никогда не слѣдовали.

Такъ какъ форма курій существовала въ правленіе всѣхъ царей до Сервія, и такъ какъ царствованіе послѣдняго Тарквинія, не считалось законнымъ, то стали вообще отличать царскіе законы названіемъ leges curiatae.

Во времена республики куріи, ограниченныя по старому четырьмя городскими трибами и со-

держащія въ себѣ только римскую чернь, не могли быть по душѣ ни сенату, находившемуся во главѣ патриціевъ, ни трибунамъ, которые, несмотря на то, что были плебеи, стояли во главѣ состоятельныхъ гражданъ. Поэтому онѣ потеряли всякое значеніе и ихъ упадокъ дошелъ до того, что ихъ тридцать ликторовъ, собравшись вмѣстѣ, дѣлали то, что должны были бы дѣлать сами куріатскія комиціи.

Раздѣленіе по центуріямъ было такъ благопріятно аристократіи, что сразу не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ сенатъ не бралъ постоянно верхъ въ комиціяхъ, носившихъ это названіе и избиравшихъ консуловъ, цензоровъ и другихъ курульныхъ магистратовъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ ста девяносто трехъ центурій, составляемыхъ всѣми шестью классами римскаго народа, на долю перваго приходилось девяносто восемь, а такъ какъ голоса считались только по центуріямъ, то первый классъ одерживалъ верхъ числомъ голосовъ надъ всѣми другими. Когда всѣ центуріи перваго класса были согласны, то собираніе голосовъ прекращалось; рѣшеніе меньшаго числа считалось рѣшеніемъ всѣхъ; и въ комиціяхъ по центуріямъ, можно сказать, дѣла рѣшали скорѣе по большинству денегъ, а не голосовъ.

Но эта чрезмѣрная власть смягчалась двумя средствами; во первыхъ, въ классъ богатыхъ были записаны, обыкновенно, трибуны и всегда большое количество плебеевъ, что служило противовѣсомъ вліяніи патриціевъ въ этомъ первомъ классѣ.

Второе средство состояло въ томъ, что вмѣсто

того, чтобы сначала заставить центуріи подавать голоса по порядку, что всегда заставило бы начинать съ первой, бросали жребій, и вытянувшая жребій центурія одна *) только и участвовала въ выборѣ; послѣ чего всѣ центуріи, созванныя въ другой день, согласно ихъ порядку, повторяли тотъ же выборъ и обыкновенно его подтверждали. Такимъ образомъ, отнимали преимущество иниціативы у классовыхъ дѣленій, чтобы дать его согласно принципу демократіи жребію.

Этотъ обычай приводилъ еще и къ другой выгодѣ, именно: деревенскіе граждане имѣли время между двумя выборами узнать о достоинствахъ временно избраннаго кандидата, дабы подать свои голоса, будучи освѣдомлены. Но подъ предлогомъ ускоренія процедуры, этотъ обычай уничтожили, и оба выбора стали происходить въ одинъ день.

Комиціи по трибамъ были настоящимъ совѣтомъ римскаго народа. Онѣ созывались только трибунами; въ нихъ избирались трибуны, которые проводили въ нихъ свои плебисциты. Сенатъ не только не имѣлъ на нихъ права голоса, онъ даже не имѣлъ права присутствовать; и принужденные повиноваться законамъ, въ голосованіи которыхъ они не могли принять участія, сенаторы, въ этомъ отношеніи, были менѣе свободны, чѣмъ послѣдніе граждане. Эта несправедливость была результатомъ ложныхъ взглядовъ, и ея одной было достаточно, чтобы лишить значенія декреты коллективной еди-

*) Центурія, вытянувшая жребій, называлась *praerogativa*, потому что у нея у первой требовали голоса; отсюда произошло слово *прерогатива*.

ницы, въ которую были приняты не всѣ ея члены. Если бы даже всѣ патриціи присутствовали на этихъ комиціяхъ, согласно праву, которое они имѣли, какъ граждане, то въ качествѣ простыхъ частныхъ лицъ, какими они фигурировали бы тамъ, они едва-ли могли бы вліять на исходъ голосованія, которое совершалось поголовно и въ которомъ ничтожный пролетарій значилъ столько же сколько высшее должностное лицо сената.

Итакъ, ясно, что помимо порядка, проистекавшаго отъ этихъ различныхъ распредѣленій для собиранія голосовъ такого многочисленнаго народа, самыя эти распредѣленія не сводились къ безразличнымъ формамъ, но каждая имѣла дѣйствія, соотвѣтствующія цѣлямъ, заставлявшимъ ее предпочесть.

Если даже мы не будемъ входить насчетъ этого въ бо́льшія подробности, то все же должны будемъ заключить изъ предшествующихъ поясненій, что комиціи по трибамъ были наиболѣе благопріятны народному правленію, а комиціи по центуріямъ—аристократіи. Что касается комицій по куріямъ, гдѣ одинъ простой народъ Рима составлялъ большинство, то такъ какъ онѣ способствовали тираніи и дурнымъ намѣреніямъ, онѣ должны были притти въ упадокъ, такъ какъ даже мятежники не любили ихъ, какъ способъ, черезъ-чуръ разоблачавшій ихъ проекты. Ясно, что все величіе римскаго народа сосредоточивалось только въ комиціяхъ по центуріямъ, единственно полныхъ; въ комиціяхъ по куріямъ не участвовали деревен-

скія трибы, въ комиціяхъ по трибамъ — сенатъ и патриціи.

Что касается способа собиранія голосовъ, онъ былъ у первыхъ римлянъ такъ же простъ, какъ и ихъ нравы, хотя менѣе простъ чѣмъ въ Спартѣ. Всякій подавалъ свой голосъ громко, и особый писецъ записывалъ голоса одинъ за другимъ: большинство голосовъ въ трибѣ опредѣляло мнѣніе трибы; большинство голосовъ трибъ опредѣляло мнѣніе народа; такъ же точно было и въ куріяхъ и центуріяхъ. Этотъ обычай былъ хорошъ, пока честность царствовала между гражданами, и каждый стыдился подавать публично голосъ за несправедливое мнѣніе или недостойнаго человѣка: но когда народъ испортился и голоса стали покупаться, произошла перемѣна; голоса стали подаваться тайно, чтобы сдерживать покупщиковъ посредствомъ неувѣренности и дать возможность обманщикамъ не быть измѣнниками.

Я знаю, что Цицеронъ порицаетъ эту перемѣну и приписываетъ ей отчасти упадокъ республики. Но, хотя я и чувствую вѣсъ, который долженъ здѣсь имѣть авторитетъ Цицерона, однако я съ нимъ не могу согласиться: я думаю напротивъ что, благодаря именно тому, что не сдѣлали достаточное количество подобныхъ измѣненій, и ускорили погибель государства. Подобно тому какъ режимъ здороваго человѣка не подходитъ для больного, такъ не слѣдуетъ пытаться управлять испорченнымъ народомъ посредствомъ тѣхъ же законовъ, которые годны для хорошаго народа. Ничто ни доказываетъ этого положенія лучше, чѣмъ продол-

жительное существованіе Венеціи, гдѣ подобіе республики существуетъ еще единственно потому, что ея законы годны только для дурныхъ людей.

Итакъ, гражданамъ роздали дощечки благодаря чему каждый могъ подавать голосъ такъ, что никто не зналъ его мнѣнія: установили также новыя формальности для собиранія дощечекъ, для счета голосовъ, для сравненія ихъ количества и проч.; это не помѣшало часто подозрѣвать добросовѣстность лицъ, которымъ были ввѣрены эти обязанности (custodes, diribitores, rogatores suffragiorum). Изданы были, наконецъ, чтобъ воспрепятствовать проискамъ и продажѣ голосовъ, указы, многочисленность которыхъ указываетъ на ихъ безполезность.

Въ послѣднее время были принуждены прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ, чтобы восполнить пробѣлы законовъ. То подстраивали знаменія; но средство это могло воздѣйствовать на народъ, а не на тѣхъ, которые имъ управляли. То внезапно собирали народъ, прежде чѣмъ кандидаты успѣли пустить въ ходъ свои происки, то безконечными рѣчами занимали все собраніе, когда видѣли, что народъ готовъ склониться къ дурному рѣшенію. Въ концѣ-концовъ, честолюбіе сдѣлало тщетными всѣ эти усилія, но, что представляется невѣроятнымъ, среди столькихъ злоупотребленій этотъ многочисленный народъ, благодаря своимъ стариннымъ порядкамъ, не переставалъ избирать магистратовъ, издавать законы, судить тяжбы, рѣшать дѣла частныя и общественныя почти съ такою же легкостью, какъ дѣлалъ бы это самъ сенатъ.

ГЛАВА V.

О трибунатѣ.

Когда нельзя установить точное соотношеніе между органическими частями государства или когда неустранимыя причины постоянно путаютъ эти соотношенія, то устанавливаютъ особенную магистратуру, которая не составляетъ неразрывнаго цѣлаго съ другими, но которая вновь ставитъ каждый членъ государственнаго организма въ его настоящее отношеніе, устанавливаетъ связь или создаетъ средній членъ между государемъ и народомъ, или между государемъ и сувереномъ, или между обоими вмѣстѣ, если это необходимо.

Эта коллегія, которую я назову *трибунатомъ*,— хранительница законовъ и законодательной власти. Онъ служитъ иногда для защиты суверена отъ правительства, какъ дѣлаетъ это теперь Совѣтъ Десяти въ Венеціи; а иногда для поддерживанія равновѣсія той и другой стороны, какъ дѣлали это эфоры въ Спартѣ.

Трибунатъ не есть органическая часть гражданской общины, и не долженъ имѣть никакой доли въ законодательной или исполнительной власти: но благодаря именно этому его власть гораздо больше; ибо, не будучи въ состояніи сдѣлать что-либо, онъ можетъ всему помѣшать. Какъ защитница законовъ эта коллегія болѣе священна и болѣе почитаема, чѣмъ монархъ, ихъ исполняющій и суверенъ ихъ дающій. Это ясно было видно на

примѣръ Рима, гдѣ гордые патриціи, всегда презиравшіе цѣлый народъ, силою были принуждены преклониться предъ простымъ чиновникомъ народа, который не имѣлъ ни права ауспиціи, ни судебной власти.

Трибунатъ, мудро регулируемый,—самый крѣпкій оплотъ хорошаго государственнаго устройства; но несмотря на то, что сила его далеко не чрезмѣрна, онъ опрокидываетъ все; слабость — наоборотъ—совсѣмъ не въ его природѣ: и лишь бы онъ былъ чѣмъ нибудь, онъ никогда не менѣе того, что нужно.

Онъ вырождается въ тиранію, когда узурпируетъ исполнительную власть, которую онъ долженъ лишь держать въ извѣстныхъ границахъ и когда хочетъ устранить законы, которые онъ долженъ только защищать. Громадная власть эфоровъ, которая была безопасна, пока Спарта сохранила свои нравы, ускорила разложеніе, когда оно началось. Кровь Агиса, убитаго этими тиранами, была отомщена его преемникомъ; но какъ преступленіе, такъ и наказаніе эфоровъ одинаково ускорили гибель республики; и послѣ Клеомена Спарта сдѣлалась ничѣмъ. И Римъ погибъ тѣмъ же путемъ; и чрезвычайное могущество трибуновъ, захваченное постепенно, сдѣлалось въ концѣ концовъ, при помощи законовъ, изданныхъ для свободы, оплотомъ для императоровъ, которые ее уничтожили. Что касается Совѣта Десяти въ Венеціи, это кровавое судилище одинаково ужасное, какъ для патриціевъ, такъ и для народа, совершенно отказывается открыть законы, и такъ какъ они доведены теперь

до полнаго безсилія, то Совѣтъ только и дѣлаетъ, что наноситъ въ потемкахъ удары, которыхъ не смѣютъ замѣчать.

Трибунатъ ослабѣваетъ, какъ и правительство, вслѣдствіе увеличенія количества своихъ членовъ. Когда трибуны римскаго народа, которыхъ сначала было всего двое, а затѣмъ стало пять, захотѣли удвоить послѣднее число, сенатъ не противился, будучи твердо увѣреннымъ, что будетъ сдерживать однихъ другими; такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Лучшее средство предупредить захваты такого страшнаго учрежденія, средство, котораго не придумало до сихъ поръ ни одно правительсто, это— не дѣлать его постояннымъ, но установить промежутки, въ теченіе которыхъ оно переставало бы дѣйствовать. Эти промежутки, которые не должны быть достаточно большими, чтобы предоставить злоупотребленіямъ время укрѣпиться, могутъ быть опредѣлены закономъ, такъ что легко можно было бы ихъ въ случаѣ необходимости сокращать путемъ чрезвычайныхъ порученій, возложенныхъ на трибунатъ.

Въ этомъ способѣ, мнѣ кажется, нѣтъ неудобствъ, потому что, какъ я сказалъ, трибунатъ, не составляя части государственнаго устройства, можетъ быть безъ ущерба для этого послѣдняго уничтоженъ; и онъ мнѣ кажется дѣйствительнымъ, потому что магистратъ, вновь возстановленный. исходитъ не отъ власти, которой былъ облеченъ его предшественникъ, но отъ власти данной ему закономъ.

ГЛАВА VI.

О диктатурѣ.

Неподатливость законовъ, которая мѣшаетъ имъ склоняться передъ обстоятельствами, можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сдѣлать эти обстоятельства пагубными, а въ критическіе моменты даже сдѣлать ихъ причиной гибели государства. Порядокъ и медленность формъ требуютъ извѣстнаго промежутка времени, въ которомъ обстоятельства иногда отказываютъ. Могутъ представиться тысячи случаевъ, которыхъ законодатель не предвидѣлъ; и чувствовать, что не все можно предусмотрѣть — предусмотрительность весьма необходимая.

Не нужно поэтому стремиться укрѣплять политическія учрежденія до такой степени, чтобы отнять у себя возможность пріостановить ихъ дѣйствіе. Даже въ Спартѣ порою закрывалось недреманное око закона.

Но только самыя большія опасности могли бы уравновѣсить опасность отъ нарушенія общественнаго порядка и никогда не слѣдуетъ останавливать священную силу законовъ если дѣло не идетъ о спасеніи отечества. Въ этихъ рѣдкихъ и вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ стараются спасти общественную безопасность особымъ актомъ, который возлагаетъ обязанность спасти ее на самаго достойнаго. Это порученіе можетъ быть дано двумя способами, согласно роду опасности.

Если лекарствомъ можетъ послужить просто уси-

леніе дѣятельности правительства, то правительственныя функціи сосредоточиваютъ въ рукахъ одного или двухъ его членовъ; такимъ образомъ, измѣняется не власть законовъ, а только форма ихъ осуществленія. Если опасность такова, что механизмъ законовъ служитъ препятствіемъ для защиты отъ нея, то избирается верховный вождь, съ правомъ наложить молчаніе на всѣ законы и пріостановить на время дѣйствіе верховной власти. Въ подобномъ случаѣ, общая воля дѣйствуетъ въ очень опредѣленномъ направленіи, и ясно, что первая цѣль народа состоитъ въ томъ, чтобы не дать государству погибнуть. Такимъ образомъ, пріостановка законодательной власти вовсе не есть ея уничтоженіе: магистратъ, заставившій законъ молчать, не можетъ заставить его говорить; онъ господствуетъ надъ нимъ, не будучи въ состояніи быть представителемъ законодательной власти. Онъ можетъ все дѣлать, исключая законы.

Первый способъ практиковался римскимъ сенатомъ, когда онъ поручалъ консуламъ путемъ торжественной формулы заботиться о благѣ республики. Второй имѣлъ мѣсто, когда одинъ изъ двухъ консуловъ избиралъ диктатора:*) обычай этотъ Римъ ввелъ у себя по примѣру Альбы.

Въ началѣ республики, къ диктатурѣ прибѣгали очень часто, потому что государство не создало еще себѣ достаточно прочныхъ основъ, чтобы быть въ состояніи поддерживать себя исключительно

---

*) Избраніе диктатора происходило ночью и втайнѣ: римлянамъ какъ бы было стыдно ставить человѣка выше законовъ.

силою своихъ учрежденій. Такъ какъ нравы тогда дѣлали излишними многія предосторожности, которыя были бы необходимы въ другое время, то не боялись ни того, что диктаторъ захочетъ употребить свою власть во вредъ государству, ни того, что онъ попытается удержать ее сверхъ срока. Казалось, напротивъ, что такое большое могущество было обузой тому, на кого оно возлагалось: до такой степени онъ торопился отъ него избавиться; занимать мѣсто законовъ представлялось дѣломъ слишкомъ тягостнымъ и слишкомъ опаснымъ.

И если я порицаю неумѣренное пользованіе этой высшей магистратурой въ первыя времена, то не потому, что вижу въ ней опасность злоупотребленій, а потому, что опасаюсь извращенія ея характера. Вѣдь когда щедро стали расточать диктатуру для производства выборовъ, для освѣщенія какого-нибудь храма, для исполненія пустыхъ формальностей, то можно было бояться, чтобы она не сдѣлалась менѣе страшной, въ случаѣ дѣйствительной необходимости и чтобы не привыкли считать носителемъ пустого званія того, кого назначали только для пустыхъ церемоній.

Къ концу республики, римляне, сдѣлавшись болѣе осмотрительными, скупились на диктатуру такъ же неразумно, какъ прежде неразумно ее расточали. Легко было замѣтить, что ихъ страхъ ни на чемъ не основанъ, что слабость столицы обусловливала тогда ея безопасность отъ магистратовъ, которыхъ она имѣла въ себѣ, что диктаторъ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ защищать общественную

свободу, никогда не имѣя возможности посягнуть на нее и что оковы Рима ковались не въ Римѣ, а въ его арміяхъ. Слабое сопротивленіе, оказанное Маріемъ Суллѣ и Помпеемъ Цезарю, явно показали, чего можно было ожидать отъ внутреннихъ властей, когда противъ нихъ шла внѣшняя сила.

Это заблужденіе повлекло за собой большіе промахи; такъ, было большимъ промахомъ не назначить диктатора въ дѣлѣ Катилины, ибо такъ какъ дѣло касалось города и—самое большое, нѣсколькихъ провинцій Италіи, то съ безграничной властью, какую давалъ законъ диктатору, онъ бы легко разсѣялъ заговоръ, который былъ потушенъ только стеченіемъ счастливыхъ случайностей, которыхъ никогда не слѣдовало бы дожидаться людямъ осторожнымъ.

Вмѣсто этого, сенатъ ограничился тѣмъ, что возложилъ всю свою власть на консуловъ; поэтому Цицеронъ, чтобы дѣйствовать навѣрняка, былъ принужденъ превысить эту власть въ очень существенномъ пунктѣ, и если первые восторги заставили одобрить его поведеніе,—то впослѣдствіи съ полнымъ основаніемъ требовали отъ него отчета въ крови гражданъ, пролитой вопреки законамъ; этого обвиненія не могли бы предъявить диктатору. Но краснорѣчіе консула увлекло за собою все; и самъ онъ, хотя и римлянинъ, любилъ больше свою славу, чѣмъ родину, и не столько искалъ наиболѣе законнаго и наиболѣе вѣрнаго средства спасти государство, сколько способа завоевать всю

славу этого дѣла*). Поэтому онъ былъ справедливо осыпанъ почестями какъ освободитель Рима и справедливо наказанъ за нарушеніе законовъ. Какъ бы ни было блестяще его возвращеніе изъ ссылки, оно было не болѣе, какъ милостью.

Впрочемъ, какимъ бы способомъ ни давались эти важныя полномочія, необходимо ограничить ихъ продолжительность очень короткимъ срокомъ, который никогда не могъ бы быть продленъ: въ критическіе моменты, которые дѣлаютъ диктатуру необходимой, государство быстро бываетъ разрушено или спасено; и, разъ прошла необходимость, диктатура дѣлается тираничной или ненужной. Въ Римѣ диктаторы, избираемые только на шесть мѣсяцевъ отказывались большею частью прежде срока. Если бы срокъ былъ болѣе продолжительный—быть можетъ, они испытывали бы искушеніе его продлить, какъ дѣлали децемвиры со своими годичными полномочіями. Диктаторъ имѣлъ время думать лишь о той настоятельной задачѣ, которая заставила его избрать; ему некогда было заниматься другими проектами.

---

*) На это онъ не могъ бы разсчитывать, если бы онъ предложилъ назначить диктатора; себя самого предложить въ диктаторы онъ не рѣшался, а надѣяться, что его предложитъ его товарищъ, тоже не могъ.

ГЛАВА VII.

О цензурѣ.

Подобно тому, какъ провозглашеніе общей воли дѣлается посредствомъ закона, такъ и провозглашеніе общественнаго приговора дѣлается посредствомъ цензуры; общественное мнѣніе—родъ закона, служителемъ котораго является цензоръ, и который онъ лишь примѣняетъ по примѣру государя къ частнымъ случаямъ.

Цензорскій трибуналъ вовсе не господинъ народнаго мнѣнія, онъ лишь глашатай его, и какъ только онъ удаляется отъ него, его рѣшенія не имѣютъ смысла и остаются безъ послѣдствій.

Безполезно различать нравы націи и предметы ея уваженія; ибо все это держится на одномъ и томъ же принципѣ и по необходимости сливается. У всѣхъ народовъ міра, не природа, но мнѣнія рѣшаютъ вопросъ о выборѣ ими ихъ удовольствій. Исправьте мнѣнія людей, и ихъ нравы сами собой сдѣлаются чище. Любятъ всегда то, что красиво, или то, что находятъ красивымъ; но на этомъ-то сужденіи и ошибаются, и именно его слѣдуетъ регулировать. Кто судитъ о нравахъ, судитъ о чести; а кто судитъ о чести, тотъ черпаетъ свой законъ изъ мнѣнія.

Мнѣнія народа рождаются изъ его устройства; хотя законъ не регулируетъ нравовъ, но законодательство рождаетъ ихъ; когда законодательство ослабѣваетъ, нравы вырождаются: но тогда приго-

воръ цензоровъ не сдѣлаетъ того, что не сдѣлала сила законовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что цензура можетъ быть полезна для охраненія нравовъ, но не для ихъ возстановленія. Назначайте цензоровъ пока законы въ силѣ; какъ только они потеряли ее, все безнадежно; ничто основанное на законѣ не имѣетъ силы, когда не имѣетъ ея самъ законъ.

Цензура поддерживаетъ нравы, не позволяя мнѣніямъ ухудшаться, сохраняя ихъ прямоту мудрыми приложеніями, даже придавая имъ опредѣленность, когда они еще не вылились въ извѣстную форму. Обычай привлекать секундантовъ въ дуэляхъ, доходящій до изступленія во Французскомъ королевствѣ, былъ уничтоженъ слѣдующими только словами королевскаго эдикта: „Что касается тѣхъ, кто имѣетъ трусость звать секундантовъ...“ Это сужденіе, предупреждая сужденіе общественное, опредѣлило его сразу. Но когда тѣ же указы хотѣли объявить, что и поединокъ — трусость, что совершенно справедливо, но противно общему мнѣнію, то это рѣшеніе, о которомъ у нея было уже составлено свое мнѣніе, публика подняла на-смѣхъ.

Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ *), что такъ какъ общественное мнѣніе не можетъ подвергаться принужденію, то не нужно было и слѣда принужденія въ судѣ, его представляющемъ. Нельзя надивиться на то съ какимъ искусствомъ эта двигательная сила, совершенно утраченная въ новое

*) Въ этой главѣ я могу только вкратцѣ формулировать то, о чемъ я пространно говорилъ въ „Письмѣ къ Д' Аламберу“.

время, дѣйствовала у римлянъ, а еще лучше у лакедемонянъ.

Если человѣкъ дурного поведенія высказывалъ правильную мысль въ Совѣтѣ Спарты, эфоры, не принимая его въ расчетъ, заставляли добродѣтельнаго гражданина предложить то же мнѣніе. Какая честь для одного, какое безчестіе для другого, хотя при этомъ не произносилось ни хвалы ни порицанія ни тому, ни другому! Нѣсколько самосскихъ *) пьяницъ, осквернили трибуналъ эфоровъ: на слѣдующій день общественнымъ эдиктомъ было разрѣшено самоссцамъ быть негодяями. Должное наказаніе было бы менѣе строго, чѣмъ подобная безнаказанность. Когда Спарта произносила свой приговоръ о томъ, что честно или безчестно, Грецiя на него не аппеллировала.

ГЛАВА VIII.

О гражданской религіи.

Сначала единственными царями у людей были боги, и единственнымъ правленіемъ—теократическое. Люди разсуждали, какъ Калигула, и тогда они разсуждали вѣрно. Необходимо продолжительное измѣненіе въ нравахъ и мысляхъ, чтобы люди могли рѣшиться признать господиномъ себѣ подобнаго и льстить себя надеждою чувствовать себя хорошо.

Изъ того только, что во главѣ каждаго политическаго общества ставили Бога, послѣдовало, что

*) Они были изъ другого острова, который запрещаетъ называть намъ деликатный языкъ.

было столько боговъ, сколько народовъ. Два чуждыхъ другъ другу и почти всегда враждебныхъ народа, не могли долго признавать одного и того же господина; два войска, вступивъ въ бой, не могли бы повиноваться одному начальнику. Такимъ образомъ, результатомъ національныхъ раздѣленій явился политеизмъ, а оттуда теологическая и гражданская нетерпимость, которая оказывается естественно одинаковой, какъ будетъ сказано объ этомъ ниже.

Если греки вообразили, что они находятъ своихъ боговъ у варварскихъ народовъ, то это было слѣдствіемъ другого фантастическаго представленія—будто они естественные властители этихъ народовъ. Но въ наши дни бываетъ очень смѣшно, когда насъ хотятъ убѣдить въ тожествѣ боговъ различныхъ націй. Какъ будто Молохъ, Сатурнъ и Хроносъ—могли быть однимъ и тѣмъ же богомъ! Какъ будто Ваалъ финикійцевъ, Зевсъ грековъ и Юпитеръ римлянъ могъ быть одинъ и тотъ же; какъ будто могло быть что-нибудь общее у созданныхъ воображеніемъ существъ, носящихъ разныя имена.

Если спросятъ, какимъ образомъ въ язычествѣ, гдѣ каждое государство имѣло свой культъ и своихъ боговъ, не было религіозныхъ войнъ, я отвѣчу, что по тому самому, что каждое государство, имѣя свой собственный культъ равно какъ и свое правленіе, совершенно не отличали своихъ боговъ отъ своихъ законовъ. Политическая война была также религіозной; участки боговъ были, такъ сказать, опредѣлены границами націй. Богъ одного народа не имѣлъ никакого права на другіе

народы. Боги язычниковъ не были ревнивы; они раздѣляли между собой владычество міра. Даже Моисей и еврейскій народъ склонялись къ этой мысли, говоря о Богѣ Израиля. Они считали, правда, за ничто боговъ хананеянъ, народа опальнаго и осужденнаго на гибель, мѣсто котораго они должны были занять; но посмотрите, какъ они выражались о божествахъ сосѣднихъ народовъ, на которыхъ имъ было запрещено нападать: „не должны ли вы законно владѣть тѣмъ, что принадлежитъ Хамосу (Chamos), вашему богу?—говорилъ Іефѳай аммонитянамъ,—мы обладаемъ на тѣхъ же правахъ землями, которыя нашъ Богъ-побѣдитель пріобрѣлъ себѣ“ *). Въ этомъ, мнѣ кажется, ясно выразилось равенство между правами Хамоса и Бога Израиля.

Но когда евреи, подчинившіеся царямъ Вавилона, а потомъ царямъ Сиріи, упорно не хотѣли признавать никакого другого Бога, кромѣ своего, этотъ отказъ, въ которомъ видѣли цѣлый бунтъ противъ побѣдителя, навлекъ на нихъ преслѣдованія, о которыхъ читаемъ въ ихъ исторіи, и подобныхъ которымъ мы не знаемъ въ дохристіанскія времена **).

---

*) Nonne ea quae possidet Chamos deus tuus, tibi jure debentur (Ind. 11). Таковъ текстъ Вульгаты. Карьеръ перевелъ: „не думаешь ли ты, что ты имѣешь право владѣть тѣмъ, что принадлежитъ Хамосу, богу твоему? „Я не знаю еврейскаго текста, но я вижу, что въ Вульгатѣ Іефоай положительно признаетъ право бога Хамоса и что французскій переводчикъ ослабилъ силу этого признанія, прибавивъ отъ себя два слова, не имѣвшіяся въ латинскомъ текстѣ.

**) Вполнѣ очевидно, что война съ фокейцами, называемая Священной войной, не была войной религіозною. Ея цѣлью было наказаніе святотатцевъ, а не подчиненіе невѣрующихъ.

Такъ какъ всякая религія, была связана исключительно съ законами государства, которые ее предписали, то не существовало другого способа обратить народъ въ другую вѣру, какъ его поработить, и не было другихъ миссіонеровъ, кромѣ завоевателей; и такъ какъ принужденіе мѣнять культъ было закономъ для побѣжденныхъ, то нужно было сначала побѣдить и ужъ потомъ говорить объ этомъ. Не люди воевали за боговъ—напротивъ, какъ у Гомера, боги воевали за людей; каждый просилъ побѣды у своего бога, и платилъ за нее новыми храмами. Римляне, прежде чѣмъ занять какую-либо крѣпость, принуждали мѣстныхъ боговъ удалиться; и если они оставили тарентинцамъ ихъ раздраженныхъ боговъ, то это потому, что они считали этихъ боговъ подчиненными своимъ и отъ нихъ зависящими. Они оставили побѣжденнымъ ихъ боговъ, какъ оставили имъ ихъ законы. Вѣнецъ Юпитеру Капитолійскому былъ часто единственною данью, которую они требовали.

Наконецъ, когда римляне распространили вмѣстѣ со своимъ владычествомъ свой культъ и своихъ боговъ, то такъ какъ при этомъ они часто принимали боговъ побѣжденныхъ народовъ въ сонмъ своихъ собственныхъ, предоставляя право гражданства покореннымъ богамъ, какъ предоставляли его покореннымъ народомъ,—у народовъ этой громадной имперіи незамѣтно оказалось множество боговъ и культовъ, почти одинаковыхъ вездѣ, и вотъ какимъ образомъ язычество стало въ извѣстномъ тогда мірѣ, одной и тою же религіей.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Іисусъ при-

шелъ установить на землѣ духовное царство; это положило конецъ государственному единству, отдѣливъ систему религіозную отъ политической, и повело ко внутреннимъ раздѣленіямъ, которыя никогда не переставали волновать христіанскіе народы. Такъ какъ эта новая идея царства не отъ міра сего никогда не могла быть понята язычниками, они смотрѣли на христіанъ, какъ на настоящихъ мятежниковъ, которые, прикрываясь личиною подчиненія ждали только случая, чтобы сдѣлаться независимыми, захватить господство и ловко овладѣть властью, которой они наружно подчинялись, чувствуя свою слабость. Такова была причина гоненій.

То, чего боялись язычники, случилось. Тогда все измѣнилось; смиренные христіане заговорили другимъ языкомъ и всѣ скоро увидѣли, что это, такъ называемое, царство не отъ міра сего, обзавелось видимымъ главою и сдѣлалось самымъ необузданнымъ деспотизмомъ въ этомъ мірѣ.

Однако, такъ какъ всегда были государь и законы гражданскіе, то результатомъ этого двоевластія былъ постоянный споръ между сферою свѣтской и духовной, сдѣлавшій какое бы то ни было благоустройство въ христіанскихъ государствахъ невозможнымъ; и никогда нельзя было окончательно выяснить, свѣтскому господину или священнослужителю обязаны были повиноваться.

Нѣсколько народовъ, однако, даже въ Европѣ или въ ея сосѣдствѣ захотѣли сохранить или возстановить прежнюю систему,—но безуспѣшно; духъ христіанства все заполонилъ. Священный культъ такъ и остался или сдѣлался снова независимымъ

отъ суверена и лишился необходимой связи съ тѣломъ государства. Магометъ имѣлъ весьма здравые взгляды; онъ хорошо связалъ свою политическую систему, и пока форма его правленія существовала при халифахъ, его преемникахъ, это правленіе было едино, и этимъ именно хорошо. Но арабы, достигши процвѣтанія и учености, сдѣлавшись изнѣженными и трусливыми, были покорены варварами; тогда снова началось раздѣленіе между двумя властями; хотя оно проявлялось менѣе отчетливо у магометанъ, чѣмъ у христіанъ, но было и у первыхъ, въ особенности въ сектѣ Али; и есть государства, какъ Персія, гдѣ оно досихъ поръ даетъ себя чувствовать.

Въ Европѣ короли Англіи объявили себя главами церкви; то же сдѣлали русскіе цари; но присвоивъ себѣ такой титулъ они сдѣлались скорѣе служителями церкви, чѣмъ властителями ея; они скорѣе пріобрѣли власть защищать ее, чѣмъ право измѣнять ее устройство: они не законодатели въ церкви, они только государи. Вездѣ, гдѣ духовенство представляетъ корпорацію *)—оно—господинъ

*) Не слѣдуетъ забывать, что духовенство сплочивается въ единую корпорацію не столько путемъ формальныхъ собраній, подобныхъ французскимъ, сколько общеніемъ церквей. Взаимное общеніе и отлученіе — являются общественнымъ договоромъ духовенства, договоромъ посредствомъ котораго оно всегда будетъ господствовать надъ народами и королями. Всѣ священники, которые находятся въ общеніи между собою, — сограждане, хотя бы они находились на разныхъ концахъ свѣта. Это изобрѣтеніе — шедевръ политики. Ничего подобнаго не существовало среди языческихъ жрецовъ. Поэтому они никогда не составляли духовной корпораціи.

и законодатель въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, существуетъ двѣ власти, два суверена, въ Англіи и въ Россіи, также, какъ и вездѣ.

Изъ всѣхъ христіанскихъ писателей философъ Гоббсъ единственный, который хорошо видѣлъ и зло, и средство противъ него, который осмѣлился предложить соединеніе двухъ главъ орла, и привести все къ политическому единству, безъ котораго ни государство, ни правительство, не будутъ имѣть хорошаго устройства. Но онъ долженъ былъ видѣть что властолюбивый духъ христіанства не совмѣстимъ съ его системой, и что интересъ духовенства будетъ всегда сильнѣе интереса государства. Не столько ужасное и ложное въ его политическомъ ученіи, сколько справедливое и истинное сдѣлало его ненавистнымъ для большинства*).

Мнѣ кажется, что развивая съ этой точки зрѣнія историческіе факты, легко можно было бы опровергнуть противоположные взгляды Бэйля и Уорбертона, изъ которыхъ одинъ предполагаетъ, что ни одна религія не приноситъ пользы политическому тѣлу, а другой утверждаетъ, напротивъ, что христіанство — самая твердая его опора. Можно было бы доказать первому, что никогда государство не было основано безъ того, чтобы религія не служила ему основою, а другому,—что христіанскій законъ въ сущности болѣе вреденъ, чѣмъ

*) Смотри между прочимъ въ одномъ изъ писемъ Гроціуса къ брату отъ 11 апрѣля 1643 года, что́ одобряетъ и что́ порицаетъ этотъ ученый въ книгѣ Гоббса „De cive“. Правда, склонный къ снисходительности, онъ повидимому прощаетъ автору хорошее изъ-за дурного. Но такое милосердіе обнаружитъ не всякій.

полезенъ крѣпкому государственному устройству. Чтобъ быть окончательно понятымъ, мнѣ стоитъ только придать немного болѣе точности смутнымъ идеямъ о религіи, посколько онѣ касаются моего предмета.

Религія, разсматриваемая въ ея отношеніи къ обществу, которое бываетъ или общимъ или частнымъ,—можетъ тоже быть раздѣлено на два рода, именно: религія человѣка и религія гражданина. Первая — безъ храмовъ, безъ алтарей, безъ обрядовъ, ограниченная чисто внутреннимъ почитаніемъ всевышняго Бога и вѣчными обязанностями моральнаго свойства,—составляетъ чистую и простую религію Евангелія, истинный теизмъ, то, что можно назвать естественнымъ божественнымъ правомъ. Другая, введенная въ одной странѣ, даетъ ей боговъ, ея спеціальныхъ патроновъ — покровителей; она имѣетъ свои догматы, свои обряды, свой внѣшній культъ, установленный закономъ; исключая единственной націи, которая ей слѣдуетъ, всѣ для нея невѣрные, чужіе, варвары; она распространяетъ идею объ обязанностяхъ и правахъ человѣка не дальше тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоятъ ея алтари. Таковы были всѣ религіи первыхъ людей, которымъ можно дать названіе гражданскаго или положительнаго божественнаго права.

Существуетъ третій родъ религіи, болѣе странный, который, давая людямъ два законодательства, двухъ начальниковъ, два отечества, подчиняетъ ихъ противорѣчивымъ обязанностямъ, и препятствуетъ имъ быть одновременно набожными людьми и гражданами. Такова религія ламъ, такова рели-

гія японцевъ, таково римское христіанство. Это послѣднее можно назвать религіей жреческою. Результатомъ ея является родъ смѣшаннаго и враждебнаго общественности права, который не имѣетъ названія.

Въ смыслѣ политическомъ всѣ эти три рода религіи имѣютъ свои недостатки. Третій родъ очевидно настолько плохъ, что не стоитъ тратить времени и развлекаться, доказывая это; все, что разрываетъ соціальное единство, никуда не годится; всѣ установленія, ставящія человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собой, не стоятъ ничего.

Вторая хороша тѣмъ, что она соединяетъ божественный культъ съ любовью къ законамъ, и что, дѣлая отечество предметомъ почитанія гражданъ, она учитъ ихъ, что служеніе государству есть служеніе его богу-покровителю. Это своего рода теократіи, въ которой не слѣдуетъ имѣть другого первосвященника кромѣ государя, ни другихъ жрецовъ кромѣ магистратовъ. Тогда умереть за свое отечество — значитъ принять мученичество; насиловать законъ—быть нечестивымъ, а подвергнуть виновнаго общественному проклятію—обрекать его на гнѣвъ боговъ: Sacer estod.

Но она не хороша тѣмъ, что, будучи основана на заблужденіи и лжи, она обманываетъ людей, дѣлаетъ ихъ легковѣрными, суевѣрными и топитъ истинный культъ Божества въ пустомъ церемоніалѣ. Она не хороша еще тогда, когда, дѣлаясь исключительной и тираничной, она дѣлаетъ народъ кровожаднымъ и нетерпимымъ, такъ что онъ только и дышетъ, что убійствомъ и рѣзней и ду-

маетъ, что совершаетъ благочестивое дѣло, убивая всякаго, кто не признаетъ его боговъ. Это ставитъ такой народъ въ естественное положеніе войны со всѣми другими, — положеніе, весьма вредное для его безопасности.

Итакъ, остается религія человѣка или христіанство, но христіанство не нынѣшнее, а временъ Евангелія, которое совершенно отлично отъ перваго. Согласно этой святой, возвышенной, настоящей религіи, люди—дѣти одного Бога,—признаютъ другъ друга братьями, и общество, ихъ составляющее, не расторгается и даже послѣ смерти.

Но эта религія, не имѣя никакого частнаго отношенія къ политическому тѣлу, оставляетъ законамъ единственно ту силу, которую они черпаютъ въ себѣ, не прибавляя имъ никакой другой и отъ этого одна изъ великихъ связей частнаго общества остается въ бездѣйствіи. Больше того: она не только не привязываетъ гражданъ къ государству, она отрываетъ ихъ отъ него, какъ отъ всякой вещи земной. Я ничего не знаю болѣе противнаго духу общественности.

Намъ говорятъ, что народъ истинныхъ христіанъ образовалъ бы самое совершенное общество, которое можно было бы себѣ представить. Я думаю, что такое предположеніе встрѣчаетъ лишь одно большое затрудненіе: общество истинныхъ христіанъ не было бы болѣе обществомъ людей.

Я говорю даже, что это воображаемое общество не было бы, при всемъ его совершенствѣ, ни самымъ сильнымъ, ни самымъ прочнымъ: въ силу своего совершенства, оно было бы лишено связи;

его разрушительная сила лежала бы въ самомъ его совершенствѣ.

Всякій исполнялъ бы свой долгъ; народъ былъ бы подчиненъ законамъ, вожди были бы справедливы и исполнены мягкости, магистраты—честны и неподкупны; солдаты презирали бы смерть; не было бы ни тщеславія, ни роскоши... Все это прекрасно; но посмотримъ дальше.

Христіанство — религія чисто-духовная, занятая исключительно мыслью о небѣ. Отечество христіанина не отъ міра сего—онъ исполняетъ свой долгъ, это правда, но ему глубоко безразличенъ успѣхъ или неуспѣхъ его заботъ. Лишь бы у него не было чего-нибудь, за что могъ бы себя укорять, ему почти все равно, хорошо ли или дурно все обстоитъ на землѣ. Если государство процвѣтаетъ, онъ едва рѣшается наслаждаться общественнымъ счастьемъ; онъ боится возгордиться славой своей страны; если государство приходитъ въ упадокъ, онъ благословляетъ десницу Бога, тяготѣющую на его народѣ.

Чтобы общество пользовалось спокойствіемъ и чтобы царила въ немъ гармонія, слѣдовало бы, чтобы всѣ граждане, безъ исключенія, были одинаково хорошими христіанами: но если, по несчастію, найдется одинъ честолюбецъ, одинъ лицемѣръ, какой-нибудь Катилина, напримѣръ, или Кромвель — онъ, конечно, очень легко справится со своими благочестивыми соотечественниками. Христіанское милосердіе не позволяетъ дурно думать о своемъ ближнемъ. Какъ только такой человѣкъ, съ помощью какой-нибудь хитрости, сумѣетъ ихъ

обмануть и захватить часть общественной власти—онъ уже укрѣпился въ своемъ положеніи; Богу угодно, чтобы его уважали: вскорѣ онъ овладѣваетъ властью вполнѣ: Богу угодно, чтобы ему повиновались; если хранитель этой власти злоупотребляетъ ею, это розга, которой Богъ наказываетъ своихъ дѣтей. Совѣстно было бы изгнать узурпатора; нужно было бы нарушить общественный покой, пускать въ ходъ насиліе, проливать кровь: все это дурно согласуется съ христіанской кротостью; а въ концѣ концовъ развѣ не безразлично быть свободными или рабами въ этой юдоли бѣдствій? Самое главное—попасть въ рай и безропотная покорность служитъ къ этому лишь лишнимъ средствомъ.

Случится ли внѣшняя война, граждане охотно идутъ въ битву; ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о бѣгствѣ; они исполняютъ свой долгъ,—но исполняютъ безъ страстнаго желанія побѣдить; они лучше умѣютъ умирать, чѣмъ побѣждать. Окажутся ли они побѣдителями или будутъ побѣждены—не все ли равно? Развѣ Провидѣніе не знаетъ лучше ихъ, что имъ необходимо. Не трудно представить себѣ, какую выгоду можетъ извлечь гордый, пылкій, страстный непріятель изъ ихъ стоицизма! Поставьте лицомъ къ лицу съ ними тѣ благородные народы, которыхъ пожирала неукротимая любовь къ славѣ и къ отечеству, предположите, что ваша христіанская республика стоитъ противъ Спарты или Рима: набожные христіане будутъ разбиты, раздавлены, уничтожены, прежде чѣмъ успѣютъ опомниться, или будутъ обязаны

своимъ спасеніемъ лишь презрѣнію, которымъ проникнутся къ нимъ ихъ враги. Прекрасенъ былъ, по моему мнѣнію, обѣтъ солдатъ Фабія; они не клялись умереть или побѣдить, они поклялись возвратиться побѣдителями и сдержали свою клятву: никогда христіане не дали бы подобнаго обѣта; они думали бы, что искушаютъ Бога.

Но я ошибаюсь, говоря христіанская республика. Каждое изъ этихъ словъ исключаетъ другое. Христіанство проповѣдуетъ только рабство и зависимость. Духъ его слишкомъ благопріятенъ для тираніи, чтобы она не пользовалась этимъ безпрестанно. Истинные христіане сдѣланы для того, чтобы быть рабами, они это знаютъ и это ихъ почти не безпокоитъ; короткая земная жизнь имѣетъ слишкомъ мало цѣны въ ихъ глазахъ.

Христіанское войско великолѣпно, говорятъ намъ. Я это отрицаю. Пусть мнѣ покажутъ такое. Я съ своей стороны не знаю христіанскаго войска. Мнѣ напомнятъ крестовые походы. Не вступая въ споры о храбрости крестоносцевъ, я замѣчу, что далеко не будучи христіанами, они были солдатами духовенства, гражданами церкви: они сражались за ея духовный удѣлъ, который она превратила въ свѣтскій неизвѣстно какимъ образомъ. Если судить объ этомъ правильно, то это похоже на возвратъ къ язычеству: такъ какъ Евангеліе не установляетъ національной религіи, то всякая священная война невозможна между христіанами.

При языческихъ императорахъ, христіанскіе солдаты были храбры; всѣ христіанскіе писатели увѣряютъ въ этомъ, и я этому вѣрю: это было у нихъ

соревнованіе чести съ языческими войсками. Какъ только императоры стали христіанами, это соревнованіе исчезло, и когда крестъ вытѣснилъ орла, вся храбрость римская пропала.

Но, оставляя въ сторонѣ политическія соображенія, возвратимся къ праву и установимъ принципы относительно этого важнаго пункта. Право надъ подданными, данное суверену общественнымъ договоромъ не переходитъ, какъ я сказалъ, границы общественной пользы *). Подданные обязаны давать отчетъ суверену въ своихъ мнѣніяхъ лишь постольку, поскольку эти мнѣнія важны для общества. Государству важно, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ религію, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религіи интересуютъ государство и его членовъ лишь въ такой степени, въ какой эти догматы относятся къ морали и обязанностямъ, которыя долженъ исполнять по отношеніи другихъ тотъ, кто такой морали придерживается. Въ остальномъ всякій можетъ имѣть мнѣнія, какія ему угодно и суверенъ не имѣетъ право о нихъ справляться; ибо такъ какъ его полномочія не распространяются на загробный міръ, то какова бы ни была судьба подданныхъ

*) „Въ республикѣ, говоритъ маркизъ Д. А(ржансонъ), каждый вполнѣ свободенъ въ томъ, что не приноситъ вреда остальнымъ“. Такова неизмѣнная граница; невозможно установить ее болѣе точно. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи ссылаться иногда на эту рукопись, хотя и неизвѣстную публикѣ, чтобы воздать почести памяти славнаго и достойнаго уваженія человѣка, который даже будучи министромъ сохранилъ въ себѣ сердце истиннаго гражданина, правильные и здравые взгляды на управленіе своей страною.

въ будущей жизни, это не его дѣло, лишь бы они были хорошими гражданами въ теченіи своей земной жизни.

Существуетъ, такимъ образомъ, чисто гражданское исповѣданія вѣры, параграфы котораго имѣетъ право опредѣлять суверенъ; но здѣсь дѣло идетъ не о религіозныхъ догматахъ въ собственномъ смыслѣ, но о чувствѣ общественности, безъ котораго невозможно быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ *). Не будучи въ состояніи заставить кого бы то ни было вѣрить имъ, онъ можетъ изгнать изъ государства всякаго, кто ихъ не признаетъ, изгнать не какъ нечестиваго, а какъ человѣка противообщественнаго, неспособнаго искренно любить законы, справедливость и жертвовать въ случаѣ необходимости своею жизнью для долга. Если кто нибудь, признавъ публично эти догматы, ведетъ себя, какъ человѣкъ не признающій ихъ, пусть онъ будетъ наказанъ смертью: онъ совершилъ самое большое преступленіе, онъ солгалъ передъ законами.

Догматы гражданской религіи должны быть просты, немногочисленны, формулированы точно, безъ объясненій, и комментаріевъ. Существованіе Божества могущественнаго, разумнаго, благодѣ-

---

*) Цезарь въ своей защитительной рѣчи за Катилину пытался установить догматъ смертности души. Чтобы его опровергнуть Катонъ и Цицеронъ не стали забавляться философскими разсужденіями; они ограничились указаніемъ на то, что рѣчи Цезаря недостойны хорошаго гражданина и выдвигаютъ ученіе гибельное для государства. И дѣйствительно, сенату нужно было принять рѣшеніе именно по этому вопросу, а не по богословскому спору.

тельнаго, предусмотрительнаго и заботливаго; будущая жизнь, счастье праведныхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ—вотъ догматы положительные? Что касается отрицательныхъ догматовъ, я ограничиваюсь указаніемъ одного: это—нетерпимость; она входитъ въ тѣ религіи, которыя мы исключили.

Тѣ, которые отличаютъ нетерпимость гражданскую отъ нетерпимости религіозной, по моему мнѣнію ошибаются: эти два вида нетерпимости нераздѣльны. Невозможно жить въ мірѣ съ людьми, которыхъ считаешь проклятыми; любить ихъ значило бы ненавидѣть Бога, который ихъ наказываетъ: необходимо нужно, чтобы они были обращены или чтобы они подвергнуты были мученіямъ. Тамъ, гдѣ допущена нетерпимость религіозная, невозможно, чтобы она не имѣла какого нибудь вліянія въ дѣлахъ гражданскихъ *); и какъ только это вліяніе

*) Такъ какъ, напримѣръ, бракъ является гражданскимъ договоромъ, то онъ приводитъ къ послѣдствіямъ, безъ которыхъ общество не можетъ даже существовать. Предположимъ, что духовенству удастся присвоить себѣ одному право осуществлять этотъ актъ, право, которое оно по необходимости должно узурпировать во всякой нетерпимой религіи, — не ясно ли, что въ этомъ случаѣ, осуществляя въ надлежащій моментъ церковную власть, оно сдѣлаетъ ненужной власть государя, и что у государя останутся только тѣ подданные, которыхъ пожелаетъ уступить ему духовенство? Обладая полнымъ правомъ вѣнчать или не вѣнчать людей, смотря по тому, признаютъ они или не признаютъ такое-то ученіе, принимаютъ или отвергаютъ тѣ или иныя формы исповѣданія, преданы они церкви или нѣтъ, мудро слѣдуя своей политикѣ, настойчиво проводя свою точку зрѣнія—духовенство, несомнѣнно, одно будетъ располагать распредѣленіемъ наслѣдствъ, назначеніемъ на должности, одно будетъ господиномъ и гражданъ

обнаруживается, суверенъ болѣе не суверенъ даже въ свѣтскихъ дѣлахъ: съ той минуты духовенство— настоящіе повелители, а цари—только ихъ помощники.

Теперь, когда нѣтъ и не можетъ быть исключительно національной религіи, слѣдуетъ терпѣть всѣ тѣ, которыя сами терпятъ другія, посколько ихъ догматы не имѣютъ ничего противнаго долгу гражданина. Но кто смѣетъ говорить: „внѣ церкви нѣтъ спасенія“, тотъ долженъ быть изгнанъ изъ государства, если только государство—не церковь, и государь—не первосвященникъ. Такой догматъ хорошъ только въ теократическомъ правленіи, во всякомъ другомъ онъ пагубенъ. Причина, переходъ въ католичество, которую приписываютъ Генриху IV должна была бы заставить отказаться отъ этой религіи всякаго честнаго человѣка, и въ особенности всякаго монарха, умѣющаго разсуждать.

и самого государства, ибо послѣднее не можетъ существовать, если въ немъ будутъ одни незаконнорожденные. Но, скажутъ мнѣ, поднимутъ протестъ противъ злоупотребленій церкви, будутъ вызывать ее къ суду, составлять противъ нее приговоры, конфисковывать ея свѣтскія владѣнія. Жалкія средства! Какъ ни мало у духовенства, не скажу мужества, а здраваго смысла, оно предоставитъ дѣлать все это, а само будетъ продолжать свою политику. Оно спокойно дастъ протестовать, тянуть къ суду, составлять приговоры, налагать конфискацію и — въ концѣ концовъ останется господиномъ. Мнѣ кажется, не велика жертва — отказаться отъ части, чтобы овладѣть всѣмъ!

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Установивъ истинныя причины политическаго права, и попытавшись найти въ немъ твердую основу для государства, я долженъ былъ бы укрѣпить его со всѣхъ сторонъ внѣшними отношеніями, что обнимало бы международное право, торговлю, право войны и завоеванія, публичное право, союзы, переговоры, трактаты и проч. Но все это образуетъ новый предметъ, слишкомъ обширный для моего ограниченнаго кругозора: я вообще долженъ былъ бы нѣсколько больше его ограничивать.

Конецъ.